

А.Бузгалин

По ту сторону

Библиотека журнала "Альтернативы" / "Alternatives"

ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ
(Эскизы к концепции)

Библиотека журнала "Альтернативы"

А.Бузгалин

**По ту сторону
"ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ"**

(Эскизы к концепции)

**Москва
1998**

Научно-публицистическая серия

Библиотека журнала "Альтернативы"

(продолжение научно-публицистической серии "Третий путь")

Бузгалин А. По ту сторону "царства необходимости" (эскизы к концепции). М.: Экономическая демократия , 1998, 191 с.

Рубеж тысячелетий знаменуется возникновением нового качества общественного развития. Под натиском глобальных проблем и новых технологий изменяются социально-экономические отношения, цели и стимулы человеческой жизни, духовный мир. Автор (профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, опубликовавший более 150 работ на многих языках мира), обобщая большой объем фактов и теоретических разработок ученых России и зарубежных стран, предлагает оригинальные *гипотезы*, показывающие:

- *каким может быть новое качество общественного производства постиндустриальной эры;*
- *что устарело в социально-экономической теории марксизма и esopotics;*
- *почему власть современного корпоративного капитала ведет человечество к обострению глобальных проблем;*
- *какие качественно новые общественные отношения могут обеспечить достойный ответ человечества на вызов 21 века;*
- *кто и как может осуществить радикальные изменения, ведущие человечество из "царства необходимости" в "царство свободы".*

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов, всех, кто заинтересован в поиске решений глобальных проблем современного мира.

ISBN5-85545-043-0

© А. Бузгалин, 1998

Издательская лицензия ЛР № 061583 от 01.09.92

Книги "Экономической демократии" издаются за счет средств спонсоров или авторов. Товарищество свои услуги по подготовке рукописей к печати оказывает бесплатно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Эскиз 1.	
Несколько предварительных замечаний	8
1.1. Неомарксизм и теории постиндустриального (информационного) общества: несколько замечаний об источниках исследования.....	8
1.2. К характеристике “царства необходимости”.....	18
Эскиз 2.	
Снятие отчуждения: “по ту сторону” материального производства	26
2.1. Смена доминанты: от материальных ресурсов и утилитарных потребностей к культурным ценностям. “Информационное общество”.....	28
2.2. Смена доминанты: от репродуктивного к творческому содержанию деятельности. “Революция знаний” и “общество профессионалов”.....	43
2.3. Смена доминанты: “производство” креатосферы. “Общество услуг” и “постиндустриальное общество”.....	54
Эскиз 3.	
Снятие отчуждения: социально-экономические отношения	70
3.1. Некоторые предварительные замечания.....	70
3.2. Пострыночное общество: на пути к сознательному регулированию распределения ресурсов и пропорций.....	74
3.2. Преодоление отчуждения работника от средств производства: на пути к освобождению труда.....	97

- 3.3. Преодоление отчуждения.
 Несколько штрихов к характеристике отношений
 распределения и воспроизводства.....118

Эскиз 4

Снятие отчуждения: социально-политические отношения и духовное воспроизводство.....126

- 4.1. Закат “царства необходимости”
 Изменения в социальной структуре.....128
- 4.2. Снятие предыстории: предпосылки развития
 социального творчества..... 143
- 4.3. Снятие духовного производства.....151
- 4.4. Генезис креатосферы:
 социально-экономические и духовные препятствия.....153

Эскиз 5.

Преодоление отчуждения. Глобализация противоречий мирового сообщества и перспективы их снятия...161

- 5.1. Глобальная гегемония корпоративного капитала
 и предпосылки нового интернационализма..... 161
- 5.2. Система глобальных проблем человечества
 и перспективы их преодоления.....179

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа более чем необыкновенна и отличается от рукописей, которые делаются не спеша, после серьезных подготовительных исследований. Это скорее размышления вслух, *эскизы*, предварительный материал, который мне хотелось бы обсудить с моими коллегами. В недалеком будущем я надеюсь подготовить гораздо более проработанную и фундированную книгу.

В то же время я не могу сказать, что он появился случайно. Ему предшествовала значительная работа автора, пожалуй, что на протяжении всех последних 25 лет его сознательной научной деятельности. Замысел этой работы вынашивался годами, так что она представляет собой лишь одно из звеньев в серии публикаций, подготовленных автором. Сразу же подчеркну, что большая часть из этих работ была подготовлена мной совместно с А.И.Колгановом. В диалоге с ним были сформулированы и основные идеи предлагаемых ниже эскизов.

Что же касается ранее подготовленных автором работ, то, если оставить в стороне неопубликованные рукописи и отдельные пассажи, встречавшиеся еще в работах 70-х - 80-х годов, следует назвать в качестве первой сколько-нибудь системной публикации на эту тему развернутую статью в сборнике *"По ту сторону отчуждения"* (М., 1990), где автор представил определенную систему гипотез, во многом пересекающихся с содержанием данной книги. Затем появились статьи на данную тему¹, а в последнее время А.И.Колганов, автор и его коллеги подготовили достаточно интересный, хотя и несколько сырой обзор работ современных зарубежных авторов по проблемам постиндустриального общества (*"Социум XXI века"*/под ред. А.И.Колганова/, М., 1998); этот обзор является одним из источников, которым вполне можно пользоваться для понимания сути проблемы, обсуждаемой в данной работе.

Наряду с этими теоретическими книгами мной была опубликована небольшая работа *"Будущее коммунизма"* (М., Олма-Пресс, 1996), в которой сделана попытка связать теоретические размышления о рождении "царства свободы" и прехождении, отмирании царства экономической необходимости с проблемами

¹ См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990; Бугалин А. Рождение постэкономического общества - вызов теории//Экономическая теория на пороге XXI века. С.-П., Петрополис, 1996 (первоначальный вариант этого текста был мной опубликован в журнале "Вопросы экономики", 1993, № 12).

социально-экономического переустройства общества, проблемами политической борьбы и поиска той общественной силы, которая может обеспечить такие подвижки. Эта книга носит своеобразный характер, являясь своего рода программным, весьма политизированным материалом, так что для читателя, не интересующегося проблемами политики и желающего остаться в области чистой теории, последняя работа будет, пожалуй, чрезмерным и пугающим дополнением. Впрочем, часть теоретических пассажей "Будущего коммунизма" включена в данную работу.

Несмотря на значительное внимание автора к широкому кругу западных источников по проблемам постиндустриального (информационного) общества, революции знаний и т.д., главным образом эта работа исходит из марксистской парадигмы, из старых марксистских тезисов (старых в том смысле, что они были высказаны 100-150 лет назад) о "царстве свободы", которое лежит по ту сторону материального производства, о том, что будущее общество будет эпохой, которая *снимает* (в гегелевском смысле этого слова), отрицает с удержанием положительного все "царство необходимости", *весь мир отчуждения*².

Таким образом, можно предположить, что основными слагаемыми этого будущего мира станет отрицание предшествующей системы как целого. Такой подход позволит нам хотя бы отчасти разрешить кажущееся фатальным затруднение с определением *предмета исследования*. В самом деле, чему будет посвящена эта работа? Характеристике "царства свободы", которого еще нет? Отнюдь. Ее предмет - налично данная материя - тенденции самоотрицания, имеющиеся и прогрессирующие в рамках "царства необходимости", мира отчуждения.

Отсюда и *логика данной работы*: последняя будет построена на основе диалектического "отслеживания" этого снятия и будет исходить пока, в качестве исходного пункта, из тех элементов, из той структуры, которые характерны для предыстории, "царства необходимости".

Достаточно понятно, что для такого исследования адекватным стал *диалектический метод*. Сложность и многообразие последнего не позволяют дать его краткое описание во введении, поэтому сошлюсь лишь на то, что автор относит себя к ученикам Э.В. Ильенкова и именно в этой традиции будет проводить свое исследование. Наиболее важным аспектом диалектического метода для нас станет исследование снятия и развития через противоречия (при акценте на качественном отрицании, на преодолении прежнего и рождении нового системного качества; через снятие, через критику прошлого с удержанием положительного), ибо, в некотором смысле, противоречие - само есть развитие, а развитие есть противоречие. Естественно, что нам придется рассматривать

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 386-387.

не только революционные, качественные изменения, но и изменения эволюционные, проходящие в рамках предшествующей системы, где определенное накопление “взрывного потенциала” (если так можно выразиться) будет не менее важной исследовательской проблемой, чем анализ самого скачка.

Кроме того, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что мы будем рассматривать преимущественно *мета-системы* (по сравнению с системами, даже такими значительными как формации или цивилизации, которые принято исследовать в социальных и экономических науках последнего времени). Для нас предметом станут не отдельные цивилизации или способы производства, но целостный мир “царства экономической необходимости”. Впрочем, это уже повторение.

ЭСКИЗ 1.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ.

1.1. Неомарксизм и теории постиндустриального (информационного) общества: несколько замечаний об источниках исследования

В своих исследованиях на протяжении всех этих лет я опирался на широкий круг источников. Среди них главными являются, прежде всего, *работы классических и современных марксистов*, рукописи и книги самого К.Маркса, Ф.Энгельса и В.Ленина, работы Р.Люксембург, Д.Лукача (который подверг переосмыслению и существенному развитию классический марксизм в области и антологии общественного бытия и анализа форм общественного сознания), А.Грамши (особенно - его теория гегемонии), Ж.-П.Сартра (в области проблем отчуждения, личности и т.п.). Все они будут присутствовать в данном случае в как бы снятом виде (они “переварены”, переработаны автором, но отсылки к ним практически не будет, эта книга - всего лишь, повторю еще и еще раз, размышления вслух).

Из современных западных марксистов, пожалуй, непосредственно на автора в наибольшей степени повлияли работы И.Мессароша и Б.Олмана¹.

Ну, и самое главное, о чем я уже упоминал - это *советская школа творческого марксизма 60-х - 70-х годов*, прежде всего, работы Э.Ильенкова, Г.Батищева, Н.Злобина, В.Межуева и многих их коллег, писавших о генезисе царства свободы, о творческом коммунистическом труде, о культуре, как мире сотворчества, о преодолении мира отчуждения (упоминаемые ниже работы - как правило переиздания публикаций 60-70-х годов)².

¹ См., напр.: Bertell Ollman. Alienation. N.Y.-Cambridge, Cambridge University Press, 1971, 1990; Ivan Meszaros. Marx's Theory of Alienation. L., 1970

² См.: Батищев Г. Диалектика творчества. М., деп. в ИНИОН, 1974; Нравственный прогресс и личность., Вильнюс, 1976, с. 111-117; Биб-

Пожалуй, в первую очередь, именно этому наследию, обращению к нему в начале моей научной деятельности данная работа и обязана своим появлением на свет.

С другой стороны, важным источником для размышлений на тему снятия царства экономической необходимости, естественно, стали работы авторов, занятых исследованиями *глобальных проблем человечества*. Я бы сделал акцент на серии работ В.Вернадского, посвященных проблемам рождения ноосферы - сферы разума, сферы, где человек становится ответственен за воспроизводство природы, ее разумное восстановление и прогресс³; а также работах теоретиков Римского клуба, начиная с известной книги *Ауреллио Печчеи "Человеческие качества"* (М., 1985) и включая все их последующие доклады, в которых делался акцент на идеях "человеческой революции", гуманизации общественной жизни, рождения баланса между природой и обществом⁴.

Не могу не отметить и то, что в последние годы появились работы отечественных авторов по проблемам генезиса нового ка-

лер В.С. Мышление как творчество. М., 1975; Вазюлин В.А. Логика истории. М., 1988; Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976; Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1979; Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991; Лившиц М. К.Маркс. Искусство и общественный идеал. М., 1979; Межуев В.М. Культура и история. М., 1976; Шенкман Б.И. Духовное производство и его своеобразие//Вопросы философии, 1966, № 12 и др. В последнее время вышла новая книга Н.Злобина "Культурные смыслы науки" (М., 1997) развивающая эти идеи.

³ Хорошая подборка основных идей этого автора и библиография содержатся в брошюре "В.И.Вернадский о ноосфере" (М., 1989)

⁴ См., напр.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985; Meadows D., Meadows D., Randers J., Beherens III. W. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind - N.Y. 1975; Peccei A. One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome. - London; Sydney: Macdonald, 1982; Месарович М. Поиск новой парадигмы для глобальной проблематики (Доклад, представленный на заседании Римского клуба в июне 1989 года). //Лейбин В.М. Глобальная проблематика: Научные исследования и дискуссии. - М.: ВНИИСИ, 1991.

Обзор докладов Римскому клубу см. в: Антипина О. Глобальные социально-экономические проблемы современности: взгляд Римского клуба//Альтернативы, 1995, №2; Антипина О., Иноземцев В. - Э.Фон Вайцзеккер, А.Ловинс, Х.Ловинс. Фактор 4: в два раза больше богатства из половины ресурсов. Новый доклад Римскому клубу//Вопросы философии, 1997, № 11.

чества общественного развития. В мою задачу не входит их систематический анализ (напомню, данная работа - это не более, чем ряд эскизных набросков), поэтому упомяну лишь некоторые имена.

Проблема нового качества общественного развития рассматривается в некоторых работах таких известных ученых как *Н.Моисеенко, Ю.Красин, К.Шахназаров, Ю.Яковец* и др.

Особо мне хотелось бы выделить ряд работ моих молодых коллег (они во многом стали предлогом для публикации этой сыроватой книжки - начав разрабатывать данную проблему в 70-е годы и подготовив рукописи в многие сотни страниц я ухитрился практически ничего не опубликовать на эту тему, мечтая о "нетленке"...). Прежде всего, я хочу отметить статьи и книги *В.Иноземцева* (в них, на мой взгляд, содержится наибольшее на данный момент продвижение в деле исследования "постэкономической формации" с позиций, напоминающих "легальный марксизм")⁵, книгу *В.Красильщикова "Превращения доктора Фауста" (М., 1994)*, а так же диссертацию *О.Антипиной* по проблемам генезиса постиндустриального общества, в которой содержится систематизация и обобщение многочисленных западных исследований. Все эти работы послужили важным основанием (особенно в части анализа западной литературы) для подготовки данных "эскизов".

Наряду с этим, в принципе хорошо знакомым отечественной научной общественности кругом работ, автор широко использовал критически переосмысленные *работы современных авторов, которые написаны о постиндустриальном (информационном) обществе, революции знаний и т.п.* Они подвергаются, пожалуй, наиболее критическому анализу по сравнению с другими уже упомянутыми блоками источников, прежде всего потому, что, на мой взгляд, они акцентируют внимание на тех формах, которые развиваются в рамках мира отчуждения и подчинены ему, на превратных формах рождения "царства свободы".

Поскольку эти течения несколько менее известны отечественному читателю позволю себе вариант краткой систематизации этих работ.

* * *

Концепции постиндустриального общества сложились в сколько-нибудь завершенном виде в западной литературе лишь в

⁵ См.: Иноземцев В. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995; Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998; Иноземцев В. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии, 1997, № 10 и др.

60-е годы, хотя целый ряд этих идей был предвосхищен учеными разных стран еще столетия назад.

В XX веке научно-технический прогресс, а затем научно-техническая революция, институциональные и социально-экономические изменения так же подвели многих авторов к идее генезиса нового качества общественного и технологического развития, на пороге которого стоит человечество. Во многом эти идеи перекликались и с упомянутыми концепциями глобалистов (начиная с теории ноосферы, выдвинутой В.И.Вернадским более 50 лет назад).

Однако в наши задачи не входит систематический анализ всего этого круга проблем. Остановимся лишь на некоторых аспектах развертывания идей постиндустриального общества в зарубежной литературе последних двух десятилетий.

К концу 60-х - началу 70-х годов сложилась примерно следующая картина в исследовании постэкономической реальности.

1. Школы, представляющие собой “техницистское” направление, прежде всего теории постиндустриального общества (*Д.Белл, Г.Кан, З.Бжезинский*)⁶, а так же (скорее, в 70-е годы) “антитехницистское” течение, направление “катастрофизма” (*Р.Хейлбронер*)⁷. Эти течения по своей парадигме весьма близки к теориям нового индустриального (*Д.Гэлбрейт*) общества⁸.

2. Подход, акцентирующий внимание на “стадиях роста” (*У.Посту*) и рождении общества, ориентированного на поиск “качества жизни”. Этот подход отчасти пересекается с более ранними теориями “народного капитализма” (*П.Дракер, Л.Келсо*), “государства всеобщего благоденствия” (*К.Болдуен, М.Лернеп и др.*), “социального рыночного хозяйства” (*Л.Эрхард, начиная с конца 40-х*) и социал-демократических версий капитализма.

3. Концепции, акцентирующие внимание на структурных сдвигах или рождении новых особо значимых технологий, напри-

⁶ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. - N.Y.: Basic Books, 1973; Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976; Bell D. Sociological Journeys. Essays 1960 - 1980. London: Heinemann, 1980; Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970; Kahn H., Wiener A.J. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. - N.Y.: Macmillan; L.: Collier- Macmillan, 1967; Kahn H., Brown W., Martel L. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. - N.Y. Morrow, 1971.

⁷ Heilbroner R.L. An Inquiry into the Human Prospect. N.Y.: Norton, 1974; Heilbroner R.L. Business Civilization in Decline. N.Y.: Norton, 1976.

⁸ Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. - М.: Прогресс, 1976.

мер, теория “общества услуг” или идеи “атомного века” (позднее - века/эры компьютеров, телекоммуникаций и т.п.)⁹.

4. Школы, тяготеющие к анализу глобальных проблем с выводами о необходимости гуманизации и экологизации общественного развития, прежде всего (в 60-е - начале 70-х гг.) - *Римский клуб*.¹⁰

5. Зарождающиеся “постиндустриальные” социалистические и “радикально-гуманистические” течения, делающие акцент на неспособности капитализма решить глобальные проблемы (экологии, войны и мира, гуманизации развития и т.п.) и представленные в этот период Э. Фроммом, некоторыми отдельными учеными в рамках евромарксизма и “новыми левыми” (*Г. Маркузе*).¹¹

6. Марксизм в СССР и Восточно-Европейских странах, представленный двумя тенденциями: малоинтересной официальной (исследования НТР, автоматизации и т.п.) и весьма содержательной “боковой ветвью” (исследования культуры и творчества, лежащих “по ту сторону” материального производства, содержания всеобщего творческого труда, свободного развития личности как процесса творчества и т.п. в СССР, в рамках школы Praxis, *А. Шаффом*¹² и т.п.).

Начиная с 70-х и до середины 80-х годов происходит ряд видоизменений в “раскладке” постэкономических теорий.

1. В рамках “техницистских” теорий происходит постепенное обращение к отдельным конкретным проблемам при общем падении популярности идей постиндустриального (нового индустриального) общества. Некоторым исключением следует признать растущие еще из предыдущего этапа работы *О. Тоффлера*, посвященные попыткам системного осмысления “третьей волны”¹³.

⁹ Обзор этих работ см. В: “Американская модель”: с будущим в конфликте. Под общ. ред. Шахназарова Г.Х., М.: Прогресс, 1984.

¹⁰ Выше были упомянуты основные доклады Римскому клубу и их обзоры.

¹¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989; Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990; Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston, 1967.

¹² Из русских переводов назову: Шафф А. О смысле жизни//Философия истории. М., 1995; Эта позиция А.Шаффа повторена в ряде более поздних работ. См.: Шафф А. Срочно требуются “новые левые”//Альтернативы, 1995, № 2.

¹³ Toffler A. Future Shock. - N.Y. Random House, 1970; Toffler A. The Eco-Spasm: Report. - Toronto etc.: Bantam House, 1975; Toffler A. The Third Wave. - N.Y.: Morrow, 1980; Toffler A. Previews and Premises: An Interview with the Author of "Future Shock" and "The Third Wave". - N.Y.: Morrow, 1983; Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. - N.Y.: Bantam Books, 1990.

2. С поворотом к неолиберализму и неоконсерватизму падает интерес к различным теориям “социализации” капитализма. Разработки ведутся главным образом по отдельным прикладным проблемам и в рамках социал-демократических научных центров. Качественно новых идей, похоже, не появляется. Однако именно в этот период активизируется разработка проблем производственных кооперативов и акционерной собственности работников, расширяются разработки по теории самоуправляющейся фирмы.

3. “Структурный” подход постепенно уходит в прошлое (превращается в банальность), но начинает бурно развиваться сонм течений в рамках теории информационного (компьютерного, электронного) общества (века, эпохи). Это работы *Е. Масуда, Д. Несбит, позднее - Т. Сакайя и др.*¹⁴.

4. Широко развивается и к концу периода становится доминирующим акцент на появлении некоторых новых феноменов, по сути частных, но выдаваемых отдельными исследователями за крайне значимые (едва ли не универсальные). К числу таких феноменов относятся, в частности, те или иные изменения в технологии (миниатюризация плюс уже упоминавшиеся информатизация и компьютеризация, телекоммуникации как особо важная часть инфраструктуры экономики), новое качество институтов (“гибкость” корпораций, рост мелкого бизнеса), социальной структуры (особая роль professional-technical class) и организации (индивидуализация, гибкость, десинхронизация, миниатюризация и т.п.), человека и его “работы” (work) и т.д.

5. “Глобалисты” из области общих проблем все больше устремляются к исследованию отдельных глобальных проблем или (что еще более типично) - конкретных аспектов отдельной подпроблемы (типа: загрязнение атмосферы Бруклина выхлопными газами в 1987 году...); наиболее популярными становятся работы по экологии и глобальному неравновесию, а так же перенаселению.

В конце 80-х - 90-е годы складывается несколько иная картина основных течений¹⁵.

1. “Техницистские” теории в узком смысле слова почти окончательно утрачивают свою популярность. Выходят лишь переиздания работ 70-х - 80-х годов, а так же книги и статьи типа

¹⁴ Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. - Wash.: World Future Soc., 1983; Masuda Y. Managing in the Information Society: Releasing Synergy Japanese Style. - Oxford; Cambridge: Basil Blackwell, 1990; Нэсбит Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. - М.: Республика, 1992; Sakaya T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. Tokyo, N.Y., London, 1991.

¹⁵ Обзор имеющегося здесь огромного количества работ представлен в упомянутом сборнике “Социум XXI века”.

“NNN... в условиях постиндустриального общества”. На их базе родились другие течения (главным образом - вокруг проблем информатизации, компьютеризации и т.п., а так же изменений качества “работы”). Однако здесь устойчиво присутствует ряд исследований, связанных с закономерностями, тенденциями, прогнозами научно-технического прогресса и технологических сдвигов.

2. Теории “социализации” капитализма почти окончательно теряют популярность; развиваются лишь прикладные исследования. Некоторые из последних привлекают довольно широкий интерес. Среди них исследования в области демократизации отношений собственности и управления, новых (возникающих под влиянием роста информационных технологий, глобализации и т.п.) форм организации и стимулирования деятельности (особенно инновационной), занятости и т.п.

Относительно новым течением становятся многочисленные работы по проблеме негативных последствий, вызываемых развитием современных постиндустриальных тенденций.

3. Особую популярность и, похоже, относительно надолго приобретают **теории информационного общества**, “**общества знаний**” и т.п. Еще более быстро растет число исследований по частным проблемам (верный признак движения к “пику” в исследовании темы). Можно предположить, что интерес к этой проблематике начнет утихать к 2000 году. Здесь в настоящее время сосредоточен основной пласт информации (в том числе - более-менее новых идей и идеек), полезных для исследования сути постэкономического мира. Крайне важно, однако, не поддаваться моде: почти очевидно, что “информационное общество” не есть ключ к решению интересующих нас проблем или тем более основное понятие новой (“постэкономической”) теории. И все же максимум полезного материала *ныне*, похоже, сосредоточен здесь.

4. Пока недостаточно ясно, какие именно среди “частных” идей, связанных с исследованием постэкономического общества, смогут претендовать на роль действительно концептуальных. Здесь необходима тщательная работа. В настоящее время такие исследования лишь начаты.

Можно предположить, что среди доминирующих окажется своего рода *неоиндивидуализм*, акцент на котором связан как с сохраняющимся влиянием неолиберализма, так и с реальным процессом возрастания роли индивидов, обладающих творческими способностями. При этом в ряде случаев (*Ф. Фукуяма* и др.) акцентируется необходимость соединения социальных и индивидуальных ценностей¹⁶.

¹⁶ В.Иноземцев указывает в этой связи на новую работу этого автора “Trust” (1996) /См.: Вопросы философии, 1997, № 10, с. 40/.

Весьма интересной представляется и направление, развиваемое П.Дракером, который исследует тенденции рождения *пост-капиталистического* или *пост-бизнес общества*¹⁷.

5. “Глобалисты” сосредоточены в 90-е годы преимущественно на следующих темах.

Доминирует **проблема “устойчивого”** (перевод не точен: sustainable означает, скорее, “поддерживающее” или “достаточное”) **развития**, которая поглощает (скорее всего - незаслуженно) всю экологическую проблематику и норовит поглотить проблемы роста, развития, равновесия, социально-экономических отношений между поколениями и т.п.

Почти столь же популярна тема глобализации и (иногда в качестве ее подпроблемы, иногда - в качестве самостоятельной темы) проблема интеграции/регионализации, а так же роли и места в обществе XXI века стран “второго” и “третьего мира” и особенно - новых индустриальных стран.

Несколько менее интенсивно обсуждаются (*как глобальные*) проблемы нового мирового порядка, возникшего после краха СССР.

6. Исследования “постиндустриальных” социалистов с конца 80-х годов получили новый импульс. Появились целые серии публикаций на темы нового качества социализма в связи с обострением глобальных проблем, развитием информационного общества и т.п. При этом постановка одной из тем исследования (споры о природе будущего социализма можно оставить в стороне) явно небезинтересна для нас: **какие именно глобальные проблемы** (мы бы сказали: проблемы постэкономического, постиндустриального свойства) **не может решить нынешняя индустриальная рыночная цивилизация?** На этот вопрос предлагают ответ новые программы ряда социал-демократических организаций, исследователи-“одиночки”, некоторые научные центры.

7. В последние несколько лет оживилась работа в России по интересующей нас проблематике. Из многих заслуживающих внимания аспектов выделим:

- возрождение интереса к теории В.Вернадского о ноосфере;

- общие подходы отечественных исследователей к глобальным проблемам и путям их решения, более соответствующие вызову XXI века, нежели “устойчивое развитие”.

- возрождение и развитие идей (первоначально развивавшихся теоретиками “первой волны” русской эмиграции) “евразийства” как нового, более адекватного задачам развития постэкономического общества, типа общественного прогресса (последнее может приобрести шумную известность).

¹⁷ Druker P. Post-Kapitalist Society. N.Y., 1993.

Схема

основных течений в исследовании постэкономических тенденций

<i>60-е - 70-е гг.</i>	<i>конец 70-х - 80-е гг</i>	<i>конец 80-х - 90-е гг</i>
расцвет «техницистских» концепций 9постиндустриальное общество	детализация и закат техн. концепций	<i>вновь рост внимания к прогноз. НТП, “высоких технологий”</i>
расцвет теорий социализации капитализма	<i>рост интереса к некот. проблемам (ESOP, кооперативы etc.)</i>	продолжение иссл. частных проблем (“экономика участия”)
<i>появление конц. структурных сдвигов</i>	<i>генезис теории информационного общества</i>	расцвет теории информационного общества (“общества знаний”) etc.
	<i>рост внимания к “частным” проблемам постэк. об-ва</i>	расцвет “частных” иссл-й (“конец работы” и др.)
расцвет теорий Римского клуба	акцент на иссл-ях “частн.” аспектов глобальных проблем	расцвет теорий “устойчивого развития”, глобализации/интеграции
расцвет “соц-х” теорий постэк. Проблем	застой в этих иссл-ях	<i>начало “новой волны” с.-дем. и неомарксист. иссл-й пробл. постинд. об-ва и глобализ.</i>
		<i>возрождение евразийск. теорий близких к постэк. проблематике</i>
		<i>генезис теорий общества “пост-модернизма”</i>

8. Практически совершенно новым феноменом является появление идей о генезисе “общества постмодерна” (post-modern

society) /Кумар и др./, которое трактуется как новое качество социальных процессов на рубеже XXI века (“начинка” близка к концепциям постиндустриального общества, но с большим вниманием к проблемам этики, эстетики, культуры и т.п.)¹⁸

Можно заметить, что тенденции 80-х - 90-х годов связаны с дроблением и детализацией постиндустриальной проблематики. Такая ситуация заставляет предположить скорое наступление периода новых попыток выдвижения фундаментальных теорий постиндустриального общества. И, действительно, литература 1996-1997 годов (к сожалению, практически не представленная в данном издании), свидетельствует о повороте в сторону концептуального осмысления происходящих перемен. Начинают подниматься такие проблемы, как новый индивидуализм и новая основа для суверенности личности, изменение характера глобализации экономики (в связи с утратой фирмами национального “лица”), изменения в характере капитала и потребления (к обеим этим явлениям начинают прикладывать эпитет “символический”) и т.д. Можно отметить и возрождение технологического оптимизма, в том числе и в экологической проблематике (последние доклады Римскому клубу).

Пока еще это теории частного уровня, это не широкие фундаментальные концепции, но и таковые, вероятно, не за горами.

¹⁸ Kumar K. From Post-Industrial to Post-moderns. Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Cambridge, 1995.

1.2. К характеристике “царства необходимости”

По стилю и тону предисловия читатель легко может догадаться, что автор и в этом вопросе сотворил немало гипотез (и действительно, “грызущей критике мышей” еще 15 лет назад была предоставлена пятисотстраничная рукопись со “скромным” названием “Предыстория”), но ниже будут представлены некоторые достаточные традиционные для творческого отечественного марксизма представления о структуре “Царства необходимости” (предыстории, мира отчуждения).

При таком подходе мы, по-видимому, можем зафиксировать как минимум следующие основные характеристики “предыстории” - той “старой” системы, которая подлежит снятию (или, точнее, скажем так: которая снимается в процессе своего саморазвития).

Первая - господство *материального производства*, а значит господство над человеком (1) общественного разделения труда; (2) производства вещей, материальных продуктов; (3) утилитарных потребностей и ценностей.

Главным элементом такого подчинения, естественно, является *общественное разделение труда*. Последнее превращает личность (в принципе, потенциально, исходя из человеческой природы, - универсальную, всестороннюю) в частичного человека – человека, выполняющего, главным образом, всего лишь одну из функций в рамках общественной системы с разделенным трудом¹⁹.

Разделенный человеческий труд, в свою очередь, создает прежде всего материальные продукты, *вещи*, которые подлежат потреблению (в некотором смысле физическому уничтожению в процессе производительного или личного потребления); которые создаются из других ресурсов; которые производятся в условиях подчинения человека этому процессу материального производства как главной цели и сфере жизни.

Соответственно, в условиях господства материального производства потребности становятся *утилитарными*, т.е. привязанными именно к процессу производства вещей, к воспроизводству человека как биологического и экономического существа. Потребности же, связанные с жизнедеятельностью человека как творческой личности, с его духовным миром, с его общением, с его саморазвитием оказываются как бы “по ту сторону” этого доминирующего комплекса потребностей. Формирование и реализация таких потребностей (гуманистических, связанных с прогрессом, как главной целью их реализации) относится к сфере “надстройки” (это слово, видимо, не случайно было выбрано

¹⁹ Эта позиция развита в уже упоминавшихся работах Э.Ильенкова, Б.Олмана и др.

Марксом). Эти процессы лежат “над” собственно материальным производством, они продуцируются этим материальным производством, они подчинены материальному производству. (Сие означает не отсутствие обратных связей, а доминирование экономических параметров над всеми остальными параметрами жизни.)

Итак, первая черта “предыстории” - мира, который мы рассматриваем как целую единую систему, развивающуюся к своему самоотрицанию - это господство материального производства, общественного разделения труда, утилитарных потребностей и ценностей. Этим обусловлена **вторая** характеристика этого мира: по поводу материального производства складываются такие социально-экономические отношения, где господствуют отчуждение и превратные формы.

Отчуждение - это довольно сложный феномен; предварительное определение этого понятия мы даем ниже, опираясь на широко известные положения гегелевско-марксистской традиции²⁰

Последняя приводит к пониманию отчуждения как мира, в котором сущностные силы человека как родового существа, осуществляющего преобразование природы и общества в соответствии с познанными законами их развития, стали чуждыми для подавляющего большинства членов общества. Они как бы “присвоены” господствующей социальной системой и лежащими на ее поверхности превратными формами, имеющими видимость вещи (типичный пример - деньги как вещь, подчиняющая себе человека).

Собственные качества и способности Человека - творца истории (цели и средства, процесс и плоды его деятельности, его чувства и отношения к другим людям – все, вплоть до окружающей его природы) превращаются в мир внешних, чуждых и непонятных ему социальных сил. Эти социальные силы – разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия – как бы присваивают человеческие качества и тем самым превращают Человека-творца в функцию и раба данных внеличностных сил.

Результатом (и предпосылкой нового витка воспроизводства отчуждения) становится *самоотчуждение* человека: жизнь, в которой индивид сам себя воспринимает как функцию внешнего мира (с гордостью говоря: “Я – миллионер” или “Я – король”), а изменение своего функционального статуса (карьера, материальное обогащение) воспринимается им как самоцель.

²⁰ Во введении были упомянуты работы Э.Ильенкова, Б.Олмана (в книге последнего *Alienation* дана одна из наиболее тщательных в марксизме системных трактовок этой категории), И.Мессароша, на которых базируется наше исследование. Из русскоязычных изданий, дающих неплохой обзор работ по этой теме, назову монографию “Отчуждение труда. История и современность” (М., 1989).

Данный мир – мир отчуждения – именно как бы передает человеческие качества внешним социальным силам (например, кусочку бумаги с водяными знаками). Это мир кривых социальных зеркал, созданных самими людьми в силу объективных причин и в силу тех же причин воспринимаемый ими как единственно реальный и естественный. Более того, мы не могли бы жить и развиваться вне этих отчужденных социальных механизмов – разделения труда и государства, эксплуатации и рынка... Мы сами своей жизнью создаем эту видимость творения социального распорядка и самой истории не людьми, а внешними силами, но иначе мы не могли бы жить и развиваться в эпоху предыстории²¹.

Здесь важны два уточнения.

Первое. Отчуждение – это видимостная (опять же, в гегелевском смысле этой категории; напомним, в гегелевской “Логике” видимость есть то, с чего начинается сущность системы, качество, количество и мера которой уже даны) характеристика предыстории. Сущность же предыстории – в тех социальных противоречиях (исторически развивающихся от традиции, господствовавшей в древнем мире, до гегемонии транснационального корпоративного капитала), которые и отчуждают, “отнимают” у Человека его качество творца истории.

Второе уточнение. Отчуждению всегда противостоит социальное творчество – актуальная способность Человека непосредственно творить историю (подробнее об этом ниже). В силу этого для предыстории всегда характерна определенная мера отчуждения. Власть этого мира никогда не была абсолютной.

Мир отчуждения, в котором общественные и социальные отношения не подвластны человеку, не познаны им, господствуют над ним, не может не порождать и порождает целый мир *превратных форм*. В нем человеческие отношения как бы надевают костюм отношений между институтами, между вещами. В добуржуазных обществах человек не может вступить в отношения с другим человеком иначе как участвуя в традиционном сообществе (например, таком как община), подчиняясь иерархии азиатской деспотии, опосредуясь отношениями внеэкономической зависимости (одевая на себя “костюм” раба или рабовладельца, аристократа или крепостного).

В любом случае, внешние формы, привязанные к т.н. системе “внеэкономических” отношений, иерархии и традиции, оказываются господствующими и они создают видимость (объективную видимость!) того, что человек на самом деле есть раб этих

²¹ В этой диалектике – ключ к критике теорий открытого общества, особенно – идей К.Поппера, по сути рабначальника и одного из наиболее сильных представителей этого течения, ополчающегося прежде всего на историцизм гуманистов вообще и марксистов – в частности (См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2., М., 1992).

форм, хотя действительное содержание истории состоит именно в том, что именно *люди*, сами, посредством своих общественных отношений в процессе материального производства создают эти превратные формы. Точно так же в мире товарных отношений - фетишизм денег, фетишизм вещей, товаров знаменует господство системы отношений, в которой именно вещи (такие как товары и деньги) вытесняют человеческие отношения и ценности, замещают их, создают объективную видимость того, что именно товар и деньги есть общественное богатство и ценность.

При этом, как в первом случае (в добуржуазных обществах), так и во втором случае (рынка, буржуазных отношений), эта объективная видимость на самом деле является не случайной, она действительна. Это ситуация при которой, как в свое время сказал Маркс, *кажется то, что есть на самом деле*.

Кажется потому, что эти формы *превратны*; потому, что за ними скрыты действительные сущностные процессы созидания людьми своих общественных отношений, производства материальных продуктов. Однако нам кажется *то, что есть на самом деле* прежде всего потому, что по другому в условиях царства экономической необходимости и мира отчуждения люди не могут вступать в отношения друг с другом. Более того, всякая превратная форма продуцирует *мнимое содержание*, принципиально отличное от действительного.

Методология анализа превратных форм или, точнее, методология анализа социальной реальности при помощи выделения содержания и превратных форм, порождаемых противоречиями данного содержания - эта методология будет крайне полезна для данной работы, поскольку нам придется иметь дело не только с превратными формами "царства необходимости", но и с превратными формами новых процессов - процессов рождения "царства свободы", процессов рождения постиндустриального, постматериального общественного бытия, творческого труда, новых человеческих отношений. Все эти феномены так же будут приобретать превратные формы, рождаясь как снятие "царства необходимости", но до кризиса и краха последнего, в его рамках. Поэтому нам придется немало поразмышлять над темой превратных форм новых тенденций в рамках "царства необходимости".

Рассматривая царство необходимости как единую целостную систему, мы можем подчеркнуть не только господство материального производства и мира отчуждения, но и то, что в этой системе культура (как мир сотворчества, неотчужденных межличностных или т.н. субъект-субъектных отношений)²² также оказывается подвластна законам отчужденного бытия. В результате (и это

²² Идеи субъект-субъектного диалога вырастают из работ М.Бахтина ("Проблемы поэтики Достоевского". М., 1972), Г.Батищева, В.Библера и их последователей.

- *третья* из выделяемых нами важнейших характеристик “царства необходимости”) мир сотворчества, мир культуры, шире – весь духовный мир приобретает форму *духовного производства*, где творчество и созидание культурных ценностей подчинено процессам тиражирования и воспроизводства отраженных форм отчужденного общественного бытия, где господствуют религия, идеология, массовая культура (если говорить о феноменах XX века), т.е. формы, которые подчинены социально-экономическим отношениям, порождены отчужденными социальными отношениями. Иными словами, предыстория – это система, где господствует духовное производство отчужденных форм общественного сознания.

По-видимому, здесь будет бесполезно еще раз (как и в случае с отчуждением) “поиграть” в дефиниции и поискать определение культуры и связанных с ней процессов сотворчества. Безусловно, это определение будет только первым приближением к раскрытию этой сложнейшей категории, но в любом случае использование понятия подразумевает необходимость хоть как-то его описать.

Описание *культуры* может быть следующим: это мир сотворчества, мир, в котором индивиды вступают в отношения распредмечивания и опредмечивания, а не в отношения производства и потребления²³.

Соответственно, отношения *распредмечивания* и опредмечивания могут быть определены как своего рода “экстракция” (если говорить о распредмечивании) человеческой сущности из предметов, которые даны человеку в его общественных отношениях или ее “воплощении” (если говорить об опредмечивании) в предмете..

Я приведу лишь несколько примеров. Когда Вы используете книгу лишь как вещь, если она для вас - не источник культурных ценностей, а всего лишь килограмм-полкилограмма бумаги с краской на ней, то Вы воспринимаете эту книгу как материальный продукт, который можно потреблять: Вы можете ее использовать как пресс, и даже (что уже чудовищно) как топливо для обогрева квартиры. Но если Вы берете эту книгу и используете ее как источник для размышлений, если Вы вступаете в диалог с автором этой книги, пытаетесь понять его мысли, чувства, стремления, ценности, и они находят отклик в Вашей душе, в Ваших действиях, в Вашем творчестве - в этом случае Вы распредмечиваете эту книгу, этот феномен культуры, эту общественную культурную ценность.

Точно так же Вы можете поступить не только с продуктом

²³ Данное описание, как и многие другие тезисы данной работы, является плодом очных и заочных диалогов автора с Э.Ильенковым, Г.Батищевым, Н.Злобиным, В.Межуевым и их коллегами.

культуры (книгой, фильмом, записью музыки). Вы можете точно так же взглянуть и на любой предмет материального производства. Даже если станок, который, казалось бы, уже не может быть использован иначе, как для производства деталей, Вы будете рассматривать с точки зрения инженера, старающегося понять, какая технология определена в этой машине, как можно изменить параметры его деятельности или, может быть, создать новую машину, улучшив технологию, определенную в данном агрегате, – если Вы *так* смотрите на станок, то в этом случае Вы рассматриваете его как культурную ценность, для *Вас*, в *этом отношении* он существует не как средство производства, а как феномен культуры.

Как к культурным ценностям мы можем относиться и к человеку, к общественным институтам, к феноменам нашей экономической и социальной жизни. Если для нас отношения капитализма есть не просто мир, в котором мы живем и которому мы подчиняемся; если мы рассматриваем те же деньги или капитал как феномены, которые подлежат критике и замене новыми общественными отношениями, которые сняли бы эти отчужденные формы – если мы поступаем *так*, то *в этом случае* даже эти феномены рассматриваются нами с точки зрения Человека культурного, с точки зрения диалога с общественным миром, который мы хотим “снять” и преодолеть.

Итак, *культура*, живущая в феноменах опредмечивания и распределенности, есть процесс сотворчества и диалога между людьми, выступающими в этом диалоге как Личности, а не как функции материального производства или отчужденных социально-экономических отношений, отчужденных отношений в сфере духовного производства. Такой диалог, такое сотворчество *есть ключ к вратам будущего мира, лежащего по ту сторону материального производства*²⁴.

При этом мы отнюдь не уходим исключительно в царство идей. *В основе культуры лежит суеуго материальный процесс творческой деятельности общественного человека.*

Более того, в некотором смысле мы можем сказать, что само рождение человечества и прогресс материального производства в основе своей обязаны именно этой способности человека к творческой деятельности, к изменению мира не по законам естественной, природной целесообразности, а по законам общественной жизни. Труд (в данном случае, наверное, точнее было бы ис-

²⁴ Не могу не упомянуть в этой связи использованные Н.С.Злобиным в качестве эпиграфов к своей работе 1979 года тезисы К.Либкнехта (“В будущем не будет иной истории человеческого общества, кроме истории культуры”) и В.И.Ленина (“Пролетарская культура = коммунизм”).

пользовать понятие деятельность²⁵) как творчество является родовой сущностью человека.

Однако на протяжении всей предыстории эта родовая сущность, во-первых, проявляет себя лишь как исключение, прогресс творческого саморазвития человека идет крайне медленно; во-вторых, эта человеческая сущность, этот творческий потенциал всякий раз проявляют себя в превратных формах и подчинены миру отчуждения. В условиях “царства необходимости” творческая деятельность человека служит прежде всего решению утилитарных проблем: повышению производительности труда в материальном производстве, совершенствованию систем общественного разделения труда, развитию новых и более сложных форм отчуждения.

Безусловно, творчество, как саморазвитие человека, прогресс культуры также присутствуют в предыстории, но как антитезы ее содержания. Это ручеек, который постепенно из родника превращается в реку, но не становится (и в эпоху предыстории никогда не станет) морем. Этот ручеек культурного процесса, культурной жизни развивается в жестких и жестоких рамках мира отчуждения и под его влиянием, постоянно “замутняясь” им. Размывание его берегов, *превращение культуры в доминирующий фактор социального прогресса и есть тот процесс, который подлежит исследованию в данной работе.*

Нам предстоит (еще и еще раз подчеркнем это) посмотреть, каким образом может человеческая предыстория, как целое, достигнуть точки своего самоотрицания и, шаг за шагом, породить, через качественные (и в этом смысле революционные) изменения новый мир, мир лежащий по ту сторону отчуждения, по ту сторону материального производства, по ту сторону духовного производства отчужденных форм общественного сознания.

Итак, мы можем зафиксировать то *системное качество, которое снимается в процессе рождения нового общества, лежащего по ту сторону материального производства.* Это господство над человеком отчужденных социальных процессов и отношений, в основе которых лежат материальное производство, общественное разделение труда и утилитарные потребности.

Исходя из этого системного качества, исходя из структуры “царства необходимости”, мы можем посмотреть и на процессы снятия этого мира. Таким образом будет построена и структура нашей работы. Рассмотрев сначала процесс самоотрицания мате-

²⁵ Именно это понятие широко вошло в категориальный аппарат писавших об этом советских философов и психологов 60-х - 80-х годов. О нецелесообразности использования термина “труд” применительно к постэкономическому обществу и различии английских терминов work и labour подробный комментарий имеется в упомянутой монографии В.Иноземцева.

риального производства, мы перейдем к исследованию перехода от отчужденных социально-экономических отношений к новым формам, которые преодолевают это отчуждение; наконец, мы попробуем понять, как культура вытесняет духовное производство отчужденных форм общественного сознания.

ЭСКИЗ 2.

СНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ: “ПО ТУ СТОРОНУ” МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В предисловии я уже отметил, что идея “царства свободы”, как лежащего по ту сторону собственно материального производства и развивающегося на базе материального производства как своей объективной предпосылки, - эта идея была высказана в III томе “Капитала” К.Маркса. Она обусловлена всем содержанием “Капитала”, особенно если понимать его не только как политико-экономическую работу по проблемам капитализма. Кроме того, его следует рассматривать в контексте всех остальных социально-экономических и экономико-философских работ Маркса, прежде всего рукописей 1844 и 1857-59 гг. В этом случае станет понятен тезис Маркса о снятии материального производства как снятии всей предшествующей предыстории (еще раз подчеркну: под “снятием” я буду иметь в виду не абсолютное отрицание, но отрицание с удержанием положительного; снятие системного качества, в частности, подразумевает /1/ накопление всего богатства предшествующего развития, /2/ его отрицание - качественный скачок и /3/ рождение нового системного качества, воспроизводящего достижения предшествующего развития).

В то же время следует подчеркнуть: взгляд на мир свободы как что мир культуры, лежащий “над” материальным производством, связан с традицией рассмотрения творчества, лежащего в основе прогресса человечества, как мира, “возвышающегося” над “грязным” материальным бытием. Идея, что свобода человека начинается там, где он перестает заботиться о непосредственном материальном бытии, где он может подняться над утилитарными потребностями, - эта идея была хорошо известна со времен первых великих поэтов и ученых, музыкантов и общественных деятелей, заботившихся о ценностях, которые мы бы назвали ценностями мира культуры или культурными ценностями.

Но для одних было достаточно создать такой мир для избранных, другим было важно так изменить социальные условия, чтобы к творчеству оказалось причастно большинство¹.

¹ Характерно, что последовательно развиваемый первый вариант всегда порождает конфликт реального материального мира и искус-

В качестве небольшого, но важного отступления замечу: указанное различие принципиально важно: здесь проходит водораздел между теоретиками постиндустриального (информационного, постэкономического и т.п.) общества, рассматривающими его как один из этапов развития мира отчуждения, продукт постепенной эволюции нынешнего капиталистического общества и учеными социалистической ориентации, акцентирующими скачок к “царству свободы” как переход, снимающий отношения отчуждения в социальном мире.

Идею снятия материального производства как главной доминанты общественного развития можно найти и в уже упоминавшихся работах В.Вернадского, других глобалистов, прежде всего Аурелио Печчеи, да и в работах авторов, пишущих о постиндустриальном (информационном) обществе. У последних, правда, эта мысль присутствует в весьма специфичном виде - акцентов на приоритетное развитие услуг, общества информации и т.д. Немалое внимание уделяют этому и некоторые отечественные ученые (В.Иноземцев, В.Красильщиков и др.)

В данном случае, размышляя о проблемах снятия материального производства, мы поступим как и в целом в книге: возьмем за основу структурирования процесса рождения постматериального производства структуру того, что подлежит снятию - структуру материального производства.

ственно оторванного от него мира культуры. Пожалуй, наиболее тонкий и целостный образец последнего – Касталия Г.Гессе (См.: *Гессе Г. Игра в бисер*) – так же оказался подвергнут сомнению как самооценочность, и не кем-нибудь, а магистром игры, само имя которого – Кнехт – указывает на необходимость служения чему-либо. Пройдя весь предначертанный гегелевской логикой (ассоциации структуры “Игры в бисер” и “Науки логики” довольно прозрачны) путь, он в конечном итоге выбирает не игру, а едва ли не наиболее массовую творческую ипостась, соединяющую через творчество мир культуры, социум и человека с его повседневной жизнью – ипостась воспитателя, педагога. Кстати, к этой профессии приковывали внимание едва ли не все романтики прошлого – от “кремлевского мечтателя” В.Ленина до известнейших писателей фантастов – И.Ефремова и братьев Стругацких(См.: *Ефремов И. Час быка.; Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень XXII век, Жук в муравейнике и др.*).

2.1. Смена доминанты: от материальных ресурсов и утилитарных потребностей к культурным ценностям.

“Информационное общество”

Всякое материальное производство предполагает использование материальных ресурсов с целью удовлетворения некоторых утилитарных потребностей (первичные, простейшие определения данных понятий мы уже дали выше, а читателей, интересующихся более точным определением мы можем отослать, с одной стороны, к классической политической экономии, с другой стороны к любой современной работе, лежащей в рамках main stream экономической теории, хотя бы к стандартному учебнику Экономикс; в то же время с генезисом информационного общества в экономической теории на Западе произошли и некоторые изменения; появился ряд новых направлений, таких как "Socio-Economics" (A. Etzioni)², "The New Economics of Communication" (Mulgan G.J.)³; "The Economics of Information" (G.J. Stigler)⁴ и т.п.).

С точки зрения аксиом экономикса и других школ, исследующих материальное производство, в том числе марксизма, *материальные ресурсы являются ограниченными*. (Всем всего всегда не хватает в этом мире экономической необходимости - так можно перевести тезис об ограниченности ресурсов на обыденный язык.)

В то же время парадигма “царства необходимости” предполагает, что эти ресурсы ограничены лишь уровнем развития технологии, совокупной производительной силой общества. С точки же зрения потенциального роста, материальные ресурсы рассматриваются в рамках “царства экономической необходимости” как безграничные. Более того, *стремление к расширению использования материальных ресурсов* является едва ли не основной установкой, характерной для эпохи господства материального производства.

Достаточно понятно, что в этих условиях и природа (я в данном случае рассматриваю ее как биосферу, точнее биогеосферу земли), и человек выступают прежде всего как ресурсы, кото-

²Etzioni A., Lawrence P.L. (ed.) Socio-Economics: Toward a New Synthesis. - Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1991.

³Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. - Oxford: Polity, 1991.

⁴G.J. Stigler. The Economics of Information. - Journal of Political Economy. June 1961. Vol. LXIX, Number 3, p. 213-225.

рые могут быть использованы и которые следует использовать безгранично (с качественной точки зрения) для наращивания материального богатства. При этом во всякий данный момент времени, во всяком данном социально-экономическом пространстве (скажем, в стране, регионе или в рамках некоторой фирмы) эти ресурсы оказываются ограничены и главной задачей является преодоление этих ограничений.

Пожалуй, на этом можно поставить точку, ибо данный тезис - тезис об ограниченности ресурсов и рассмотрении природы и человека как ресурсов - является хорошо известным и едва ли не аксиоматичным. Проблемой является скорее преодоление этих "аксиом" и их критика. Но мы должны идти дальше.

В условиях материального производства *ресурсы являются массовидными, стандартными, постоянно воспроизводимыми и восстанавливаемыми*. Этот стандартный набор тиражируемых и восстанавливаемых ресурсов может быть задан разными общественными параметрами: его может диктовать традиция (и в этом случае данный набор будет фактически неизменяем, постоянным), но его может диктовать рынок, базирующийся на индустриальном производстве (здесь уже постоянное изменение набора воспроизводимых и массовидных ресурсов, подлежащих потреблению, будет главной задачей прогресса)⁵.

В условиях господства материального производства некоторый набор утилитарных потребностей и массовидных ресурсов воспроизводится, тиражируется (возможно - искусственно обновляется), но при этом качественно мало изменяется. (Впрочем, это изменение тоже присутствует, ибо в рамках материального производства безусловно всегда осуществляется прогресс культуры, сотворчества, развитие творческого потенциала человека. Но это, повторим, подчиненный, глубинный процесс.)

Продолжим анализ. Материальные ресурсы производятся и потребляются, но, как правило, они не являются компонентами сотворчества, *не распремечиваются и не опредмечиваются*. Данная характеристика - потребление и производство ресурсов, которые связаны всякий раз с изменением их материального бы-

⁵ Более того, в условиях "позднего" капитализма (термин Э.Мандела) важнейшей задачей прогресса станет некоторое продуцирование "искусственной" новизны. Я еще вернусь к характеристике этого феномена ниже, сейчас же лишь отмечу, что это новизна, которая создается *не* прогрессом культурного содержания данных материальных предметов, возможностью их нового распремечивания, включения в новую творческую деятельность. "Искусственная" новизна - это новизна, которая позволяет удовлетворять по сути один и тот же набор утилитарных потребностей: - в пище, одежде, передвижении, релаксации человека после репродуктивного труда, меняя лишь внешние черты предметов потребления.

тия, с появлением некоторой материальной формы или ее уничтожением - существенна, ибо подлежит снятию при переходе к новому качеству общественного развития.

Соответственно, при господстве таких материальных ресурсов *потребности утилитарны*. Они, главным образом, сводятся к потреблению, а не распределению материальных ресурсов и, соответственно, эти потребности являются *безграничными количественно*. Всякий раз всякий агент материального производства, человек подчиненный царству экономической необходимости, объективно оказывается заинтересован в наращивании утилитарного потребления материальных благ и услуг.

При этом *материальные потребности ограничены качественно*: они не выходят за рамки потребления материальных ресурсов; распределение, переход к творческому диалогу, восприятию культурных ценностей является (вплоть до начала эпохи самоотрицания предыстории) исключением и знаменует переход “по ту сторону” материального производства. В рамках же материального производства, еще раз подчеркнем, потребности утилитарны и связаны с физическим уничтожением потребляемого продукта. Может быть слова “физическое уничтожение” звучат несколько жестко, но когда мы съедаем пищу, снимаем одежду, разбиваем или просто-напросто выбрасываем старый автомобиль, мы всякий раз уничтожаем его потребительную стоимость, его материальное бытие.

Другое дело, что общественный процесс материального производства, естественно, связан с тем, что потребляемые ресурсы воспроизводятся благодаря человеческой деятельности, являются источником нового труда, создания новых ресурсов, рождения потребностей, которые вновь подлежат удовлетворению на основе воспроизводства и т.д., но для нас в данном случае существенно, что ресурсы являются (еще раз подчеркнем это и сделаем вывод) ограниченными, массовидными, производимыми и потребляемыми, а потребности - утилитарными.

Каким же может быть снятие этих качеств? При этом автор будет исходить не только из формальной логики отрицания данного системного качества, но и из анализа тех действительных процессов, которые развиваются на протяжении всей предыстории человечества, но особенно интенсивными становятся во второй половине - конце XX века.

Начнем анализ с рассмотрения нового качества “**ресурсов**” (я не случайно взял этот термин в кавычки: культурная ценность, используемая в процессе сотворчества, лишь внешне может напоминать “ресурс”).

Первая черта. На смену ограниченным ресурсам (в мире которых природа и человек так же воспринимаются только как ресурсы) приходит новый тип - “ресурсы”, которые теряют свои качества ограниченности и становятся всеобщими, переставая тем

самым быть ресурсами. Такими своего рода “ресурсами” являются *всеобщие культурные ценности*.

С момента рождения человечества, но особенно в настоящую эпоху, любое произведение, принадлежащее к миру культуры, является по своей природе всеобщим. Теорема Пифагора или теория Эйнштейна, опыт талантливого педагога или произведение искусства (симфония, картина, книга) - все они “ограничены” лишь с одной точки зрения - с точки зрения проблем тиражирования их материального носителя. Как культурная ценность они безграничны. Книги, симфонии, песни, стихи, формулы, творческий опыт - все это потенциально *доступно каждому* и все это *неуничтожимо*. Они не могут быть потреблены. Единственный способ взаимодействия с культурной ценностью - это диалог, в который Вы можете вступить и тем самым увеличить богатство культурного мира, ибо, прочитав книгу, рождаете новый мир ассоциаций, творческих интенций, интересов (в том числе, в Вашей собственной голове, в Ваших собственных действиях), а это и есть расширение мира культуры. При этом Вы не уничтожаете книгу, но, наоборот, “оживляете” ее автора, делаете актуальной эту культурную ценность.

Итак, “ресурсы”, которыми являются *культурные ценности*, относятся к миру, лежащему по ту сторону материального производства. Эти ресурсы *являются всеобщими*, они *не ограничены, не уничтожимы*⁶, они могут быть “потребляемы” (точнее – распределены) сколь угодно широким кругом лиц и на протяжении сколь угодно продолжительного периода времени⁷. Если

⁶ Как тут не вспомнить знаменитое булгаковское: “Рукописи не горят”? Физически может быть уничтожен только материальный носитель культурной ценности. Другое дело, что для существования этой ценности нужен хотя бы один материальный носитель: человек, лист бумаги, компьютерная дискета или папирус. Наконец, для сохранения культурной ценности нужны социальные условия, позволяющие ее распределить.

⁷ Воспользуюсь в качестве комментария двумя положениями из западных источников (они позаимствованы из упомянутого сборника “Социум XXI века”). “Полезную или вдохновляющую информацию может быть трудно найти из-за организационных и структурных барьеров, даже если она имеется в достаточном количестве. Теоретические знания, давно признанные одной из движущих сил экономических перемен, - другой пример. Может существовать редкость людей, имеющих степень Ph.D., и искусственная редкость, установленная патентным законодательством, но не существует редкости знаний в области физики плазмы или биохимии.” (Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. - Oxford: Polity, 1991, p. 174).

“ресурс” является предметом для распрямления, то в процессе последнего он всякий раз как бы “оживляется”, превращаясь из потенциальной в актуальную культурную ценность.

Более того, их *ценность определяется именно тем, сколь широко и сколь долго они служат одним из “партнеров”, субъектов для диалога, для сотворчества, для распрямления.*

С другой стороны, эти всеобщие “ресурсы” ограничены, причем ограничены абсолютно, но иначе нежели в мире материального производства. Они ограничены с точки зрения экологических и гуманитарных параметров. В “царстве свободы” *природа, культура и человек выступают* не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а *как ценности, которые не могут и не должны быть потребляемы в физическом смысле этого слова.* В этом мире культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, *для мира культуры задачей становится воспроизводство* (а на первом этапе - восстановление и сохранение) *биогеоцинозов и человека, как культурных ценностей.*

Кстати, отсюда, несколько забегая вперед, можно сразу же вывести необходимость системы социальных, гуманитарных, экологических *нормативов* (границ “царства экономической необходимости”) как абсолютное требование рождающегося мира, лежащего по ту сторону материального производства.

Вторая черта: на смену ресурсам, которые являются воспроизводимыми и массовидными, приходят “ресурсы”, являющиеся *уникальными* по своей природе. И речь в данном случае идет не только о развитии и все большем распространении потребления уникальных предметов в рамках современного мира⁸.

Речь идет прежде всего о другом - о том, что всякая культурная ценность уникальна и не воспроизводима (лишь тиражиру-

“Знания являются расширяющимися и самогенерирующимися. Сырьевые ресурсы индустриальной экономики являются конечными благами; железная руда расходуется в момент производства стали. В отличие от железной руды, однако, знания в результате их использования возрастают. Используя мои знания, я выполняю задание, я совершенствую мои знания и расширяю мое понимание задачи. Хирург, который делает операцию десятый раз, обладает большим количеством знаний и большим пониманием операции, чем хирург, который делает операцию впервые. Таким образом, в экономике знаний редкость ресурсов заменяется на расширение ресурсов.” (Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991, p. 11).

⁸ Именно на этом делает акцент большинство теоретиков постиндустриального общества (подробнее см. упомянутые работы О.Антипиной и В.Иноземцева).

ема) по своей природе. Нельзя многократно производить шестую симфонию Чайковского - она единственна. Нельзя заново создавать "Гамлета" или "Сон в летнюю ночь" Шекспира - это неповторимые произведения. Можно тиражировать лишь материальные носители этих культурных феноменов, а сами по себе они уникальны с момента своего рождения и навсегда. В этом смысле опять-таки данное качество "ресурса" мира культуры является отрицанием предшествующего качества ресурсов в системе материального производства.

Наконец, **третья черта**: *"ресурсы" мира культуры не потребляемы, они подлежат лишь распределению*. Они могут выступать лишь как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог. В некотором смысле, конечно, они могут быть "потреблены" за счет физического уничтожения их материального носителя, но в этом случае мы будем иметь ни что иное как акт вандализма или просто глупости.

Итак, по основным качествам, "ресурсы", лежащие по ту сторону собственно материального производства, отрицают основные характеристики ресурсов и потребностей мира материального производства.

Соответственно, и **потребности** в условиях нового мира становятся иными: они *качественно безграничны, не утилитарны, но при этом ограничены количественно*, в отличие от утилитарных потребностей, которые количественно всегда безграничны (всегда хочется больше предметов потребления, или всегда нужно побольше ресурсов для производства большего вещного богатства).

Культурные ценности порождают иной мир потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна, не искусственная, а действительная творческая новизна, является главным импульсом и главной ценностью.

В то же время эти потребности сугубо ограничены количественно. И не потому, что здесь присутствуют некоторые внешние ограничения, связанные с господством той или иной экономической или институциональной формы (например, в мире развитого материального производства, имеющего форму рынка, Вам всегда не хватает денег для того, чтобы купить достаточно потребительских благ, а в "экономике дефицита" у Вас не было возможности достать необходимые блага, даже если у Вас и были деньги).

В мире культуры *суть ограничения* в ином: своего рода "потребление", а на самом деле распределение культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность "потребить". Здесь само "потребление" превращается в проблему.

Вы можете свободно, почти без ограничений пользоваться

(даже сейчас, даже в условиях царства экономической необходимости) очень широким кругом культурных ценностей. Практически общедоступными в развитых странах являются крупнейшие библиотеки. Довольно легко включиться в систему телекоммуникаций и “качать” информацию из мировых информационных сетей. Вы можете участвовать в системе обучения практически в любой сфере, и даже если это обучение платное, то последнее - внешняя граница, не связанная с внутренними ценностями царства культуры.

Во всех этих случаях возникает другая проблема - ограниченность вашей собственной способности “потребить” те или другие культурные ценности, поскольку это потребует от вас времени, энергии, знаний, умений и высокого культурного потенциала.

Итак, старая проблема - “всего на всех все равно никогда не хватит” - в данном случае приобретает прямо противоположенное звучание: “все для всех всегда есть, но каждый ограничен в своих возможностях распределить культурные ценности”⁹.

Достаточно понятно, что к новым феноменам - “ресурсам” и потребностям мира культуры, - рождающимся “по ту сторону” материального производства, принадлежат практически все культурные ценности, которые могут быть использованы в процессе обучения и научной деятельности, в процессе художественного творчества и социального новаторства.

В данном случае важно добавить, что *природа в этом мире также выступает как культурная ценность*, а не внекультурный феномен¹⁰, ибо она подлежит *распредмечиванию*: изучению,

⁹ Здесь автору приходит на память старый анекдот (он в данном случае является скорее теоретической иллюстрацией, чем поводом посмеяться): мальчик с папой приходят в зоопарк. Перед ними огромный слон, которому дают кусочек хлеба. Мальчик спрашивает: “Папа, а буханку хлеба слон съест?”

“Съест”, - отвечает папа.

“Адесять буханок?”

“Съест”, - отвечает папа.

“А грузовик хлеба он съест?”

“Съест то он съест, сынок, но кто ж ему даст!”.

В мире культуры “хлеб” устроен иначе: для того, чтобы “съесть” (распредметить) даже небольшое и очень вкусное “пирожное” в мире культуры, “слону” надо затратить немало усилий. Здесь проблема “съесть-то съест, но кто ж ему даст”, превращается в новую: всем все всегда дают, но далеко не каждый и далеко не все может “съесть”.

¹⁰ В этом смысле определение культуры как внеприродного мира в сути своей ошибочно, что поняли мои учителя (прежде всего - упомянутые выше советские марксисты 60-х - 70-х годов) многие десятилетия назад, освоив работы великих мыслителей прошлого и нынешнего столетия.

художественному восприятию и т.п. Человек взаимодействует с природой не как с “мастерской” или “источником ценного сырья”, а как с *равноправным субъектом*. Природа как культура может и должна быть также своего рода партнером по рекреации человека при использовании им свободного времени для создания предпосылок нового творческого процесса.

Существенен вывод, который мы можем сделать на основе данного анализа: *ограниченные материальные ресурсы и утилитарные потребности по своей природе, с объективной необходимостью, порождают такие социально-экономические отношения, которые ограничивают доступ индивидов и институтов к ресурсам и ограничивают определенным образом их утилитарные потребности*. Ресурсы не могут быть общедоступны в условиях царства экономической необходимости, потребности не могут быть социально не ограничены, ибо в этом случае мы породили бы мир, в котором ресурсы были бы исчерпаны практически мгновенно.

Такие ограничения создаются как уровнем развития производительных сил, так и, еще раз подчеркнем, социально-экономическими отношениями.

Это могут быть добуржуазные отношения, где доступ к ресурсам ограничивали традиция и внеэкономическое принуждение (например, возможность использования земли была ограничена для работника необходимостью превратиться в раба или крепостного, вступить в отношения вассальной зависимости или участвовать в той или иной системе насильственных действий, например, в Крестовом походе, междоусобной войне и т.п.).

В буржуазной системе, в условиях рыночной экономики, эти ограничения связаны прежде всего со стоимостью товаров, деньгами, капиталом. Именно денежное, стоимостное богатство создает предел как потреблению, так и использованию ресурсов. Вы можете использовать ресурсы, удовлетворять свои потребности только в той мере, в которой располагаете капиталом, деньгами или товарами.

В противоположность этому *культурные ценности по природе своей общедоступны* (хотя низкий уровень производительности в материальном производстве и/или “старая” социальная организация могут ограничивать доступ к ним). Проблемой здесь является социальная организация процессов опредмечивания и распределмечивания, где возникают совершенно новые проблемы *общественных отношений по поводу сотворчества, диалога, распределмечивания культурных ценностей и опредмечивания творческой деятельности*.

Эти отношения отнюдь не являются более простыми или менее проблемными и противоречивыми. Это другой мир, и отношения в нем могут порождать не меньшие конфликты. (Достаточно указать хотя бы на огромную ответственность и власть творческих

индивидов).

В современных условиях эта проблема довольно ярко проявляет себя в превратной и довольно уродливой форме, например, в способности отдельных ученых своей научной деятельностью породить губительные для всего человечества химикаты или микробиологическое оружие, создать крайне опасные технологии, изменить человеческую психику или генетику. Есть не мало других примеров, где свободное творчество может привести к крайне опасным последствиям. Не менее опасными могут быть последствия в области экспериментирования и свободной творческой деятельности в сфере педагогики, образования, воспитания или в сфере художественного творчества, где влияние тех или иных новых художественных течений может приводить к довольно сложным и крайне противоречивым социальным последствиям.

Но все это *другие* (нежели в рамках “царства необходимости”) проблемы, проблемы не менее сложные, требующие социального регулирования, но другие по своему содержанию, по своей природе.

В предисловии к данной работе я подчеркнул, что бытие мира культуры в конце XX века (в рамках господства экономической необходимости) приобретает специфические превратные формы. Одна из них - бытие культурных ценностей, как информационных продуктов, или еще уже - как информационных товаров. В этих условиях *информация как продукт, товар, рассматриваемая с социально-экономической точки зрения*, становится феноменом, который *напоминает “овещненную”* (от слова вещь), *превратную форму культурной ценности*. Культурные ценности в данном случае переносятся из сферы сотворчества и аксиологии в плоскость меркантильную и утилитарную: они становятся предметом материального производства и утилитарного потребления, трансакций и т.п.

Таким образом, информация с социально-экономической точки зрения (я говорю сейчас не о философском аспекте этой категории, а об информации как о товаре, т.е. о феномене, который постоянно используется в экономической жизни современного мира) становится той превратной формой, которая как бы “отрекается” от своего содержания (а им является статус культурной ценности, результата и импульса сотворчества). Информация как объективный феномен создает видимость того, что это - продукт производства, что это - ресурс производства, что это - предмет потребления.

Так мы получаем специфический мир, который фиксируется в понятии *“информационное общество”*¹¹. Как следствие ин-

¹¹ Наиболее известный автор в области теорий информационного общества - И.Масуда (См.: Masuda Y. Informational Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983). Подробный анализ этого понятия, ос-

формация становится не общедоступной всеобщей культурной ценностью, а объектом частной собственности, купли-продажи; развиваются такие феномены как коммерческая тайна, государственная тайна и другие многочисленные секреты – механизмы ограничения доступа к информации.

В следствие этого информация может быть монополизирована (и как товар, и как объект частной собственности) государственными или иными институтами. Кроме того информация начинает распространяться преимущественно не в мире культурных ценностей, не в мире сотворчества, а в мире отчужденных социальных форм.

Более того, если взглянуть на структуру социума, то окажется, что *информационные продукты сейчас главным образом производятся, потребляются, распространяются в “превратном секторе” - секторе воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности.* Это сфера (ниже даются ее социо-философские характеристики), где одни превратные формы используются для производства, тиражирования etc. других превратных форм. В этом секторе не создаются (как основной продукт его деятельности) ни материальные блага (блага, способствующие развитию личности), ни культурные ценности.

Речь идет прежде всего о таких сферах как *транзакционный сектор* (торговля, финансы, страхование); *государственно-бюрократический аппарат* и весь связанный с ним бюрократический мир; *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и контроля; *массовая культура*, где в действительности культурные ценности отсутствуют, а существует лишь информационный продукт, потребляемый для релаксации, для расслабления после вынужденной работы (в английском есть хорошее выражение “for fun”, для, так сказать, балдежа, для удовольствия, но не для развития человека или рекреации человека как личности).

Позволю себе две оговорки. Необходимо принять во внимание, что, во-первых, во всех этих сферах создаются продукты и услуги абсолютно необходимые для жизнедеятельности современного общества - общества, основанного на отчуждении (но это блага, которые абсолютно не нужны миру, лежащему “по ту сторону” отчуждения); во-вторых, в этих сферах как побочный продукт их деятельности (трактор на танковом заводе) создаются и общественно-полезные блага.

Как следствие всего этого в мире, где господствует производство и потребление информации (как превратной формы рождения мира культурных ценностей, мира сотворчества) - в современном мире - цели деятельности человека, производящего и

новых признаков информационного общества, его структуры содержится в уже упомянутом сборнике “Социум XXI века”, разд. 1.

потребляющего информацию, управление этой деятельностью, информационные технологии - все это становится средствами подчинения человека правилам жизни в условиях господства отчуждения.

Еще одной *превратной формой*, порождаемой миром экономической необходимости в современных условиях - условиях развитого, стоящего на границе своего снятия производства - становится *престижное паразитическое перепотребление*¹².

Оно становится следствием возросшей (до необходимого для перехода к “царству свободы” уровня) производительности труда в обществе, когда утилитарные потребности практически всех его членов могут быть удовлетворены на достаточном уровне без дальнейшего существенного наращивания производительности труда, без дальнейшего существенного расширения использования природных, человеческих и т.п. ресурсов.

Здесь следует сделать небольшую оговорку: когда я говорю о “*достаточном уровне утилитарного потребления*”, то имею в виду уровень, который может быть задан качественно, как такой, при котором человек имеет объем свободного времени и необходимые материальные экономические предпосылки, достаточные для участия в творческой деятельности. Если говорить проще – достаточно одежды, еды, хорошее жилье, значительно сокращенные затраты времени в быту и т.п., а так же доступ к библиотеке, компьютеру, электронным сетям, другим источникам получения знаний, обучения, передачи своих творческих достижений своим коллегам плюс, повторю, достаточный объем свободного времени.

Этот уровень доступен для среднего класса современных развитых стран. Другое дело, что для большей части мира (за исключением “золотого миллиарда”) этот уровень еще не достигнут, но ресурсы, используемые ныне для жизнедеятельности “превратного сектора” (транзакционной сферы, на цели милитаризма и перепотребления в развитых странах) практически достаточны для того, чтобы повысить качество жизни во всем мире примерно до уровня, достигнутого некогда в СССР. Это позволило бы резко расширить сферу распространения творческого труда и потенциал его дальнейшей экспансии во всем мире. Впрочем, это особая тема, мы к ней еще вернемся, а сейчас продолжим исследование превратных форм генезиса ростков постэкономической реальности в условиях царства экономической необходимости.

Существенно также, что к числу превратных форм, которые приобретают культурные ценности, относится не только ин-

¹² Обоснование необходимости ограничения паразитического потребления содержится в широком круге работ теоретиков Римского клуба, а так же в книгах Э.Фромма, во многом корреспондирующих с ними (См.: Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990).

формация, но и культура как *массовая культура*, включая шоу-бизнес, игры и всю индустрию развлечений. В данном случае происходит еще одно “превращение”, “выворачивание на изнанку” действительного позитивного процесса роста свободного времени. Превратной формой этого процесса становится возрастание времени, которое используется не для рекреации человека и развития его творческого потенциала, а для реализации нового круга утилитарных потребностей в рамках искусственного мира псевдокультурных благ (назовем его временем “досуга” в отличие от свободного времени).

Особо следует подчеркнуть, что нынче в сфере рекреации, т.е. в сфере, которая, казалось бы, должна быть непосредственно связана с человеком, которая, казалось бы, непосредственно отвечает требованиям “царства свободы”, прогрессирует не только массовая культура, но и феномен так называемой “*виртуальной реальности*”. Компьютерные игры и подобные им феномены становятся субститутами реальной деятельности, живого человеческого общения именно и прежде всего в свободное время. Компьютерные технологии - казалось бы, позитивное средство для передачи, сохранения и распространения культурных ценностей, средство диалога между людьми - это средство превращается в данном случае в фетиш, который вытесняет живое общение и создаёт целый набор искусственных превратных форм¹³.

Это не означает, что компьютерные игры или другие формы тренинга лишь вредны или бесполезны. Но это означает, что в условиях господства отчуждения, в “превратном” секторе они приобретают характер фетиша и тем самым подрывают те цели, ради которых были вызваны к жизни, превращаясь в своего рода демона, который будучи выпущен из бутылки, оказывается вне контроля его освободителя.

Естественно (напомню промежуточный вывод), проблема в данном случае не в компьютере и не в информационных технологиях, а в том как, для чего, с какими целями, при посредстве каких отношений они используются.

Вообще следует заметить, что грань, отделяющая мир культуры и сотворчества от мира массовой культуры весьма тонка, но очень существенна. В случае диалога с культурными ценностями человек участвует в процессе распрямления, он является “сотворцом”, который обогащается и создает нечто (прежде самого себя как творческую личность) в процессе диалога с этими культурными ценностями, будь то книга, общение с другим человеком или природой. В случае массовой культуры или других превратных форм, происходит утилитарное потребление культурных благ, потребление, которое “работает” исключительно на воспроиз-

¹³ Эти тезисы стали едва ли не общим местом среди западных левых интеллектуалов.

водство рабочей силы.

К числу превратных форм, порожденных процессом прехождения царства экономической необходимости, относятся и противоречия, связанные с использованием природных ресурсов, когда глобальный кризис биосферы Земли отображается в *превратной форме фрагментарной деятельности по охране окружающей среды* (именно акцент на охране среды деятельности капитала и его человеческих ресурсов здесь весьма симптоматичен)¹⁴.

Вообще следует заметить, что в рамках царства экономической необходимости в отношениях между обществом и природой последняя до настоящего момента являлась единственным источником сырья для экономической жизнедеятельности человечества. Начиная с первобытного общества, эксплуатация природных ресурсов шла по нарастающей, и к настоящему моменту человечество приблизилось к их абсолютному исчерпанию. В результате одной из проблем, которая должна быть решена при переходе к обществу, лежащему по ту сторону материального производства, является качественное изменение отношения к природе: *природа должна стать для общества и человека главным образом не источником сырья и ресурсов для материального производства, а культурной ценностью*, о чем уже было сказано выше.

Но отсюда вытекает достаточно важное и принципиальное следствие: *всякая материальная деятельность человека должна предполагать воспроизводство (а на первоначальном этапе - восстановление и сохранение) биосферы как культурных ценностей, обладающих собственными законами развития*¹⁵. Такого рода деятельность является абсолютно необходимой предпосылкой дальнейшего развития как материального производства, так и "царства свободы", лежащего по ту сторону этой сферы.

Между тем ныне, как уже было сказано, типичной является фрагментарная деятельность по охране окружающей среды. При этом развитие процессов охраны среды в развитых странах является всего лишь одним из маленьких аспектов той глобальной проблемы, которую предстоит решить. Более того, этот процесс, как правило, сопровождается *истощением природных запасов во*

¹⁴ Критика концепции "устойчивого развития" как не достаточно глубоко отражающей необходимость решения экологических проблем содержится во многих работах левых теоретиков. Среди известных работ на русском языке назову книгу Н.Моисеева (См.: Моисеев Н. С мыслями о будущем России. М., 1997).

¹⁵ Эти идеи восходят к гипотезам, выдвинутым еще в середине XIX века ("натурализация человека", "гуманизация природы") и получившим свое развитие "в уже упоминавшейся теории ноосферы В.Вернадского и современной идеологии зеленых".

всем остальном мире, загрязнением окружающей среды и выносом грязных технологий в развивающиеся страны.

В результате мир оказывается в условиях крайне жесткого *противоречия*, при котором большая часть добычи природных ресурсов сконцентрирована в странах, где наиболее жестоко эксплуатируется природа, где в наибольшей мере развиваются грязные технологии, где в наименьшей мере проводятся природоохранные мероприятия. Именно эти страны оказываются и в наиболее тяжелом экономическом положении.

Частично эта проблема связана с тем, что утилитарный подход к природным ресурсам как к ресурсам материального производства приводит к тому, что в цену этих ресурсов не включаются затраты на воспроизводство биогеоцинозов, а эти затраты должны быть необходимой составляющей сегодняшнего баланса в отношениях между обществом и природой, в условиях когда мир приближается к абсолютному истощению природных ресурсов¹⁶.

Но главное в ином: глобальной проблемой является качественно новый подход к природе как культурной ценности, а не только как к источнику сырья, а этот подход требует существенных изменений и в чисто экономической жизнедеятельности, в частности, компенсации странам, активно эксплуатирующим природные ресурсы и снабжающим ими весь остальной мир, затрат на воспроизведение биогеоцинозов (восстановление лесов, ландшафтов, очищение воздуха, воды и т.д. и т.п.).

Но мы несколько увлеклись. Пора сделать промежуточные выводы.

Так, мы можем предположить, что в мире происходит рождение новых типов ресурсов и потребностей, связанных с переходом “по ту сторону материального производства”. Однако поскольку этот переход осуществляется пока что по-прежнему в рамках царства экономической необходимости и господства отчужденных общественных отношений, постольку он приобретает превратные формы, фиксируемые в понятиях “информационного общества”, “общества профессионалов”, “охраны окружающей среды”, “sustainable development” и ряде других категорий (о них можно подробнее узнать из названного в предисловии сборника, где анализируются западные источники по данным проблемам).

Именно эти превратные формы могут быть зафиксированы и фиксируются на эмпирическом уровне, создавая объективную

¹⁶ Укажу на имеющуюся здесь существенную проблему. Парадоксом современного мирового хозяйства является заинтересованность элиты стран третьего мира в сохранении нынешней модели хищнического использования невозобновляемых природных ресурсов, что приносит им (и в гораздо меньшей степени в некоторых небольших странах, типа арабских эмиратов, - населению) немалых *текущих* выгод.

видимость “мнимого содержания” этих процессов (попытки его исследования можно найти в широком круге работ западных авторов: от Белла до Фукуямы, от Тоффлера до Бжезинского). Мы же предполагаем теоретически, что за ними скрыто эмпирически трудно различимое действительное содержание – генезис “царства свободы”. Но это пока что – только гипотеза.

Но это уже гипотеза, утверждающая, что «царство свободы» должно ответить на «вызов» рождающегося мира культурных ценностей. Перед социальными силами, принимающими этот «вызов», стоит задача «со-творить», вырастить такую систему общественных отношений, которая бы (1) создавала могучую мотивацию к созданию и использованию всеобщих, уникальных, «непотребляемых» (но распределенных) ресурсов; (2) сформировала как доминирующий тип личности людей с превалированием неутилитарных, качественно безграничных потребностей - потребностей в распределении культурных ценностей, сведя (ненапряженными методами, в силу внутренней мотивации) утилитарное потребление до достаточного уровня и вытеснив массовую культуру; (3) воспроизводила отношение общественного человека к природе, как к культурной ценности. В свою очередь, *такие* ресурсы, *такие* потребности, *такой* статус природы станут реальной содержательной основой для воспроизводства отношений «царства свободы».

(В скобках замечу: эта взаимосвязь напоминает порочный круг, являясь на самом деле диалектическим противоречием; кто как может разрешить его, разорвать этот круг – к этим проблемам мы обратимся ниже.)

2.2. Смена доминанты: от репродуктивного к творческому содержанию деятельности.

“Революция знаний” и “общество профессионалов”.

Выше мы уже зафиксировали, что для материального производства типичным является *репродуктивное* содержание труда. По видимому, сейчас следует несколько пояснить это понятие¹⁷.

Во-первых, этот труд осуществляется как деятельность по производству материальных продуктов. Если здесь и происходит некоторое обращение к созиданию культурных ценностей, то лишь в виде тиражирования материальных носителей последних (от печатания книги до создания тысяча первой версии одних и тех же приключений героя и его подруги, борющихся с некими преследователями в рамках американского триллера или тысяча двухсотой серии мыльной оперы: и в том и в другом случае происходит созидание всего лишь материального продукта, новая культурная ценность не возникает).

Во-вторых, результат репродуктивной деятельности принципиально отчуждаем от самой деятельности. Этот результат всегда связан с внешней формой, как правило материальным продуктом или услугой.

В-третьих (и эта черта прямо вытекает из первых двух), мотивом репродуктивной деятельности в сфере материального производства являются утилитарные потребности и ценности, лежащие вне деятельности как таковой. Деятельность сама по себе не является мотивом в той мере, в какой она репродуктивна, подчинена законам “царства экономической необходимости”.

Другое дело, что всякая деятельность человека всегда в некоторой мере содержит творческий компонент, что, в частности, характерно и для господствующей в условиях индустриального общества деятельности частичного работника. Но этот компонент проявляется как исключение. Развитие его, превращение его в правило, в доминанту, является главной чертой перехода к буду-

¹⁷ (классические тезисы К.Маркса и его последователей по поводу превращения репродуктивного труда в творческий достаточно подробно проанализированы в названных выше работах Г.Батищева, Н.Злобина, И.Чангли и многих других авторов-“шестидесятников”, писавших о коммунистическом труде; этот тезис содержится в работах большинства представителей западного неомарксизма (от Лукача и Сартра до современных экологов); в настоящее время они вновь введены в научный оборот, правда под весьма специфическим углом зрения в книге В. Иноземцева).

щему обществу, но мы немного забегаем вперед.

В-четвертых, репродуктивная деятельность подчинена внешним силам материального общественного производства, среди которых следует выделить прежде всего общественное разделение труда. В условиях добуржуазных обществ это - диктуемые природой традиции производства, например, традиционный аграрный цикл. В индустриальных обществах это - система машин, превращающая человека в частичного работника.

Кроме того, репродуктивная деятельность подчинена не только собственно материально-технологическому разделению труда, системе машин и т.д., но и материальным социально-экономическим отношениям, которые имеют отчужденный характер и господствуют над человеком (это может быть подчинение человеческой деятельности законам рынка и подчинение труда капиталу; в добуржуазных обществах - прямое подчинение человека "внеэкономическому" принуждению, когда рабовладелец или сеньор полностью диктовал содержание, цели, характер жизни, а не только деятельности работника). Как следствие такого подчинения все основные параметры трудового процесса - цели деятельности, управление этой деятельностью, ее кооперация и организация, качество и объем, ее технология - все они оказываются отчуждены от работника.

Такая характеристика репродуктивной деятельности, как господствующей в условиях материального производства, позволяет (по принципу диалектического отрицания) предположить, что творчество, как сущностная характеристика мира, лежащего по ту сторону материального производства, должно обладать параметрами, снимающими основные черты перечисленные выше.

Следовательно, мы можем предположить, что *творчество - это деятельность, развивающая ее агентов и создающая культурные ценности в процессе диалога (субъект-субъектного отношения) между индивидами* (это определение восходит к уже называвшимся работам Г.Батищева и В.Библера).

Этот диалог может быть как непосредственным, *актуальным* (когда индивиды кооперируются друг с другом в процессе совместного научного, педагогического, художественного, социального etc. новаторства), так и *опосредованным* (когда взаимодействие творцов опосредовано материальным носителем культурных ценностей: взаимодействие автора книги и ее читателя, ученого создавшего научную гипотезу и его ученика, который изменяет, критикует, развивает идеи своего учителя).

В последнем случае взаимодействие может быть опосредовано книгой, оборудованием, компьютером и системой информационных сетей: важна не специфика технологии, которая опосредует этот диалог, а то, что этот диалог построен именно как сотворчество, то, что здесь происходит распределение и опредмечивание культурных ценностей, а не материальное произ-

водство и утилитарное потребление.

Адекватной для такой (*творческой*) деятельности являются система общественных отношений, при которых эта деятельность не может быть отчуждена, подчинена внешним параметрам. По своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей) творческая деятельность не отчуждаема и не может осуществляться в рамках общественного разделения труда.

Последнее не означает, что индивид, занятый творческой деятельностью, не может специализироваться в определенной сфере. Напротив, он всегда производит конкретный особенный творческий результат, определенную, конкретную культурную ценность. Но для того, чтобы создать ее, он должен вступать в диалог с очень широким кругом культурных ценностей и других лиц, и чем шире этот круг, чем он разнообразней, чем точнее подобрана диалектическая целостная комбинация, всеобщность параметров этой деятельности, позволяющих создать данную культурную ценность, тем выше будет творческий потенциал его труда.

Последнее требует некоторого прояснения. Для творческой деятельности характерна специфическая природа кооперации, взаимодействия (непосредственного и опосредованного) между участниками этого процесса. Для того, чтобы создать, “сотворить” культурную ценность, ее автор, творец должен соединить в своей деятельности, в распределении культурных ценностей, некоторый набор феноменов, позволяющих создать новое всеобщее целостное качество реальной жизни.

Эта достаточно абстрактная философская формулировка может быть пояснена на некоторых примерах.

Писатель должен суметь интегрировать в себе понимание мотивов, ценностей, логики поведения широкого круга людей отображаемой им эпохи, для того чтобы выразить их в книге, представляющей квинтэссенцию данной системы.

Ученый должен суметь соединить, по-новому осмыслив, критически распределив, известные ему эмпирические феномены, а так же теоретические, а иногда и художественные достижения своих предшественников, причем, как правило, задачей является соединение в научной деятельности казалось бы несоединимых или неизвестных параметров в несуществующие до этого комбинации.

Для педагога такой проблемой является создание творческой атмосферы в группе его учеников или детей, с которыми он вступает в общение; нахождение для них такой деятельности, такого способа жизни, таких отношений, которые бы каждого из них превратили в творческую личность.

Для социального новатора это умение увидеть в общественных отношениях проблему, которая еще не была решена, и подобрать адекватные средства, механизмы (отчасти известные,

отчасти еще не известные в существующем мире) для того, чтобы сотворить образ нового общественного отношения, а затем совместно со своими коллегами реализовать его на практике.

Итак, творческая деятельность есть диалог как с современниками, так и с предшественниками, создание новой, неизвестной, не существовавшей до этого комбинации (кооперации) творческих деятельностей и их результатов (культурных ценностей), которые порождают, соединившись в единую систему, новое системное качество, новую культурную ценность. Такова специфическое содержание творчества и как таковое оно не может быть подчинено внешним параметрам (таким как разделение труда или отношения мира отчуждения).

Результатом творческой деятельности является не только культурная ценность (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), а саморазвитие человека в процессе творческой деятельности. Здесь изменяется само содержание труда. Последний превращается в деятельность по созданию (и саморазвитию) человека. Продукт творческой деятельности - книга, научная теория или что-то еще, являются своего рода "побочным" результатом, ибо человек, осуществляющий творческую деятельность, преследует прежде всего один (причем в некотором смысле эгоистический) интерес - *интерес самореализации*, интерес творчества¹⁸.

Соответственно, атрибутом творческой деятельности становится ее *внутренняя мотивация*. Ценность, мотив, интерес, который движет таким человеком - это труд как таковой плюс свободное время, которое на самом деле соединяется с временем труда. Но это особая материя, к которой мы еще вернемся.

Здесь следует сделать оговорку, которая как рефрен повторяется на протяжении предыдущего и данного разделов. *Соотношение репродуктивного труда и творческой деятельности всегда характеризуется определенной мерой* (в диалектическом единстве качества и количества развития одного и другого). Любая человеческая деятельность на любой стадии развития будет включать как репродуктивный, так и творческий компонент. Вопрос лишь в том, какой из этих двух качественно различных параметров доминирует, и если деятельность является преимущественно творческой, то тогда среди результатов, ценностей, мотивов, содержательных параметров труда доминирующими будут внутрен-

¹⁸ Этот тезис давно известен в социо-философской литературе. Нам наиболее известна марксистская традиция (от самого К.Маркса через Лукача, Сартра и т.п. ученым 70-х - 80-х годов, для которых тезис о самореализации и свободном развитии человека в творческой свободной деятельности, выступающей как самоцель стал банальностью). Кроме того, эта идея довольно полно представлена в работах Э.Фромма и его единомышленников.

ние, креативные. Если эта деятельность является по преимуществу репродуктивной - обратная ситуация.

Кроме того, как уже было отмечено, человек, как родовое существо, как представитель рода "Человек", всегда был наделен способностью к творческой деятельности, его деятельность в целом, во всемирно-историческом измерении всегда носила творческий характер, и этим она отличалась от псевдодеятельности, активности животных.

Но суть этого процесса состоит в том, что творческие функции в условиях отчуждения были характерны преимущественно для узкого круга представителей того привилегированного сословия, которое сегодня принято называть интеллигенцией, тогда как деятельность большинства работников носила, главным образом, репродуктивный характер. Впрочем, это повторы, хотя повторы достаточно важные.

Итак, движение к царству свободы знаменуется переходом к доминированию творческого содержания деятельности в отличие от репродуктивного труда.

Отчасти аналогией такой трансформации может быть переход, который в свое время совершался от аграрного труда к индустриальному. Хорошо известно, что вплоть до конца XIX в. на большей части земного шара доминирующим был аграрный труд (преимущественно ручной, подчиненный биологическому природному циклу и зависящий, главным образом, от внешних природных параметров). Индустриализация привела к тому, что сегодня в развитых странах лишь 5-10% населения занято собственно аграрной деятельностью, да и сама она во многом носит индустриальный характер, осуществляется при помощи машин, а ее зависимость от природных, биологических параметров существенно снижена. (В ряде случаев это приводит к поразительным результатам, когда продукты аграрного производства в развитых странах напоминают продукты конвейера.) Именно в результате резкого сокращения аграрного ручного труда и развития индустрии развитые страны смогли решить проблему устойчивого и достаточного производства сельскохозяйственных продуктов.

Используя эту параллель, можно предположить, что именно прогресс творческой деятельности по созиданию культурных ценностей позволит решить проблему оптимального (достаточного для удовлетворения рациональных утилитарных потребностей) производства материальных благ.

Продолжая характеристику творческой деятельности, мы можем ввести еще один параметр (как будет показано ниже, он, на самом деле, строго *выводится* из содержания творческой деятельности): *изменение соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего и изменение их содержания.*

Для царства экономической необходимости рабочее время определялось как время труда, подчиненного внешним параметрам

рам, причем это рабочее время как правило распадалось на необходимое (связанное с воспроизводством работника) и прибавочное (в течении последнего создавались блага, необходимые для воспроизводства господствующего класса).

Выше я использовал марксистский подход. Но даже если оставить его в стороне, то все равно можно заметить, что рабочее время было временем, в течение которого человек был подчинен технологиям материального производства и господствующим экономическим отношениям, осуществлял репродуктивную деятельность. Соответственно, свободное время было по преимуществу временем, в течение которого человек мог восстановить свою рабочую силу (способность к труду) и воспроизвести тем самым свои вещные качества как фактора производства (рабочая сила была и остается покуда вещной формой, присваиваемой в процессе купли-продажи этого товара на рынке труда: в данном случае мы рассмотрели положение дел в условиях развитого – буржуазного – материального производства; ранее в этой сфере господствовали отношения внеэкономического принуждения).

Переход к творческой деятельности существенно изменяет содержание рабочего и свободного времени. В новых условиях *свободное время* (будучи, как и прежде, периодом, когда человек не занят репродуктивным трудом) *становится временем, в течение которого человек может развиваться как свободная творческая личность*, как личность обладающая потенциалом творческой деятельности.

Поскольку это развитие происходит преимущественно в самом процессе творчества, и, более того, процесс творчества является самоцелью и в некотором смысле удовольствием, а не обузой и необходимостью, постольку *время творческой деятельности и свободное время совпадают*. Свободное время тем самым включает два ключевых параметра: собственно время творческой деятельности и время рекреации, время восстановления человека как субъекта творчества, но не как особой “вещи”, товара (рабочей силы), предмета подлежащего утилитарному потреблению в процессе репродуктивного труда, в процессе материального производства (напомним: материальное производство, с точки зрения использования человека как ресурса, есть потребление рабочей силы).

Сказанное позволяет сделать вывод, что в “царстве свободы” *рабочим является время, которое необходимо затратить на репродуктивную деятельность* (напомним: она всегда будет иметь место, хотя и сокращается). Свободным будет время (еще раз подчеркнем это) творческой деятельности, общения, развития человека и его рекреации как личности в различных формах.

Соответственно, *мера развития “царства свободы” может определяться соотношением свободного времени и рабочего времени, которым располагает данное общество.*

Одним из моих старших коллег – П.Кузнецовым¹⁹ - была предложена интересная и весьма продуктивная методология исчисления этой пропорции. Суть ее достаточно проста: мы можем рассмотреть миллион жителей определенного общества и достаточно очевидно, что в течение года этот миллион жителей обладает фиксированным объемом времени (количеством астрономических часов за год помноженным на миллион жителей). Далее мы определяем, какая часть этого времени данным миллионом граждан используется для репродуктивной деятельности и других функций, которые не связаны с функционированием человека как творческой личности (утилитарное потребление и биологические функции). Это будет одна часть пропорции. Вторая часть пропорции - все время, которое используется данным миллионом жителей для творческой деятельности в различных формах, для рекреации своего творческого потенциала, общения, досуга и т.д.

Данная пропорция вполне может быть исчислена, и ее изменение будет важным индикатором, показывающим меру продвижения к царству свободы. С того момента, когда для общества доминирующим станет свободное время, а репродуктивная деятельность, и, соответственно, рабочее время будут занимать сравнительно небольшую часть жизнедеятельности членов общества, мы можем сказать, что количественное изменение пропорций необходимого и свободного времени отражает качественный скачок, переход к доминированию новых отношений, характерных для “царства свободы”. Такая характеристика творчества позволяет по новому взглянуть на “средства производства” творческой деятельности и ее “технологии”.

Почти все необходимое для характеристики *“технологии”* и *“средств производства”* творческой деятельности было сказано выше.

Если в качестве “ресурсов” этой деятельности выступают культурные ценности, а средством их использования становятся так называемые “субъект-субъектные” отношения, диалог, процессы опредмечивания и распредмечивания, то достаточно понятно, что ключевым параметром, ключевым “ресурсом” для такой деятельности становится культурный человек, *“человек-креатор”*. Соответственно, *формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой - главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности.* Отсюда - задача всестороннего, гармоничного развития личности, сформулированная Марксом 150 лет назад, как сверхзадача для общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия всей предыстории.

Здесь уместна своего рода аналогия между “производ-

¹⁹ См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990, с. 227 - 251.

ством” творческой личности как главным “средством” “производства” культуры и прогресса постиндустриального общества и производством средств производства как главным средством прогресса индустриального общества (в последнем, напомним, именно увеличение индустриального потенциала, постоянного капитала является главным технико-производственным орудием роста общественного богатства).

Иными словами я предполагаю, что в *“царстве свободы”* формирование *“человека культурного”* и является своего рода аналогом производства средств производства в *“царстве экономической необходимости”*.

Формирование “человека культурного” происходит как в самом процессе творчества, так и, первоначально, в сферах воспитания и образования. Последние при этом должны быть не отраслями производства знающего специалиста, формирования рабочей силы для той или иной репродуктивной деятельности, пусть даже высокой квалификации, а сферами формирования человека, обладающего творческими способностями, т.е. способного распродеть существующий мир, способного увидеть проблемы, противоречия этого мира, способного найти новые комбинации известных элементов и своей деятельностью создать недостающие элементы, для того, чтобы инсайт, творческое озарение породило новый феномен, новую культурную деятельность.

Тем самым. *образование и воспитание становятся своего рода “первым подразделением” общественной деятельности в рамках мира культуры*²⁰.

Соответственно, *деятельность по созиданию культурных ценностей как таковых, будь то деятельность ученого, художника, социального новатора и так далее - становится своего рода аналогом “второго подразделения”, созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распродмечиваются в культурном диалоге.*

Спецификой творческой деятельности, однако, является не столько разделенность, сколько синкретичная сращенность, слитность этих двух “подразделений”, ибо, как уже говорилось, *творчество есть деятельность, в которой одновременно развивается ее субъект и создается культурная ценность.* Эта двойственность есть атрибут творческой деятельности.

Таковы основные слагаемые творческой деятельности, включая ее содержание, “ресурсы”, технологию и “средства производства”.

Данный подход существенно отличен от господствующих

²⁰ Акцент на развитии образования, педагогической деятельности как приоритетных для будущего общества был характерен для большинства марксистов - от В.И.Ленина до А.Грамши (См.: Грамши А. Тюремные тетради., ч. 1, М., 1991, с. 433 - 449).

ныне представлений о творческой деятельности. Подобно тому как превратной формой культурных ценностей стало производство, распространение и использование информации, так и *превратными формами творческой деятельности стали "производство" специалистов и развитие информационных* (прежде всего компьютерных) *технологий*, как главных средств жизнедеятельности информационного общества, общества специалистов. Но и то, и другое - всего лишь превратные формы, характерные для современного мира: сохраняющееся господство материального производства, отчуждение пытаются "перевести" творческую деятельность и её компоненты в плоскость традиционного производства материальных благ и потребления.

Такой подход позволяет интерпретировать и теории "революции знаний", "компьютерной революции" и т.п. как характеристики примерно одного и того же процесса: во всех этих случаях, речь идет о том, что знания и профессионализм стали своего рода субститутами творческого потенциала человека и его креативных способностей²¹.

Безусловно, такой подход вызовет по меньшей мере недоумение среди авторов, пишущих о названных "революциях". Но это не случайно: любая превратная форма характеризуется противоречием между ее подлинным содержанием и самой формой как таковой. Так же и здесь: "революция знаний", "компьютерная революция" - это термины, обозначающие превратные формы. Но эти формы не могут существовать и развиваться без своего содержания, без творческой деятельности и культурного диалога, без формирования творческой личности и ее новаторского потенциала как содержательных процессов, лишь "переворачиваемых" в современном мире с лица на изнанку, превращаемых в деятельность профессионалов, обладающих знаниями.

Это "переворачивание" не случайно: знание и информационные технологии (в отличие от культурных ценностей) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления (и, соответственно, стать объектом частной собственности, купли-продажи и т.п.). Соответственно, "революция знаний" и т.п. становятся подходящими "именами" для превратных социально-экономических форм, механизмов утилизации растущего творческого потенциала человечества, используемого

²¹ Обзор работ по проблемам "революции знаний", "общества знаний" и упоминаемого ниже "общества профессионалов", "человеческого (интеллектуального) капитала" и т.п. так же содержится в упомянутом выше сборнике "Социум XXI века". Здесь я ограничусь отсылкой к ряду интересных современных работ по данной теме. См.: Sakaiya T. *The Knowledge-Value Revolution or the History of the Future*. Tokyo, N.Y., London, 1991; Crawford R. *In the Era of Human Capital*. N.Y., 1991; Hadson W. *Intellectual Capital*. N.Y., 1993.

лишь для прогресса материального производства, а в современном мире и того уже - для прогресса капитала, в том числе - для накопления богатства, развития власти корпораций и т.д., поскольку для всего этого необходимы утилизация знаний, рост профессионализма, постоянное повышение производительности труда.

Мир отчуждения в его современно виде - гегемонии корпоративного капитала - стремиться утилизировать и процесс развития творческого потенциала человека, осуществляемый в сфере образования и формирования нового человека. Закономерно, что и этот процесс реализуется ныне, в мире отчуждения, как правило, *в превратной форме прогресса “общества профессионалов”, обучения квалифицированного работника.*

В данном случае формируется не столько творческий потенциал и способность к распредмечиванию культурных ценностей, сколько набор стандартных профессиональных навыков, которые человек может и должен реализовывать. Так создаются предпосылки для развития не гармоничного творческого человека, а человека-профессионала, который приспособлен лишь для выполнения частичных функций, жестко подчиненных разделению труда; человека, который обладает соответствующими утилитарными потребностями, диктуемыми достаточно простым набором благ, необходимым для воспроизводства его профессиональных способностей.

Тем самым формирование профессионала, его деятельность и потребление профессионалом массовой культуры или узко профессиональных знаний становятся слагаемыми единого процесса функционирования псевдокультуры, псевдовоспитания и псевдообучения, точнее культуры, воспитания и обучения в превратных формах, характерных для современного информационного общества или общества профессионалов.

При этом было бы по меньшей мере неточным лишь критически воспринимать прогресс профессионализма. В той мере, в какой сохраняется разделение труда и, уже – господство корпоративных (в том числе, капиталистических) структур – в этой мере именно деятельность профессионалов была и остается основой стабильности и прогресса материального производства. Весь вопрос, однако, в том, сколь прогрессивны и перспективны разделение труда и другие атрибуты современного мира отчуждения равно как и сам этот мир в целом.

Наконец, отметим, что в современных условиях, когда творческая деятельность становится важнейшим слагаемым роста производительности труда (и, тем самым, необходимым компонентом современного материального производства), с объективной необходимостью начинают развиваться и *превратные формы творчества*, одной из которых становится искусственная погоня за новизной или, точнее, *погоня за искусственной новизной* материальных продуктов и услуг, ресурсов и утилитарных потребно-

стей. Этот феномен уже был упомянут, но здесь хотелось бы подчеркнуть: искусственная новизна имитирует творческий процесс там, где на самом деле происходит удовлетворение качественно тех же утилитарных потребностей при помощи относительно новых материальных средств, продуктов или технологий. Причем в ряде случаев меняется даже не действительное материальное содержание продукта или технологии, а всего лишь обертка, чисто внешняя форма, создаваемая рынком для того, чтобы повысить объем продаж.

Подобного рода псевдоновизна характерна не только для производства товаров и услуг на рынке. Она типична для производства по видимости новых услуг в сфере массовой культуры, для создания по видимости новых идеологических установок в области духовного производства и т.д. и т.п.

Итак, "революция знаний" и "общество профессионалов" становятся "именами" превратных форм развития творческого содержания деятельности в условиях постепенного отмирания материального производства и рождения нового мира - мира культуры, креатосферы.

Итак, мы можем предположить (и это еще одна гипотеза автора), что социальной основой «царства свободы» становится креатосфера, сфера, где (1) доминируют творческая деятельность и свободное время – пространство и время свободного всестороннего развития человека – этого объективного детерминанта прогресса царства свободы; (2) творчество становится внутренним стимулом деятельности, что тормозит утилитарное потребление и провоцирует потребности в распрямлении культурных ценностей; (3) репродуктивный труд, узкопрофессиональная деятельность человека, подчиненного общественному разделению труда, ориентированного на утилитарное перепотребление и искусственную новизну уходят в прошлое.

Решение этих грандиозных сверхзадач – второй «вызов», который отмирающее царство необходимости бросает творцам царства свободы.

2.3. Смена доминанты: “производство” креатосферы.

"Общество услуг" и "постиндустриальное общество"

Если мы можем зафиксировать качественные изменения в содержании труда, материального производства и потребностей, то легко предположить, что такие изменения должны вызывать *существенную трансформацию структуры общественного производства в целом*. Вслед за многими нашими предшественниками мы можем зафиксировать переход от индустриальной системы как вершины материального производства, производства вещей в рамках царства экономической необходимости, к новому типу общественного производства, какому именно – мы поразмышляем об этом ниже.

В современной западной литературе это общество принято называть постиндустриальным или информационным. На мой взгляд, эти термины слишком узки и недостаточно точно отражают суть происходящих изменений, но к этому мы еще вернемся. Пока же зафиксируем ключевые *черты индустриального производства, как вершины эпохи господства материального производства*.

Во-первых, индустриальное производство предполагает господство механических технологий.

Во-вторых, облик материального производства определяют системы машин, развивающихся от фабрик до комбинатов, объединяющих ряд комплексов с господством во многих случаях конвейерных технологий.

В-третьих, господство систем машин обуславливает развитие общественного разделения труда вплоть до формирования частичного работника, подчиненного этим системам. При этом происходит как бы “удвоение” подчинения человека общественному разделению труда: с одной стороны, человек становится частичным работником в рамках системы машин, фабрики, более сложного современного производственного звена; с другой - это производственное звено является не более чем компонентом общественного разделения труда, специализируясь на производстве определенного круга материальных продуктов.

На развитой стадии индустриального производства эти системы машин дополняются прогрессом сферы услуг, инфраструктуры, в частности, транспорта и энергетики, построенных (как и производство в узком смысле слова) на не компенсируемом, можно даже сказать, хищническом использовании невозобновляемых природных ресурсов (таких как уголь, нефть и другие).

В результате этих изменений формируется особая *струк-*

тура материального производства, где доминирующей сферой является индустрия вкуче с инфраструктурой (позднее - сектором услуг), а ранее господствовавшая аграрная сфера оттесняется на второй план в развитых странах, но сохраняет свое доминирующее (по числу занятых) положение в третьем мире.

Человек в этих условиях подчиняется системе разделения труда, диктуемой индустриальным типом технологии, с одной стороны, капиталистической формой этой технологии - с другой, и воспроизводится, преимущественно именно как работник, причем частичный.

Развитая индустриальная технология, базирующаяся на некомпенсированном потреблении природных ресурсов, в условиях XX века переходит к новому качеству, которое характеризуется созданием *единой макротехнологической системы*, фактически являющейся *интернациональной*, построенной на противоречии между технологически развитыми центрами, потребляющими основную часть природных ресурсов, и остальными, раннеиндустриальными или доиндустриальными странами, поставляющими эти ресурсы для индустриального центра. Позднее, в конце XX века, возникает новый феномен, о котором речь пойдет ниже: вынос "грязных" индустриальных производств в развивающиеся страны и развитие в развитых "общества услуг".

Переход от преимущественно механических технологий к технологиям, использующим новые формы движения материи (физические, химические и микробиологические) и их постепенное развитие (но в рамках подчинения господству индустриальных технологий) приводит к формированию *глобальных проблем развитого индустриального производства*. Производительные силы, имеющие индустриальную основу, достигают интернационального, планетарного масштаба и становятся глобальными производительными силами.

Эти глобальные производительные силы, материальное производство, достигшее такой стадии, характеризуются, *во-первых*, тем, что на планете Земля создается единая техносфера, подчиняющая биосферу и функционирование человека своим законам.

Такая техносфера приводит не только к некомпенсируемому, хищническому потреблению природных ресурсов и формированию частичного человека, но и, *во-вторых*, создает крайне опасные и разрушительные для человечества и природы феномены, наиболее известный из них - это оружие массового уничтожения, возникшее в середине XX века и до настоящего времени являющегося ключевой угрозой человечеству.

Наряду с этим существует ряд других угроз, связанных с функционированием в глобальном масштабе технологий, прежде всего химических, микробиологических, энергетических (последнее касается не только атомной энергетики, но и других процес-

сов, построенных на использовании химической и биологической форм движения материи). На этой базе происходит экспансия материального производства, приводящая к уничтожению - очень часто безвозвратному уничтожению - не только невозобновляемых природных ресурсов, но и целых био- и геоценозов.

Такого рода единая техносфера, *в-третьих*, может быть изменена лишь глобально, на основе рождения новой модели отношения между человеком и природой (об этой модели я уже упоминал выше: она должна быть построена на отношении к природе как к культурной ценности и ответственности человека за восстановление, сохранение и воспроизводство био-, геоценозов); соответствующего изменения модели отношений между первым и третьим миром и многих параметров, о которых мы не будем далее распространяться: здесь мы всего лишь делаем некоторые выводы о характере материального производства как целостной планетарной системы на стадии, когда это индустриальное производство приближается к пределу своего развития.

Переход к "царству свободы" и снятие этих противоречий предполагает развитие нового качества планетарной общественной деятельности. Прежде всего должны произойти соответствующие изменения в самом "царстве экономической необходимости", которое является базисом для "царства свободы" (я еще раз педалирую этот важный тезис).

Каким же может видаться *материальное производство, лежащее в основе "царства свободы"*?

Прежде всего речь пойдет о *развитии материальных факторов творческой деятельности*. Именно эта сфера должна стать доминирующей в рамках нового материального производства. В данном случае речь пойдет не только об известных феноменах: оборудовании, помещении, ресурсах для научной, художественной и т.п. деятельности, образования и так далее, хотя это достаточно важные параметры. Следует взглянуть на проблему шире: произойдет *формирование особого "заказа" материальному производству, исходящего из потребностей креатосферы*. Этот "заказ" качественно отличен от того, что диктуется утилитарными потребностями.

Пока трудно предположить, какие изменения это вызовет в собственно материальном производстве; мы можем лишь сформулировать данное требование, данную посылку, ибо находимся в преддверии нового типа материальной деятельности, адекватной "царству свободы", но никак не в условиях господства этого нового типа деятельности.

Под влиянием названного выше процесса изменится и "заказ" материальному производству со стороны утилитарных потребностей (последние будут ограничиваться уровнем достаточного, рационального потребления, которое, напомним, служит лишь предпосылкой для решения задач творческой самореализации

человека): существенно скорректируются структура и качество потребительских благ, модель и стиль потребления²².

Итак, переход к доминированию творческой деятельности, креатосферы существенно изменяет само материальное производство.

Не сложно предположить, что постиндустриальное материальное производство должно преодолеть господство механических технологий, базирующихся на широком использовании невозобновляемых природных ресурсов. *“Вызову” нового материального производства будут удовлетворять технологии, которые позволяют, во-первых, создавать материально-технологические предпосылки для гармоничного развития человека и прогресса мира культуры, креатосферы; во-вторых, не потреблять более невозобновляемые природные ресурсы, сохранять и восстанавливать био-, геосеносы; в-третьих, не повышать затрат совокупного рабочего времени, которым обладает общество, для решения проблем материального производства, но, напротив, по-*

²² В этой связи позволю себе маленькое отступление, иллюстрирующее суть проблемы и навеянное атмосферой Нью-Йорка, где пишутся эти строки. Одна из ключевых компонент современной западной цивилизации, построенной на фетише утилитарного потребления - это автомобиль. В некотором смысле современный мир развитых стран, если говорить о сфере потребления, - это автомобильная цивилизация, где организация пространства, инфраструктуры, жилища, культурных объектов и многого другого основана на постоянном использовании автомобиля. Автомобиль превращается в своего рода фетиш (на ряду со многими другими фетишами этого мира), а прогресс - как реальный, так и мнимый - автомобильной цивилизации превращается в одну из целей, поглощающих огромное количество ресурсов.

Между тем по своим потребительским свойствам машина не претерпела радикальных изменений за последние сорок или как минимум тридцать лет. Примерно те же параметры в области скорости, комфорта, может быть, несколько большая безопасность движения, меньшее поглощение горючего и дополнительная электронное оборудование (но это уже просто привнесение достижений из других сфер). Легковая машина как была, так и остается одним и тем же (с качественной точки зрения) потребительским благом, притом, что творческий потенциал миллионов людей десятилетиями используется для того, чтобы усовершенствовать или искусственно обновить эту конструкцию.

Я уже не говорю о том, что вообще автомобильная цивилизация является весьма специфическим феноменом, который далеко не самым оптимальным образом использует материальные ресурсы для решения проблемы передвижения граждан. Ведь в основе своей должна быть удовлетворена потребность человека в качественном транспорте, а не в машине.

стоянно повышать производительность труда.

По-видимому, для этого нужен переход к технологиям, основанным на использовании более сложных форм движения материи (не механических, но химических, физических, биологических). Как будут развиваться эти технологические процессы - пока трудно предугадать, но понятно, что важнейшими задачами, которые будут решаться при этом, станут *абсолютные ограничения*, характеризующие безопасность этих технологий, *не* разрушение природы и *не* повышение объема рабочего времени, которым располагает человечество.

На этой основе можно сделать вывод, что материальное производство должно стать производством, основанном, во-первых, на наличии названных выше абсолютных рамок, и, во-вторых, на сокращении использования двух основных типов абсолютно ограниченных ресурсов: природных и человеческих (ресурсов человеческого репродуктивного труда).

Такой тип материального производства может родиться и рождается уже сегодня, но происходит это весьма в специфической форме, где материальное производство не столько качественно изменяется, сколько начинает приспосабливаться к новым условиям. С одной стороны, оно остается доминирующим и по-прежнему ориентированным на удовлетворение растущих, но при этом качественно все тех же утилитарных потребностей. С другой стороны, оно начинает приспосабливаться к появляющимся превратным формам креатосферы, которые нам уже известны под именами "информационного общества", "общества знаний" и "общества профессионалов".

Естественно, что адекватными технологическими средствами, создаваемыми материальным производством для этих сфер, являются компьютеры, телекоммуникации, информационные сети и другие средства материального обеспечения создания, распространения и использования информации. Безусловно, компьютерно-информационная революция является важной предпосылкой развития креатосферы, а компьютерные технологии - одна из наиболее удобных и адекватных форм для создания и использования материальных носителей культурных ценностей. Однако здесь важен акцент: подход к информационным технологиям, компьютерам, информационным сетям и так далее, *или* как к материальным носителям культурных ценностей, *или* как к самоцели, позволяющей широко развивать "превратный" сектор (такие сферы как финансы, торговля, бюрократическое управление, массовая культура и т.д.) - это два принципиально разных подхода.

Второй подход во многом оказывается не чем иным, как "переносом" репродуктивного труда в сферу превратных форм мира культуры. Происходит своего рода "механизация" и, гораздо реже, автоматизация интеллектуального труда профессионалов по созданию информации. К сожалению, в современном мире ком-

пьютер во многом выполняет роль, аналогичную роли станка, машины по отношению к работнику индустриального общества, и так же, как для индустриального общества был характерен частичный работник, подчиненный машине, для информационного общества (как превратной формы креатосферы) характерным становится частичный, подчиненный компьютеру, работник, функционирующий как придаток компьютера или информационной сети.

Это превратная форма, отрицающая действительное содержание информационных технологий, где компьютер и информационные сети выступают в роли современного, более эффективного аналога книги или библиотеки для ученого; полотна, кисти или карандаша для художника, доски и мела для учителя. Безусловно, компьютерные технологии как правило прогрессивны, но вопрос в другом: как провести границу и преодолеть противоречия между компьютером как средством человеческой деятельности и компьютером как средством, подчиняющим человека миру информационных технологий.

Мы, пожалуй, чрезмерно увлеклись этой проблемой. Продолжим размышления о том, какие изменения вызывает процесс снятия материального производства.

Генезис “царства свободы”, качественные изменения технологии материального производства вызывают существенные сдвиги в *структуре общественного воспроизводственного процесса*.

Достаточно очевидными тенденциями уже являются изменения и сокращения индустриальных и доиндустриальных, а также генезис постиндустриальных технологических процессов.

Гораздо более спорной является теза о необходимости вытеснения и тех внепроизводственных сфер, которые проявляются в результате свертывания индустриального производства в развитых странах, но сами по себе не обеспечивают развития творческой деятельности или обеспечивают развитие творческой деятельности преимущественно в превратных формах. Во всех последних случаях речь идет о *радикальном сокращении “превратного” сектора* (транзакционной сферы, перепотребления, в частности, престижного потребления, связанного с производством и потреблением предметов роскоши и подобных вещей, массовой культуры, а также всей искусственной надстройки, порожденной милитаризмом, государственно-бюрократическим аппаратом и сходными феноменами, не обеспечивающими процесса постматериального общественного производства, базирующегося на творческой деятельности, или обеспечивающей его лишь в превратных формах).

Тезис о сокращении этих сфер, как абсолютно необходимым условием прогресса ныне выглядит более чем спорным, что связано прежде всего с ростом транзакционного сектора в развитых странах Запада. Этот рост стал одной из доминирующих тенденций второй половины XX века, хотя начался гораздо раньше.

Примерно в это же время, во второй половине XX века, достаточно четко проявились тенденции к наиболее быстрому росту таких сфер транзакционного сектора как *финансы и - шире - движение фиктивного капитала*. На них прежде всего ориентирована сегодня деятельность наиболее преуспевающей части совокупного работника; именно здесь сосредоточены наиболее дорогостоящие рабочие места, обеспечивающие наибольший доход; именно здесь сосредоточена наиболее дорогая рабочая сила; именно здесь сосредоточены наибольшие усилия современной экономической мысли, а также мысли социологов, психологов, специалистов в области информационных технологий и прочее и прочее. Утверждение, что *именно эти сферы (да и весь "превратный" сектор) являются главным тормозом в процессе перехода от господства материального производства к креатосфере*, выглядит по меньшей мере крайне спорным.

Как же оно может быть обосновано? Начнем с того, что именно в *"превратном" секторе деятельность, имеющая творческое содержание, нацелена на решение задач роста не просто утилитарного потребления и материального производства, но на решение задач, связанных с прогрессом превратных форм этого материального производства и утилитарного потребления, характерных для современного корпоративного капитализма. Здесь происходит как бы "удвоение превращения"*: центром общественных связей, центром притяжения ресурсов и получения доходов и т.д. становится не просто материальное производство в форме рынка, но деятельность по обслуживанию и опосредованию собственно рыночных отношений между различными институтами (например, между фирмами, государством и корпорациями, государством и идеологическими структурами и т.п., и т.п.). Между производством, носящим материальный характер, и утилитарным потреблением встает огромный опосредующий массив транзакционного сектора, бюрократизма, милитаризма, массовой культуры и т.п. Именно он поглощает те огромные в конце XX века ресурсы, высвобожденные прогрессом материального производства, которые могли бы быть использованы для развития креатосферы.

Подробнее к обоснованию этого сложного тезиса мы вернемся несколько позже, здесь же сформулируем гипотезу: *прогресс креатосферы в современном мире возможен исключительно по мере выдавливания "превратного" сектора, всей деятельности, связанной с обслуживанием собственно превратных форм, опосредующих жизнь и материального производства, и творческой деятельности.*

Существенно, что деятельность в этом массиве превратных форм, как наиболее престижная, наиболее активно растущая в нынешней общественной системе, не может не притягивать к себе наиболее творческих, способных, обладающих новаторским потенциалом людей. Соответственно, именно она становится важ-

нейшей сферой приложения новейших технологий (прежде всего информационных), здесь сосредотачивается основной творческий и новаторский потенциал человечества.

В связи с этим освобождение творческой деятельности от форм, которые ей навязываются в этих секторах, становится ключевой проблемой прогресса креатосферы. Эта проблема решается принципиально сложно, ибо здесь, в *“превратном”* секторе, в сферах обслуживающих их науки, новаторской деятельности, *происходит сращивание творческого содержания труда и описанных выше превратных форм*. Занятые в этой сфере лица, обладающие высоким творческим и новаторским потенциалом, в наибольшей степени *“подкуплены”* бизнесом, сосредоточенным в этом секторе. Для этих интеллектуалов разрыв с *“превратным”* сектором и переход в другую сферу творческой деятельности будет крайне сложен, ибо их мотивация, результаты их деятельности, сам ее характер, диктуемый превратными формами данного сектора - вся жизнь должна быть в этом случае качественно, принципиально изменена.

В целом, несколько забегаая вперед, хотелось бы подчеркнуть, что *именно в “превратном” секторе в наиболее жесткой форме проявляется противоречие между прогрессом творческого по содержанию труда и превратными формами рыночных и властных отношений*, которые опосредуют творческую деятельность (более того, благодаря которым эта творческая деятельность развивается в современном мире корпоративного капитала).

Подведем промежуточный итог нашего анализа *структурных изменений*. Они касаются, во-первых, вытеснения индустриальных видов деятельности, сокращения общей доли материального производства, как индустриального, так и доиндустриального; во-вторых, развиваются подлежащие сокращению паразитические сферы, потребляющие творческий труд, такие как транзакционный сектор, милитаризм, массовая культура и т.д.; в-третьих, развиваются качественно новые технологические процессы внутри материального производства, начинается переход от технологий, основанных преимущественно на конвейере, системе машин, использовании механических форм движения материи к технологиям, которые предполагают использование других форм движения материи, переход от поглощения невозполнимых природных ресурсов к созданию технологий, не разрушающих биогеоценозов.

Такие изменения являются важнейшим структурным компонентом генезиса креатосферы, но эти изменения касаются пока прежде всего материального производства. *Наиболее значимыми структурными изменениями, связанным с рождением креатосферы, является собственно прогресс творческой деятельности, сфер, в которых создаются культурные ценности, идет процесс формирования, воспитания, обучения и развития человека как свободной, всесторонне развитой личности, обладаю-*

щей творческим и новаторским потенциалом.

Таковыми сферами становятся собственно образование и воспитание, причем касающееся не только детей, молодежи, но и лиц всех возрастов, - с одной стороны; с другой стороны, все те сферы, где в самой творческой деятельности, в общении, провоцирующем новаторство, развивается человек. В строгом смысле сам творческий труд является той сферой, которая создает свободную, всесторонне развивающуюся личность. Поэтому *первое "подразделение" креатосферы, связанное с формированием творческого человека, должно стать доминантой, главной точкой роста на ближайшую перспективу для общества, которые хотят идти по прямой дороге снятия материального производства и развития креатосферы, а не нагромождения превратных форм этого процесса.*

Собственно творческая деятельность в таких сферах как наука, художественная культура и т.д. становятся как бы вторым "подразделением", которое также должно шаг за шагом вытеснить как собственно материальное производство, так и массовую культуру, духовное производство и другие субституты креатосферы.

Наконец, одной из наиболее интересных сфер, в которой должны произойти структурные изменения, является деятельность человека в системе экономических и, шире, социальных отношений. Не секрет, что для корпоративной рыночной экономики главными формами такой деятельности являются бизнес, предпринимательская деятельность. Последняя имеет двойственную природу. Одна ее сторона – деятельность персонифицированного капитала (или его представителя), в которой собственно творческие функции человека подчинены и обслуживают овещенные, внешние силы капитала, рынка, государства. Вторая сторона (она, как правило, подавлена первой) – собственно социальное новаторство (на ней делает акцент, в частности, Й. Шумпетер).

Первая проявляет себя в разных формах: от инициативы мелкого частного собственника или даже наемного работника (продающего свою рабочую силу и выступающего в качестве клиента корпораций, выбирающего какой товар купить, - но это самые простейшие формы предпринимательства) до гораздо более сложных форм предпринимательства, которыми заняты значительные слои менеджеров и элиты бизнеса.

Ключевой проблемой рождения креатосферы является вытеснение этих форм деятельности, содержащих, естественно, элементы творческого труда, но направленных на решение задач роста могущества корпораций, дополнительного извлечения прибылей или, как минимум, эффективное (с точки зрения критериев рынка) осуществление трансакций, сделок. Эта деятельность подлежит замещению, вытеснению социальным новаторством в собственном смысле этого слова, деятельностью по созданию новых неотчужденных форм общественных отношений во всех сферах:

от экономики до культуры.

Здесь мы подходим вплотную к проблеме вытеснения предпринимательства и развития собственно творчества (не связанного с отчужденными формами) в социальной сфере или социального творчества. Эта интенция позволяет сформулировать гипотезу о превращении *социального творчества в общественную форму развития креатосферы*. Иными словами, социальное творчество должно стать той общественной формой, в которой деятельность и общественные отношения по поводу этой деятельности совпадают.

Социальное новаторство началось задолго до процесса снятия материального производства. Его исходным пунктом были все те формы, когда граждане (как правило, угнетенные слои общества) выступали в качестве инициаторов создания новых общественных отношений, начиная с интенций преодоления рабской или крепостнической зависимости и развития равноправия сословий, создания предпосылок для свободной экономической деятельности (хотя бы негативной свободы, свободы от внеэкономического принуждения), что было характерно для этапа рождения буржуазного общества.

Затем это был целый комплекс действий, которые наемные работники и близкие к ним слои буржуазного общества предпринимали для защиты своих экономических и социальных интересов. Одной из первых форм такой деятельности по созданию новых общественных форм было инициирование профессиональных союзов, затем различных форм объединения жителей и других многообразных общественных организаций: потребительских, экологических, женских, творческих и т.д.

В современном мире некоммерческий и негосударственный (так называемый “третий”) сектор, связанный именно с социальным новаторством, с самостоятельным созданием гражданами новых общественных форм приобретает все большее и большее значение²³.

Наконец, высшей формой социального творчества в мире отчуждения были и остаются социальные революции и подготавливающая их ассоциированная деятельность общественно-политических сил. Последние, конечно же, так же несут на себе печать “царства необходимости” (от внутреннего бюрократизма до сектанства или вырождения в одну из встроенных сил угнете-

²³ Акцент на деятельности некоммерческих и негосударственных общественных объединений (так называемого “третьего сектора”) характерен для работ Э.Фромма и других сторонников “радикального гуманизма”, теоретиков экологизма, феминизма и т.п. Довольно подробно эта проблема освещена в получившей немалый резонанс книге Дж. Рифкина (См.: Rifkin J. The End of Work. N.Y., 1995)

К этому вопросу мы еще вернемся, сейчас же подведу некоторую черту: *структурные изменения, связанные с рождением креатосферы* и постепенным снятием материального производства как доминанты развития в эпоху царства экономической необходимости могут идти по пути, *во-первых*, вытеснения материального производства (в таких его формах как индустриальная и доиндустриальная деятельность), а также потенциально необходимого вытеснения превратных форм творческой деятельности, осуществляемых в “превратном” секторе (транзакционном секторе, военно-промышленном комплексе, бюрократических аппаратах государства, корпораций и других институтов, сфере массовой культуры и т.д.).

Во-вторых, эти структурные сдвиги связаны с развитием таких новых технологий в материальном производстве, которые позволяют преодолеть истощение, некомпенсируемое поглощение невозпроизводимых природных ресурсов и разрушение биогеоценозов, а также уйти от технологий, основанных на механических формах движения материи, связанных с подчинением человека разделению труда и прежде всего системе машин.

В-третьих, это прогресс собственно креатосферы, всех ее сфер, связанных с формированием творческого, обладающего новаторским и культурным потенциалом человека; деятельностью в области науки и искусства, социальным новаторством и т.п.

Выше мы уже несколько раз обращались к тем превратным формам, которые приобретают эти структурные сдвиги в условиях современного корпоративного капитализма. Наиболее типичным для обозначения этих изменений является использование таких понятий, как “общество услуг”, “информационное” (или “постиндустриальное”) общество²⁵.

Во всех случаях использования этих названий фиксируется действительная, реальная, объективная тенденция вытеснения индустриальных технологий и, шире, материального производства. При этом, однако, не критически, позитивистски отражается про-

²⁴ Акцентирование роли “третьего сектора” как сферы развития передовых форм социального творчества нисколько не отрицает значимости революций как высших форм социального творчества; подробнее авторская позиция изложена в статье “К теории социалистической революции XXI века” (Свободная мысль, 1997, № 10).

²⁵ Во введении я кратко охарактеризовал эволюцию взглядов и школ, исследующих данные проблемы. По поводу теорий “общества услуг” подробный комментарий дан в упоминавшихся работах О.Антипиной и В.Иноземцева, анализирующих широкий круг зарубежных работ (См., напр.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976; Naisbitt J. Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984; Sakaiya T. Op.cit.).

цесс создания субститутов, которые как бы “переносят” превратные формы мира экономической необходимости (эти формы были названы выше) в то свободное пространство, которое могло бы быть занято креатосферой.

Пожалуй, наиболее близка по сути к пониманию тенденции вытеснения материального производства гипотеза генезиса *пост-индустриального общества*, в которой фиксируется рождение технологий и сфер материального производства, уходящих от собственно машинного производства, индустриальной технологии.

Что же касается более “продвинутых” вариантов теории постиндустриального общества (последняя становится нынче все менее и менее “модной”), то здесь следует, пожалуй, обратить внимание на многочисленные вариации на темы “информационной революции”, “*информационного общества*”, (“общества знаний” и т.д. - выше я упомянул о наиболее известных западных работах на эту тему).

В данном случае следует обратить внимание на *компьютерную революцию*, поскольку прежде всего с этим феноменом связаны наиболее радикальные современные технологические сдвиги. Суммируя разбросанные выше по тексту замечания о превратных формах, которые приобретает компьютерная революция в современном мире, хотелось бы подчеркнуть, что вследствие фетишизации информации как превратной формы культурных ценностей развивается *фетишизация именно компьютера как главного средства, иногда самоцели и главного орудия тех изменений, которые происходят в современном мире*.

При этом не случайно, что изменения, связанные с развитием компьютерных технологий, происходят, главным образом, в транзакционном секторе, ВПК и других сферах “удвоенных” превратных форм, о которых шла речь выше. Сюда как бы переносятся законы “царства экономической необходимости”, и хотя эти сферы неадекватны для креатосферы, в них развиваются механизмы, лежащие “по ту сторону” материального производства. Теория “компьютерной революции” фиксирует эти процессы, но в весьма специфической форме.

В связи с анализом превратных форм структурных сдвигов, порождаемых генезисом “царства свободы” особо важно прокомментировать уже уже упоминавшуюся теорию “*общества услуг*”.

Здесь как раз фиксируется активное и всё убыстряющееся развитие субститутов креатосферы, характерных для современного общества. Именно в сферу услуг включаются все те отрасли, где не создается материальный продукт, и где сегодня, в основном, осуществляется функционирование многочисленных субститутов креатосферы. Это такая деятельность как обработка информации в процессе и с целью осуществления транзакций; все сферы, связанные с деятельностью государственного аппарата, институтов

охраны прав собственности, парирования так называемого оппортунистического поведения; обслуживание жизнедеятельности человека (сюда входит, с одной стороны, обслуживание искусственно создаваемых утилитарных потребностей, а с другой - часть креатосферы: медицина, образование, наука, рекреация человека и природы, т.е. особая часть сферы услуг, которая выходит за пределы ее превратных форм) и т.д.

Концепция “общества услуг” может быть в целом охарактеризована как отражение процесса замещения своего рода “свободного места” (которое образовалось вследствие резкого сокращения в развитых странах материального производства) транзакционным сектором, обслуживанием престижного потребления и т.п., лишь частично обеспечивая развитие собственно креатосферы, да и то преимущественно в отчужденных формах.

Прокомментирую последний тезис. Развитие *отчужденных форм собственно креатосферы* связано с тем, что и наука, и образование, и искусство, и рекреация человека и природы, равно как и научное управление обществом (а последнее является сегодня компонентом любой экономики, любой социальной системы) - все эти сферы становятся механизмами, обслуживающими процесс функционирования корпоративной рыночной экономики и адекватных для неё политических систем, духовных ценностей, идеологии.

Снятие этих превратных форм предполагает развитие двух глобальных процессов в рамках перехода от эпохи господства материального производства к эпохе господства креатосферы. Первый - уже названный процесс превращения природы в культурную ценность и перехода к ноосферному типу воспроизводства. Второй - прогресс креатосферы, мира, в котором творческая деятельность во всех ее ипостасях становится основной сферой, где сосредоточен основной человеческий потенциал, где формируются важнейшие целевые установки, ценности и мотивы.

Для обоих процессов адекватной формой социальных отношений должны стать отношения совместного сотворения, созидания и использования общественных форм, имеющих неотчужденное содержание и природу.

Этот процесс мы назвали выше *ассоциированным социальным творчеством*, когда люди совместно, сами, не прибегая к внешним механизмам (товарам, вещам, корпоративным структурам и так далее), создают свои общественные отношения (формы общения), творят свою историю совместно при помощи той культуры, которой они обладают (Это в полной мере понимали все творческие марксисты вплоть до В.И.Ленина).

Впрочем, все это скорее абстрактные предположения. Вопрос о том, как осуществляется это опосредование - это вопрос второй части данной работы.

Сейчас мы можем зафиксировать третью гипотезу: пре-

вращение креатосферы в социальную основу прогресса обусловит (1) качественные изменения в самом материальном производстве, сделав его «службой» мира со-творчества; (2) превращение пространства и времени формирования творческого потенциала личности («I» подразделение) и создания культурных ценностей («II подразделение») в основные сферы жизнедеятельности *всех членов общества*; (3) процесс социального творчества как общедоступной (всеобщей) общественной формы развития креатосферы; (4) выдавливание центрального сектора и выход из тупика «общества услуг».

Эти императивы - еще один вызов творцам царства свободы.

В заключение этого раздела подчеркну: *рождение ноосферы и креатосферы*, вытеснение собственно материального производства - *это процессы, которые только начались в современном мире*. Мы отслеживаем лишь первые шаги, которые неизбежно связаны с появлением достаточно уродливых, иногда мутантных форм, и сегодня мы можем лишь с большим трудом продираться через эти довольно уродливые обличия новых феноменов, их превратные формы, пытаюсь вычленив их зародыш, понять их действительное существо.

Более того, рождение ноосферы и креатосферы происходит сейчас *крайне неравномерно*, и мы можем фиксировать в ряде случаев лишь необходимость появления этих сфер, но не их торжество.

Если в развитых индустриальных странах, где уровень производительности труда и в целом развития производительных сил и материального производства уже достаточен для того, чтобы креатосфера и новосфера стали доминирующими, то в развивающихся странах (а в последнее время - и в странах бывшей мировой социалистической системы) уровень развития материальных предпосылок пока достаточен в лучшем случае для зарождения отдельных элементов этих сфер.

Но в любом случае существенно, что сегодня без изменения парадигмы общественного развития и практического акцента на этих качественно новых сферах невозможно решение целого ряда глобальных проблем (в частности, невозможно решение проблем повышения производительности материального производства в странах второго и третьего мира).

Этот тезис требует своего обоснования, и выше оно частично будет дано, а в данном случае я отшлю читателя лишь к уже упоминавшейся аналогии с генезисом индустриального общества (напомню: для того, чтобы решить проблемы стабильного и высокоэффективного аграрного производства мир должен был пойти по пути свёртывания аграрного производства, концентрации наиболее важных ресурсов в индустриальной сфере, переноса туда рабочей силы, развития в наиболее передовых к тому време-

ни буржуазных странах именно этих отраслей).

Безусловно, аналогия – отнюдь не доказательство, но она позволяет предположить возможность обоснования следующего парадокса: *для решения проблем повышения производительности материального производства, удовлетворения утилитарных потребностей, связанных, прежде всего, с материальным производством (во многом имеющем донине индустриальный характер), чтобы решить эти проблемы, необходима концентрация наиболее важных ресурсов, наиболее эффективной рабочей силы, обладающей новаторским потенциалом, в “отраслях” ноосферы и креатосферы.*

Более того, на первом этапе может быть придется идти к этому по пути концентрации усилий человечества и наиболее важных ресурсов креатосферы в “оазисах” *социально-экономического пространства и времени* (идея “оазисного” развития нового общества высказывалась в работах П.Абовина-Егидеса, С.Кургина и др.). Возникновение таких оазисов, возможно, позволит создать возможности для прорыва и общего “вытягивания” человечества на уровень, когда утилитарные потребности будут удовлетворяться на достаточном уровне, а материальное производство качественно повысит свою производительность.

“Переведем” эти совершенно абстрактные, философские размышления на несколько более приземлённый язык: лишь развитие качественно новых, постиндустриальных технологий в материальном производстве, для рождения которых необходимо массовое производство не просто высококвалифицированной, но обладающей высоким новаторским потенциалом творческой рабочей силы, во-первых; развитие таких отраслей, как наука, искусство и образование, обеспечивающих формирование такой рабочей силы и ноу-хау, во-вторых; формирование новых общественных отношений, основанных на социальном новаторстве, и потому позволяющих избежать огромных потерь, связанных с нерациональным использованием имеющихся сегодня материальных ресурсов (милитаризм, транзакционный сектор и так далее), в-третьих, - только эти взаимосвязанные процессы позволят решить нынешние проблемы повышения эффективности индустриального производства, особенно острые для стран второго и третьего мира.

Но это особая материя, к которой мы вернёмся в последней части работы, а сейчас третий эскиз, посвящённый противоречиям социально-экономической формы материального производства, проблеме снятия “царства экономической необходимости” и рождения общественных отношений, лежащих по ту сторону мира отчуждения.

ЭСКИЗ 3.

СНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

3.1. Некоторые предварительные замечания

В данном разделе нам предстоит рассмотреть один из наиболее сложных вопросов: снятие системы производственных, социально-экономических отношений, составляющих базис мира отчуждения, является проблемой, в разрешении которой сталкиваются не только научные подходы, но и определённые идеологические, политические, мировоззренческие позиции. Соответственно, в этом разделе нам придётся не только отталкиваться от некоторых аксиом, характеризующих систему производственных отношений, и смотреть как структура этой системы снимается, преходит в процессе рождения нового мира. Нам придётся обращаться и по крайней мере к двум существенно различающимся подходам: к анализу социально-экономических отношений сегодняшнего мира, представленных (1) неомарксизмом и (2) неоклассическим, точнее неолиберальным направлением, так называемым *main-stream* (на поверхности он представлен аксиомами и теоремами “экономикс”). При этом главным в этом разделе будет марксистский подход, поскольку сам автор принадлежит именно к этой тенденции, да, и работа в целом построена на основе критического, как я надеюсь, творческого развития этой парадигмы.

Итак, если в качестве исходного пункта рассмотреть современную марксистскую концепцию системы производственных отношений, то, по-видимому, предполагается, во-первых, выделение исторически сменяющих друг друга способов производства и характерных для них исторически ограниченных систем производственных отношений¹; во-вторых, понимание того, что всякий спо-

¹ Марксизм подразумевает также выделение ряда более крупных периодов в общественном развитии (предыстория/история; “царство необходимости”/“царство свободы”; периоды господства личной, вещной зависимости и свободной индивидуальности. Кроме того, К.Маркс выделял “экономическую общественную формацию” и т.д. Все эти по-

соб производства, *система производственных отношений* так или иначе включают определённую совокупность элементов, отдельных, определённым образом взаимосвязанных отношений².

К таким отношениям относится прежде всего определённая социально-экономическая форма распределения (аллокации) ресурсов - то отношение, которое соединяет производителя и потребителя, детерминирует способ распределения труда по отраслям, механизм формирования, поддержания пропорций, их нарушения, восстановления и т.п., которое определяет, в конечном итоге, то, как именно будут оцениваться результаты труда, то, в какой форме и как именно будет обеспечиваться обмен деятельностью между разными хозяйственными звеньями.

Сегодня этот круг вопросов как правило трактуется в рамках проблем соотношения рынка и плана, государственного регулирования. Но, на самом деле, здесь имеет место гораздо более сложный и целостный комплекс проблем, которые рождались задолго до рыночных отношений (так, в добуржуазных обществах существовало и натуральное производство; и иерархические механизмы распределения труда, поддержание пропорций, как в азиатских деспотиях, например; и механизмы, связанные с насилием, перераспределением продуктов труда, ресурсов в процессе войн, других форм внеэкономического принуждения). Но мы немного увлеклись. Итак, *первый "пласт"* - это *производственные отношения, которые определяют характер взаимодействий производителя и потребителя (а значит, и поддержание пропорций, распределения труда и ресурсов etc.)*³.

ложения были многократно прокомментированы в сотнях марксистских работ по философии истории (как в СССР, так и за рубежом), политической экономии в широком смысле слова и др. В настоящее время эта проблема вновь поднята В.Иноземцевым, предложившим оригинальную трактовку экономической и постэкономической общественных формаций (См.: Иноземцев В. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996).

² Ниже автор будет пользоваться методологией анализа системы производственных отношений, характерной для так называемой "университетской школы политической экономии" (См., напр., Курс политической экономии, в 2-х томах, М., 1973). Авторы, работавшие в этой парадигме, выделяли так называемые "исходное" и "основное" производственные отношения (форму связи производителей и потребителей и способ соединения производителя со средствами производства, их присвоения/отчуждения), отношения воспроизводства, механизм хозяйствования и т.д. Авторская позиция по этому вопросу отражена в работе: Бузгалин А., Колганов А. Введение в компаративистику. М., 1997.

³ Одна из наиболее значимых работ по проблеме так называемого "исходного производственного отношения" или иначе "экономической

Второй “пласт” производственных отношений характеризуется соединением производителя со средствами производства. Это отношения присвоения и/или отчуждения средств производства, присвоения и/или отчуждения труда. В марксистской традиции это отношение оказывается основанием важнейшей составляющей экономического содержания *отношений собственности*, и оно определяет то, как именно строятся *отношения эксплуатации* (если они вообще существуют). Соответственно, это отношение, ключевое отношение экономической системы, определяет характер *распределения дохода*, отношения между различными социальными слоями.

Третий “пласт” производственных отношений - *отношения воспроизводства*, которые позволяют рассмотреть процесс производства в широком смысле слова (в единстве производства, распределения, обмена и потребления) и, соответственно, отношения по его поводу как единый и непрерывный, выводя отсюда целый ряд очень важных закономерностей, среди которых закономерности *накопления*, экономические основы отношений *народонаселения*, соотношение между различными сферами общественного воспроизводственного процесса и так далее.

Наконец, на уровне непосредственных *хозяйственных форм*, на уровне функционирования экономической системы складывается сложная совокупность так называемых *“вторичных”* или *“третичных” производственных отношений*, где уже сам механизм хозяйствования требует опосредования определённой деятельностью, где люди начинают выступать как агенты активного воздействия на эти формы (например, в буржуазном обществе, в качестве предпринимателей). На этом уровне складываются определённые функциональные формы, которые “надевают” на себя первичные, коренные производственные отношения (для “классического” капитализма - это формы торгового, ссудного, фиктивного и т.п. капитала).

Таковы важнейшие “пласты”, блоки системы социально-экономических отношений, которые можно достаточно легко зафиксировать, исходя из марксистской экономической теории.

Что же касается подхода к *структурированию системы экономических отношений в рамках современного экономикса*, то здесь фактически эта проблема как таковая не ставится. С некоторой “натяжкой” можно предложить следующую структуру: микроэкономика (этот раздел рассматривает, главным образом, отношения функционирования рынка, где присутствует потребитель, фирмы и определённые взаимодействия между ними в процессе обмена благами); макроэкономика (она предполагает рассмотрение все того же функционирования рынка, но на более высоком

клеточки” была опубликована Н.В.Хессиним в журнале “Вопросы экономики” в 1964 году.

уровне, с включением государства, анализом его регулирующей роли и целого ряда других процессов, протекающих на общенациональном и международном уровнях). Но и в том, и другом случае описывается лишь механизм функционирования экономики, то, что в марксизме принято называть “вторичными” или “третичными” производственными отношениями, т.е. отношениями как бы надстраивающимися над основой (и ее камуфлирующими), описывающими явление, а не сущностный процесс.

В то же время для теорий, лежащих в основе экономикса, характерно определённое внимание и к содержательным основам экономической жизни. При этом, правда, экономика сводится исключительно к рыночной системе. Более того, поскольку эти школы исходят из некритического описания превратных форм, они и содержание, скрытое за этими формами, конструируют соответствующим образом, а именно так, как это видится в “кривом зеркале” превратности. Соответственно, в основу трактовки буржуазной экономики кладутся теории предельной полезности, трех факторов производства и т.п.

Во второй половине XX века важным дополнением *main stream* стала *экономическая теория прав собственности*⁴.

Де факто она рассматривает не только экономико-правовые формы хозяйственной жизни, но и более глубинные процессы - обособление и некоторые закономерности функционирования транзакционного сектора, отношения соединения работника со средствами производства, взаимодействие собственника и управляющего и др. Однако всякий раз это делается под весьма специфическим углом зрения, акцентируя, например, проблему спецификации прав собственности, сложную систему “пучков” прав собственности, включающих не только владение акциями, но и многие другие права, превращающие собственника в реального хозяина, а собственность - в отношения экономической власти, власти в хозяйстве. Эта теория также может быть использована и будет использована нами для анализа снятия системы социально-экономических отношений. И всё же, повторим ещё раз, в основу будет положена марксистская структуризация системы производственных отношений.

⁴ См.: Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1996; Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS, 1993, вып. 3, и др. Обзор основных идей этого направления дан в работах Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990; Введение в институциональный анализ. М., 1996.

3.2. Пострыночное общество: на пути к сознательному регулированию распределе- ния ресурсов и пропорций

Заголовок этого подраздела⁵ отражает лишь финальную стадию эволюции социально-экономических форм распределения ресурсов. Она достигается лишь в той мере, в какой будут сняты отношения отчуждения. Исходным пунктом генезиса отношений аллокации ресурсов (как уже было отмечено во введении к этой части), были дорыночные отношения, основанные на натуральном хозяйстве, при наличии механизмов волевого “внеэкономического” распределения ресурсов (такие как война, насилие, иерархическое принуждение и многое другое). Более того, натуральное хозяйство также предполагает специфический обмен деятельностью и соединение производителя с потребителем, причём механизм этого взаимодействия как правило регулируется традицией, то есть во многом доэкономическими отношениями.

Мы упоминаем эти механизмы аллокации ресурсов потому, что царство свободы лежит “по ту сторону” не только рынка, но и всех форм отчужденных отношений, которые регулируют распределение ресурсов и взаимодействие производителя с потребителем. Более того, в процессе снятия рыночных отношений возможно вторичное, точнее повторное рождение добуржуазных форм распределения (аллокации) ресурсов. Снятие же тех и других механизмов (как дорыночных, так и рыночных) представляет собой

⁵ Проблема будущего общества (социализма) как не-рыночной социально-экономической системы имеет очень давнюю историю. Что касается западных марксистов, то ее обзор можно найти в книге одного из наиболее сильных теоретиков этого направления - Э.Мандела “Власть и деньги” (М., 1992). Что касается ученых СССР, то здесь спор “рыночников” и “антирыночников” имеет очень долгую историю. Автор вырос в рамках последнего направления, одним из выдающихся представителей которого был Н.В.Хессин (См.: Хессин Н. В.И.Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968). В большинстве случаев снятие рынка рассматривалось как процесс, обусловленный прежде всего обобществлением производства. Идея не-рыночного характера будущего коммунистического труда (всеобщего и автоматизированного, преодолевающего разделение труда) казалась очевидной.

Автор тоже отдал дань этой традиции написав объемистую рукопись “После рынка” (она была подготовлена к печати в издательстве “Экономика” в 1990 году, но после путча 1991 года не смогла увидеть свет), в которой постарался показать как формальное и реальное обобществление, а затем формальное и реальное (базирующееся на господстве творческой деятельности) освобождение труда позволяют снять товарные отношения.

немалую теоретическую и практическую проблему⁶.

Кроме того, механизм снятия рынка может порождать мутантные, превратные формы возникающих новых пострыночных отношений (именно такими, на мой взгляд, были отношения так называемого бюрократического планирования и регулирования в “командной” экономике). Данная работа - не место для их анализа, автор посвятил этому немало специальных работ, в том числе небольшую брошюру “Анатомия бюрократизма” (М., 1988), написанную совместно с Андреем Колгановым, где достаточно подробно рассмотрены эти феномены. Наша же задача сейчас - посмотреть, что именно и как снимается и что именно приходит на смену экономическим отношениям, определяющим способ связи производителей и потребителей, распределение ресурсов, пропорции и т.п.

Ключом к решению этих проблем послужит следующий тезис: *независимые от человека, неподвластные ассоциированным, объединённым людям распределение ресурсов, поддержание пропорций, определение затрат труда* и так далее должны уступить и уступают место сознательному регулированию этих процессов.

Данная точка зрения является более чем спорной, но она имеет определённые основания.

Среди них - наличие на протяжении всего двадцатого века *нелинейной тенденции к возрастанию роли сознательного регулирования экономической жизни*. Я хочу подчеркнуть, что эта тенденция, безусловно, является нелинейной, и в последние десятилетия двадцатого века наблюдается скорее отступление от предшествующей линии возрастания сознательного регулирования. Но это отступление далеко не абсолютно. Имеющий сегодня место своеобразный “ренессанс” рынка (он связан с определёнными причинами, о которых мы ещё будем размышлять ниже) отнюдь не перечеркивает то, что в экономике практически всех стран, а особенно развитых индустриальных стран, существует *система разнообразных механизмов, обеспечивающих сознательное воздействие на экономику*. Рассмотрим их чуть подробнее.

Во-первых, сформирован блок достаточно жёстких социальных, экологических и гуманитарных нормативов, которые ограничивают рыночные отношения и касаются качества продукции, параметров деятельности и условий использования рабочей силы, природной Среды и т.п.

Во-вторых, существует система сознательного регулирования экономики со стороны государств и наднациональных институтов, а также муниципальных органов, которые формируют программы, планы, другие механизмы сознательного воздействия

⁶ Я постарался дать ее краткую интерпретацию в работе “Переходная экономика” (М., 1994, разд 2).

на экономическую жизнь. Это воздействие носит косвенный характер, но по ряду параметров оно оказывает влияние на экономику отнюдь не меньшее, чем рыночная конкуренция.

В-третьих, крупнейшие корпорации на протяжении последнего столетия доказали свою способность косвенно, частично, локально, но мощно регулировать и контролировать определенные сегменты рынка (последнее особенно характерно для деятельности ТНК в ряде развивающихся стран). Антимонопольное же регулирование (а) само является сознательным воздействием на рынок и (б) лишь ограничивает (но не устраняет полностью) влияние ТНК.

Наконец, весьма значительный объем экономических ресурсов, значительная часть пропорций на так называемом микроуровне сегодня также являются объектом сознательного регулирования. При этом понятие “микроуровень” в ряде случаев достаточно условно, ибо это – подчас уровень внутренних экономических отношений крупнейших транснациональных корпораций, где объем производственной деятельности и, соответственно, обмен этой деятельностью, распределение ресурсов, пропорций и так далее исчисляются десятками миллиардов долларов и сопоставимы с масштабами небольших государств. В рамках этих корпораций существует достаточно четкое стратегическое планирование, которое предполагает наличие внутренних нормативов, трансфертных цен, четкого распределения ресурсов, единой системы управления (степень ее централизации - второй вопрос; тезис о самостоятельности звеньев как атрибуте сознательного регулирования был давно обоснован⁷), формирования контингента менеджеров вплоть до целостной стратегии, идеологии, культуры и традиций фирмы.

Но мы не будем увлекаться: в данном случае задачей было лишь упоминание о том, что сознательное регулирование является одной из тенденций, которые характерны для сегодняшнего мира, где конкуренция во многом ограничена.

В то же время главные проблемы в исследовании процессов снятия рыночных отношений в результате развития креатосферы лежат “по ту сторону” традиционных экономических вопросов соотношения плана и рынка⁸. Речь пойдёт о более глубоких закономерностях. Начнём ***рассмотрение проблем снятия рынка, взяв за основу аксиоматику main stream, представленную в курсах Экономикс.***

Экономикс уже давно сталкивается с тем, что снятие мате-

⁷ См. названные работы Н.В.Хессина и нашу работу с А.Колгановым “Реализация общенародных интересов” (М., 1985).

⁸ Обращу внимание, что развернутое обоснование такого подхода дано в работах В.Иноземцева. При этом, на мой взгляд, автор совершенно неправомерно и без всякого анализа игнорирует проблему снятия рыночных отношений по мере роста обобществления.

риального производства (даже в таких превратных формах, как развитие информационного общества, общества знаний и так далее) “бросает вызов” многим аксиомам, на которых построена эта теория. В то же время для экономикса характерно игнорирование этого вызова: все новые феномены трактуются как правило лишь как экстерналии, внешние факторы, которые не характерны для собственно экономической материи, для рыночных отношений. В ряде случаев феномены, связанные с рождением постиндустриального, информационного общества могут рассматриваться как аналогичные другим общественным благам. Все это по мнению ученых, принадлежащих к данному направлению, лишь несколько “осложняет”, но не отрицает фундаментальных закономерностей рыночной системы.

Однако, на мой взгляд, этот “вызов” существенен.

Попробуем показать, что *генезис креатосферы действительно подрывает ключевые аксиомы экономикса*, а затем посмотрим, почему именно экономическая теория, принадлежащая к main-stream, этот вызов не принимает⁹.

Первый блок проблем, связанных с этим “вызовом”. Общеизвестно, что в основе теории микроэкономики лежит понимание ресурсов как ограниченных, массовидных, а потребностей как безграничных. Между тем, именно здесь, как было показано в первой части нашей работы, происходят существенные изменения. В самом деле, каким образом может строиться взаимодействие экономических агентов, какой вид приобретут параметры спроса и предложения, если ресурсы окажутся непотребляемыми, неуничтожимыми; если они будут носить всеобщий характер; если при этом целый ряд ресурсов (а именно ключевые человеческие и природные ресурсы) окажутся абсолютно ограниченными и требующими отношения к ним как к культурным ценностям? Повидимому, само рождение мира культуры (даже если мы рассматриваем его гораздо уже и в превратной форме, как мир информации) делает малопродуктивным рассмотрение материальных благ как ограниченных, а потребностей как безграничных.

Второй блок. Распространение уникальных ресурсов (в частности, превращение биогеоценозов в уникальные ценности) не позволяет строить отношения конкуренции на основе простого соотношения спроса и предложения. Скорее для всякого уникального ресурса будет характерен механизм, напоминающий естественную монополию, где существуют абсолютные ограничения, и неповторимость ресурса накладывает определённый отпечаток на конкуренцию.

Невозможность воспроизводства данного предмета, не-

⁹ В сборнике “Социум XXI века” имеется материал О.Антипиной, в котором содержится немало отсылок к западным работам, подтверждающим приводимые тезисы.

возможность свободного вхождения в эту сферу других агентов - все это создаёт определённые проблемы для стандартного описания спроса и предложения на данный продукт. По всем этим параметрам экономическая теория, лежащая в рамках main-stream, по-видимому, должна либо переосмыслить свою аксиоматику, либо найти возможность решения проблем развития рынка, соблюдая старые аксиомы, но при этом принимая во внимание новое качество ресурсов и потребностей.

Третий блок проблем.. Важный “вызов” экономиксу связан с изменением параметров поведения человека, его ценностей, мотивации. Неоклассическая экономическая теория в основе своей исходит из понимания человека как homo economicus, а рациональность его поведения (после некоторого рода манипуляций с идеей максимизации полезного эффекта) сводится к максимизации стоимостного, денежного дохода. При этом подразумевается, что мотивация может быть шире, что человек может преследовать, ориентироваться не только на стоимостные ценности, но в практическом приложении, при анализе рыночных процессов основные ценности и мотивы так или иначе сводятся к узкоэкономическим, к измеряемым деньгами.

Между тем рождение мира культуры, лежащего по ту сторону материального производства, и превращение репродуктивного труда в творческую деятельность, с одной стороны, качественным образом изменяют параметры мотивации, превращая саму деятельность как таковую, сам процесс созидания культурных ценностей в стимул, мотив и результат труда. С другой стороны, как уже было отмечено, потребности оказываются ограниченны необходимостью затраты времени, труда, энергии на сам процесс “потребления”, который в данном случае выступает как распределение.

Четвертый блок проблем. Ключевым “вызовом” аксиомам экономикса становится вопрос о собственном содержании благ, создаваемых в процессе творческой деятельности. Если мы их рассматриваем как культурную ценность (а вещь, в которой воплощена эта культурная ценность, как всего лишь тиражируемый материальный носитель, но не как главный результат труда), то в этом случае стоимостная оценка (механизмы рыночного формирования которой, собственно, и описывает экономикс) оказывается применимой лишь к материальному носителю собственно культурной ценности.

(В скобках замечу: кажущееся естественным “простое” применение критериев соотношения спроса и предложения к оценке культурных ценностей представляет собой не более чем превратную, перенесенную форму, неадекватную собственному содержанию последних; здесь “работают” те же механизмы, что и при “продаже” чести, совести, любви и т.п.)

Существенно, что последний блок проблем фактически не

воспринимается экономиксом (за исключением, да и то отчасти, экономики информации, образования и культуры, где всякий раз культурные ценности сводятся к статусу общественного блага или “обычного” товара, который может быть оценен на основе соотношения спроса и предложения).

Продолжая анализ в рамках теорий, принадлежащих к *main stream*, подчеркнём, что их соединение с *экономической теорией прав собственности* позволяет поставить ещё одну проблему, с которой сталкивается (или, по крайней мере, может столкнуться) экономическая теория при переходе к исследованию объектов, лежащих “по ту сторону” собственно материального производства. Это проблема возрастания транзакционных издержек в результате сокращения собственно материального производства и замещения “свободного пространства”, не собственно культурной деятельностью, а транзакционным сектором.

Уже сегодня транзакционные издержки, как отмечают западные исследователи (и как мы отмечали в первой части нашей работы), примерно равны издержкам производства. Это рождает новый блок проблем: экономическая теория, теория рынка все более описывает не собственно материальное производство продуктов и услуг, а механизмы обмена, взаимодействия овещённых социальных форм и институтов с самими собой. В самом деле, что из себя представляют различные формы фиктивного капитала (выражаясь марксистским языком) или ценных бумаг (говоря на более привычном экономическом языке)? Что такое рынок финансов, рынок услуг в сфере менеджмента? Что такое маркетинг, услуги, предоставляемые маркетинговыми компаниями, и рынок этих услуг? Что такое услуги, связанные с деятельностью венчурных корпораций, холдингов? Что такое рынок валют (если мы выходим на международный уровень) и так далее?

Во всех этих случаях мы имеем дело не с товарами как продуктами материального производства, а со “вторичными” и “третичными” феноменами, где социальные формы товаров - такие, как деньги и более сложные производные феномены, порожденные функционированием фиктивного капитала, становятся объектом купли и продажи. Здесь “работают” многократно трансформированные фундаментальные закономерности рынка (в том числе и описываемые в экономикс).

Именно здесь все более складываются основные рыночные отношения современного мира, и они подчиняются уже другим закономерностям - не материального производства, а транзакционного сектора и других сфер, являющихся субститутами того мира культуры, который мог бы развиваться на этом месте.

Не менее существенно и то, что развитие современного рынка, связанного преимущественно с транзакционным сектором, порождает огромные издержки, связанные оппортунистическим поведением, получением и использованием информации, специ-

фикацией прав собственности. Все эти издержки возрастают в той степени, в какой (1) прогрессирует в силу названных выше причин транзакционный сектор и, в частности, (2) деятельность начинает носить творческий и в этом смысле непредсказуемый и нерегулируемый характер; в какой (3) обостряются проблемы использования всеобщих, абсолютно ограниченных ресурсов (например, углубляются экологические проблемы, проблемы обеспечения социальной защиты и так далее).

Во всех этих случаях рынок начинает “работать” не столько на связь производителя и потребителя материальных благ и услуг, связанных с утилитарными потребностями, сколько на самовоспроизводство, на “производство”, “потребление” и обслуживание собственно превратных форм и институтов. Это “механизмы по обслуживанию механизмов”, лежащих в сфере отношений, опосредующих связь производителя и потребителя. *И чем в большей степени прогрессирует творческое содержание деятельности и развивается креатосфера (или хотя бы ее превратные формы), тем в большей степени должны возрасти, исходя из стандартной экономической теории, и возрастают на самом деле транзакционные издержки* и весь сектор, опосредующий самопроизводство и самовоспроизводство транзакций.

Так начинает разворачиваться дурная бесконечность экстенсивной экономики: транзакции по поводу транзакций по поводу... и т.д. (В чем-то это механизм, подобный экстенсивной экономике бюрократического мира).

Отсюда ещё один “вызов” неоклассической экономической теории: в какой мере можно считать рациональной и эффективной экономическую систему, которая уходит от производства и потребления и замыкается на самовоспроизводстве форм, обслуживающих механизмы, институты, превратные формы рыночного взаимодействия и связанные с этим издержки?

Пожалуй, самое время отметить, что существует большое количество разделов современной экономической науки, вырастающих из экономикса, но таких, где непосредственно не “работают” микро- и макроэкономика, характеризующие механизмы рынка. Эти разделы также связаны с функционированием транзакционного сектора - это вся совокупность дисциплин, связанных с менеджментом, глобальными проблемами и даже финансами.

Сегодня (и это неслучайно) подавляющее большинство экономистов и, соответственно, теоретиков специализируются в этих сферах. Но если мы внимательно посмотрим на менеджмент или на управление финансами, учебники или теоретические работы, которые описывают эти процессы, то во всех этих случаях окажется, что здесь используется не столько классическая система, построенная на анализе взаимодействии спроса и предложения, сколько совершенно другой набор инструментов, лежащих на стыке различных экономических наук с науками социальными,

с психологией и так далее.

В работах по менеджменту это будет видно в наибольшей степени, но даже в работах по маркетингу (в науке, где рынок присутствует даже в ее названии) будут доминировать проблемы прогнозирования, оценки, социологических исследований, планирования и многие другие, описываемые механизмами, весьма далёкими от предлагаемых стандартным учебником economics. То же самое касается современного управления финансами и т.п. Во всех этих случаях фактически признаётся, что экономическая теория ушла от “классических” рыночных закономерностей.

В то же время отнюдь не следует считать, что здесь рождается некоторое новое качество, лежащее по ту сторону рыночных отношений - всё это не более чем “вторичные” или “третичные” формы современного корпоративного рынка, и если мы их рассматриваем столь подробно, то только для того, чтобы подчеркнуть: *собственно рыночные отношения материального производства сейчас играют относительно незначительную роль*. Это признано в косвенной форме - в форме акцента и практики, и теории на феноменах, которые характеризуют трансакции, мир, лежащий между производством и потреблением.

В заключение вновь поставим вопрос, который прозвучал в начале этого раздела: почему “вызов”, который, казалось бы, столь очевидно “бросается” генезисом общественной деятельности, лежащей “по ту сторону” материального производства, не принимается экономической теорией, принадлежащей к main-stream?

Для этого есть целый ряд оснований, часть из которых уже была названа. Добавлю лишь, что данные процессы являются как бы “потусторонними”, как бы “невидимыми” для классического экономикса. Экономикс может ответить на этот вызов предельно просто: созидание культурных ценностей, диалог по поводу их созидания, сотворчество, опредмечивание и распределмечивание – все это не та материя, которая изучается и описывается экономиксом. И этот ответ будет совершенно справедливым.

Однако этот ответ позволяет сделать два вывода.

Первый: материя, которая лежит по ту сторону предмета экономикса, малоинтересна и маловажна для исследователей общественной жизни, принадлежащих к данному направлению, ибо эта общественная жизнь до настоящего времени подчинена законам рынка, которые, в свою очередь, описываются экономиксом.

Второй вывод, который может быть сделан: будущее принадлежит именно той сфере, которая лежит по ту сторону материального производства, по ту сторону рынка, и поэтому экономикс как наука, описывающая существенные закономерности рыночной экономической общественной жизни, уходит в прошлое.

Естественно, что автору больше по душе второй вывод,

поэтому я его прокомментирую. Экономикс скоро уйдет на второй план общественных наук, подобно тому, как сто-двести лет назад в прошлое ушли описания правил жизни и поведения в феодальном обществе. Именно эти проблемы - проблемы отношений между третьим сословием и аристократией, духом востом, проблемы отношений внутри аристократического сословия, (гинеалогии, иерархии титулов, правил наследования) - всё это, описанное в рыцарских романах или книгах А. Дюма, да еще в позабытых ныне трактатах по теологии, было, видимо, главным предметом социального познания вплоть до восемнадцатого-девятнадцатого веков, а отнюдь не законы спроса и предложения. И точно так же, как сейчас мы имеем дело лишь с отголосками этих представлений в исторических романах, точно так же, по-видимому, в новой эпохе мы будем иметь дело лишь с отголосками проблем экономикса в исторических работах, которые будут посвящены описанию обществ XX века, где господствовали рыночные отношения.

Впрочем, здесь есть достаточно существенная проблема: в какой мере взгляд на рынок как отмирающий феномен и экономикс как отмирающую науку актуален для конца XX века? Это общая проблема актуальности всей данной работы, и, пожалуй, я её лишь поставлю, но не буду спешить давать ответ на этот вопрос, отнеся его к концу нашей книги.

Сейчас же посмотрим на **проблему снятия рынка, исходя из марксистской парадигмы**, из марксистского объяснения товарных отношений и природы стоимости.

Строго говоря, в современном марксизме никакой концепции снятия рынка в будущем обществе не существует. Есть ряд тезисов, характерных для различных школ неомарксизма, не принадлежащих к сторонникам рыночного социализма. Попытка синтеза этих тезисов и будет приведена ниже. В основе этого лежит понимание рынка как проявления исторически определенной системы производственных отношений, определяющей способ распределения ресурсов и поддержание пропорций¹⁰.

При таком подходе проблема снятия рынка становится одновременно проблемой преодоления всех предшествующих форм, определявших способ распределения ресурсов и поддержания пропорций. Во всяком случае, нам будет важно показать, как каждый из шагов такого снятия рынка и генезиса пострыночной системы привязан к конкретным чертам системы товарных производственных отношений. Исходя из логики последней системы мы постараемся показать и совокупность тенденций, которые позволяют отрицать и в то же время развивать товарное производство и обмен, создавая пострыночные, а не антирыночные отношения и

¹⁰ Авторская характеристика этих черт рынка дана в упомянутой работе "Переходная экономика" и очерке "Мифы рынка" (в кн.: На пути к экономической демократии. М., 1993).

механизмы распределения ресурсов и поддержания пропорций для нового мира - мира, лежащего "по ту сторону" собственно материального производства.

Традиционный марксистский подход к снятию рынка был связан с прогрессом процесса обобществления труда и производства. При этом последнее трактовалось как развитие концентрации и специализации, углубление общественного разделения труда и интеграции общественных звеньев.

Часть из этих процессов (в частности, это касалось процессов концентрации и специализации) оказалась характерна исключительно для индустриального типа производства. Переход к постиндустриальным, в том числе информационным технологиям породил новые процессы, когда на смену укрупнению хозяйственных звеньев и развитию их специализации при производстве конкретных видов продукции пришли гибкие миниатюрные производственные системы; в ряде случаев произошла индивидуализация технологий и привязка производства к деятельности отдельного человека или небольшой по масштабу кооперации индивидов.

Эти тенденции позволили ряду исследователей сделать вывод о том, что марксистский прогноз роста обобществления производства оказался несправедлив. Но здесь возможны два контраргумента.

Первый. Марксизм описывал рост *обобществления* как тенденцию индустриальной экономики. В этих рамках достаточно обосновано было показано, что для индустриального типа производства прогресс последнего связан не только с ростом концентрации и специализации, но и с ростом взаимной зависимости отдельных хозяйственных единиц, их интеграции, созданием единых сложных целостных макроэкономических систем, которые охватывают огромные масштабы производственной деятельности, распределения ресурсов, обмена трудом, его продуктами и т.д.¹¹. Этот тезис до сих пор остается верным, т.к. прогресс миниатюризации, развитие гибких, подвижных технологий не отрицают, но, напротив, усиливают взаимозависимость хозяйственных звеньев, хотя и позволяют последним более гибко и быстро адаптироваться к изменяющимся потребностям.

Второй. Во многом сходные с обобществлением (рост интеграции, взаимозависимости и т.п.) процессы развертываются и под влиянием развития информационных технологий. Индивидуа-

¹¹ Автор базируется на трактовке обобществления, содержащейся в работах В.Грималюка, Э.Дунаева, Р.Косолапова, В.Куликова, В.Черковца и других советских ученых, основывавшихся на работах К.Маркса и В.И.Ленина, а так же анализе изрядного (и не только отечественного) статистического материала. Авторская работа представлена в названной выше работе "Реализация общенародных интересов".

лизация и возможность деятельности отдельного работника (в рамках так называемого “электронного коттеджа”), который соединен лишь со своим персональным компьютером - эти процессы лишь по видимости являются отрицанием прогресса обобществления труда. На самом деле, такой компьютер оказывается ключом к не просто обобществленному, но *всеобщему труду* – ключом к информационным сетям, которые позволяют работнику передавать информацию для практически неограниченного числа пользователей, получая необходимые “ресурсы” (информационные продукты) так же от практически неограниченного количества “поставщиков”. Тем самым на место обобществленного труда по мере развития постиндустриальных тенденций приходит труд всеобщий. А это – труд, характеризующийся еще большей взаимозависимостью и не просто взаимозависимостью, но и непосредственным выходом каждого из производителей в мировую систему интеграции труда. Такой системой, например, может служить информационная сеть или подобный ей технологический феномен.

Если же вернуться к материальному производству, то можно зафиксировать, что процесс обобществления труда и производства, как закономерность развития индустриального общества, равно как и генезис креатосферы создают предпосылки для *снятия содержания и формы товарных отношений*.

Начнем с первого и напомним: *противоречие обособленности производителей и их общественной взаимозависимости* (независимость, частный труд обособленных лиц - с одной стороны; их всеобщая зависимость, диктуемая разделением труда, общественным характером труда – с другой) *является сущностным и лежит в основе товарного отношения*¹².

Прогресс обобществления и связанный с ним “подрыв” этой связи (во всяком случае, одной из ее сторон – обособленности производителей) позволил ученым марксистской ориентации сделать вывод о том, что на смену рыночной обособленности производителей приходит их взаимозависимость (этот вывод мы уже сформулировали выше), а эта взаимная зависимость хозяйственных звеньев требует сознательного регулирования процессов поддержания пропорций, обмена ресурсами, деятельностью, продуктами.

При этом следует заметить, что сознательное поддержание пропорций лишь в условиях бюрократического планирования приводило к “экономике дефицита” и их консервации или волюнтаристическому изменению. В принципе требованием обобществленного производства является не консервация определенных пропор-

¹² Любопытно: западные исследователи-марксисты фактически игнорируют это противоречие, хотя оно было очевидно подчеркнуто в работах Маркса и Ленина; этот аспект был подробно раскрыт в названной выше работе Н.Хессина.

ций (или в ряде случаев диспропорций) и образование “экономики дефицита”, но развитие противоположного процесса – процесса гибкого изменения пропорций в соответствии с изменяющимися общественными потребностями при помощи механизмов сознательного регулирования.

В свою очередь, механизмы сознательного регулирования предполагались как сложная система методов воздействия на экономику развивающихся, начиная с простейших форм массового учета и контроля через косвенное и прямое регулирование экономики в краткосрочном периоде до планирования, которое соединяет в себе как прогноз и индикативные регуляторы долгосрочного характера, так и собственно директивы, принимающие форму государственного заказа (последний, кстати, существует практически во всех странах). Если этот государственный заказ принят производителем, то он становится обязательным для выполнения и определяет программу деятельности сложного производственного комплекса на определенный (среднесрочный или долгосрочный) период.

Данная система методов сознательного регулирования – не утопия. Ее элементы существовали и существуют в современном мире. Примерами таких элементов, ростков могут служить организация производства и поддержания пропорций в рамках оборонного комплекса практически во всех развитых странах, реализация долгосрочных программ в Южной Корее и Японии. Более того, ныне, после глобального кризиса бюрократической системы планирования, наиболее динамично развивающейся является экономика Китая, где не только в ранее индустриальном секторе, но и в таких сферах, как производство ядерного оборудования и электроники широко используются не только рыночные механизмы, но и прямое сознательное регулирование и долгосрочное планирование¹³.

“Торжество” рынка, связанное с ренессансом неолиберализма в конце XX века, во многом подрывает эту тенденцию (имеется в виду тенденция развития сознательного регулирования экономики), во всяком случае, проблемизирует ее, но не отрицает вовсе.

Подведем промежуточный итог: для развитого индустриального производства можно считать хотя бы отчасти обоснованным вывод, что процесс обобществления предполагает снятие апостериорного саморегулирования, основанного на конкуренции,

¹³ Идея демократической (а не бюрократической, как это было преимущественно в СССР) модели сознательного планового регулирования экономики (“планомерности”) была развита в сотнях интереснейших работ в нашей стране и за рубежом. (Наличие вынужденного “эзопового языка” в работах отечественных авторов вполне объяснимо наличием цензуры и “самоцензуры”).

стихийном столкновении и соединении в процессе обмена продуктов труда обособленных производителей.

При этом надо отметить, что процесс обобществления трактовался в марксистской литературе двояко: как процесс реального и формального обобществления (я выше указал на основные работы по данной проблеме). Под последним понималось создание общественной формы, которая обеспечивала бы социально-экономическую (на практике, в СССР, в ряде случаев – лишь административно-бюрократическую) взаимосвязь между отдельными хозяйственными звеньями. Формальное обобществление само по себе, без развития достаточной базы для этого процесса противоречиво и подчас отрицательно влияет на процесс интеграции производства, хотя и позволяет решать ограниченный круг задач, например, ускоренного развития оборонного комплекса, как это было в СССР, начиная с 30-х гг.

Реальное же обобществление (процессы соединения в единую взаимосвязанную и гибкую макроэкономическую систему конкретных видов труда, технико-производственная интеграция хозяйственных звеньев, формирование материально-технических основ единой макроэкономической системы) характерно не только для развитого индустриального производства, но в еще большей степени – для производственных процессов, лежащих в основе “царства свободы”, использующих постмеханические формы движения материи. Типичный пример – единые энергетические системы, существующие в ряде стран на макроуровне.

И последняя важная ремарка: марксистская парадигма предполагает, что для развитого материального производства, где происходит переход от индустриального типа деятельности к деятельности, основанной на использовании постмеханических форм движения материи, развитие процессов обобществления может и должно протекать при *подвижности, гибкости, но растущей взаимозависимости производственных систем*.

Однако процесс снятия товарных отношений, с точки зрения марксистской теории, связан не только с процессом обобществления, но и с гораздо более масштабными, глубокими процессами генезиса “царства свободы”. Характерный для рынка труд обособленных, независимых от других производителей; труд, создающий материальные продукты, вещи, оказывается неадекватен развертывающимся в массовых масштабах с конца XX века тенденциям развития творческого содержания труда, генезиса креатосферы.

Дело в том, что, как уже было отмечено, с точки зрения марксистской парадигмы, товарное производство подразумевает отчуждение продуктов (результатов) и мотива деятельности от непосредственного производителя, в то время как творческий труд по своему содержанию предполагает, что мотив деятельности и ее цель состоят в развитии человека в процессе труда, в процессе

сотворчества, опредмечивания и распредмечивания культурных ценностей, и этот результат не отчуждаем¹⁴.

Сказанное позволяет сделать промежуточный вывод: в процессе генезиса “царства свободы” *отрицание сущностных сторон товарного производства идет по двум руслам.*

Первый процесс происходит в рамках собственно материального производства, по мере приближения его к постиндустриальной стадии, по мере прогресса его обобществления.

Второй - связан с развитием творческого содержания труда, с генезисом деятельности и отношений, лежащих собственно “по ту сторону” материального производства, переходом к доминированию креатосферы, мира культурных ценностей.

Продолжим наши размышления. Если творческий труд не требует признания своей общественной значимости через отчуждение результата труда, вещи, ее обмена на другую вещь, то здесь налицо *снятие формы стоимости.*

Существенно, что в рамках первого процесса снятия рынка, связанного с обобществлением труда и производства, на смену выражению общественной необходимости труда в вещи, потребительной стоимости другого товара через обмен, колебание спроса и предложения и т.д. должно прийти нормирование труда¹⁵.

В рамках второго процесса снятия товарных отношений, в частности, формы стоимости, прогресс творческого содержания труда приводит к тому, что общественная необходимость такого труда и его результат не требуют особого выражения ни в деньгах, ни в нормах. Результатом творческой деятельности является, как уже многократно подчеркивалось, не только новая культурная ценность (программа, книга и т.д.), но и развитие самого автора, творца. Такая деятельность получает признание своей ценности как на индивидуальном уровне (через саморазвитие автора), так и в общественном масштабе (через распредмечивание созданных данным творцом культурных ценностей) непосредственно¹⁶.

¹⁴ Данный тезис достаточно подробно рассмотрен в упомянутой выше в книге В.Иноземцева “К теории постэкономической формации”, где автор привел традиционные и оригинальные аргументы в пользу снятия товарного производства по мере развития постэкономической реальности.

¹⁵ Развитие нормативного регулирования в народнохозяйственном масштабе стало реальностью, хотя и имело превратные формы бюрократического формального регулирования в бывшей социалистической системе, в частности, в СССР. Эти отношения достаточно развиты на внутрифирменном уровне в современных крупных корпорациях.

¹⁶ Отмечу наличие интересной проблемы: в рамках “переходного периода” к “царству свободы” существует проблема проникновения в жизнь последнего элементов “экономической необходимости”. Так, проблема оплаты деятельности творца неразрешима ни на основе

Она предполагает снятие общественного разделения труда и подразумевает диалектическое *отрицание закона стоимости* как закона, который регулирует распределение труда по сферам деятельности и пропорций между ними.

Последнее требует хотя бы краткого комментария. Согласно марксистской теории товарного производства, закон стоимости характеризует товарное производство как мир обособленных производителей, взаимодействующих в условиях общественного разделения труда, стихийно встречающихся и обменивающих свои товары на рынке. Сущностной характеристикой этого обмена является привязка цен товаров (колеблющихся под влиянием спроса и предложения) к их стоимости, овещненному в товарах общественно необходимому абстрактному труду, что происходит стихийно, в среднем, как результат взаимодействия всей совокупности факторов товарного производства и обмена. При этом независимо от индивидов (стихийно) складывающееся разделение труда и распределение его по отраслям и сферам деятельности, случайный обмен товарами являются главными регуляторами пропорций и распределения труда по сферам деятельности. Господство закона стоимости означает: что, как, когда и где производить формально выбирает агент, но реально это диктует система рыночных отношений. Отдельный товаропроизводитель или покупатель может лишь случайно угадать, как сложится эта система пропорций. Колебание конкретных затрат труда и индивидуальных цен вокруг общественно-необходимых затрат труда и является главным механизмом, который диктует стремление к повышению производительности труда и минимизации издержек.

Достаточно очевидно, что в условиях современного, высоко обобществленного материального производства, находящегося на этапе перехода от развитой индустриальной к постиндустриальной стадии, *такой* рынок уже отсутствует, он дополняется сложной системой регулирования, о которой говорилось выше, но в основе своей (в той мере, в какой рынок существует) распределение труда по сферам деятельности происходит именно таким стихийным образом (во всяком случае, это утверждает классический марксизм, чью парадигму мы в данном случае и рассматриваем).

Что же касается мира культурных ценностей, то здесь распределение труда по сферам деятельности регулируется, как мы

принципа “по труду”, ни на основе рынка: оба подрывают принципы “царства свободы” (эти тезисы весьма спорны и вообще-то требуют большей, чем в данных “эскизах”, аргументации). Остается лишь путь нормативного распределения, обеспечивающего творцу удовлетворение всех тех его утилитарных потребностей, которые обусловлены необходимостью создания достаточных предпосылок для творческой деятельности.

уже заметили, иными закономерностями их общественного признания, значимости. *Ценность культурного феномена тем выше, чем большее количество других лиц вступает в диалог с продуктом вашей деятельности, использует его для своего развития, для своей творческой деятельности.* Для нас существенно, что механизм общественного признания результата творческого труда, опредмеченного в некотором материальном носителе, может быть реализован лишь через диалог со-творцов, лишь в процессе сотворчества.

Что же касается другого результата творчества – саморазвития субъекта этой деятельности, то здесь индивидуальная оценка, самооценка тождественна социальному признанию. Если этот человек – субъект творческой деятельности – сам развивается в деятельности, то и сам он является ценностью. Вступая в диалог с ним, вы можете признать общественную значимость его творческого труда, “доказывая” тем самым, что его творческая деятельность была не случайной, что он, как личность, как “человек культурный”, действительно целен и достоин общения. Последние тезисы касаются любой творческой деятельности, в том числе воспитательной и образовательной.

Продолжим наши размышления. Для марксистской парадигмы существенно то, что рыночная экономика предполагает обмен эквивалентов при взаимном отчуждении результатов труда. Развитие мира культурных ценностей приводит к появлению странного феномена, когда Вы можете получить в процессе взаимодействия, обмена деятельностью продукт труда своего контрагента, не теряя при этом своего продукта. Обмен такой ценностью или даже информационным продуктом (но не товаром!) приводит к тому, что Вы как бы удваиваете, мультиплицируете результат, вступая в диалог со своим контрагентом или созданной им ценностью и не потребляя, не уничтожая при этом ни материальный носитель, ни саму ценность (например, можно многократно читать одну и ту же книгу, используя содержащиеся в ней знания для самых разных видов деятельности).

Такой обмен деятельностью становится закономерностью мира, лежащего по ту сторону материального производства. На смену взаимному отчуждению товаров, в которых воплощены в среднем эквивалентные затраты труда, приходит новый феномен – *распределение издержек*: чем больше круг лиц, заинтересованных в использовании данной культурной ценности для распределения, тем ниже удельные издержки на ее создание (за вычетом затрат на тиражирование материальных носителей)¹⁷.

¹⁷ Идея распределения издержек была “открыта” автором самостоятельно едва ли не десять лет назад. Впрочем уже тогда я догадывался, что она должна быть известна мировой науке. С одним из разработчиков этой проблемы - известным французским марксистом Полем

Например, издержки на создание новой компьютерной программы могут быть равномерно распределены между всеми ее пользователями. Чем больше число таких пользователей, тем ниже цена программы на каждого из них (за вычетом цены дискеты).

Таким образом, креатосфера – это такой новый мир, в котором, в частности, отрицается один из фундаментальных законов рынка – закон стоимости (в области явления – фиксируемая и есо-omics связь: чем выше спрос, тем выше цена). Для культурных ценностей характерна иная связь: *чем большее количество пользователей заинтересовано в распредмечивании созданной Вами культурной ценности, тем ниже удельные издержки на ее создание, которые должен компенсировать каждый пользователь.*

Противоположность ценностных оценок рыночного мира и мира культурных ценностей оказывается абсолютно очевидной. В рыночном мире рост спроса на продукт вызывает увеличение его цены для потребителя. В мире культурных ценностей повышение ценности Вашего продукта приводит к тому, что его себестоимость снижается, в пределе стремится к нулю.

Естественно, что в этих условиях *деньги утрачивают свое значение как универсальный всеобщий эквивалент*, служащий для материального признания общественной необходимости труда. Здесь тем самым происходит важное изменение не только в форме, но и в сущности товарных отношений. Согласно марксистской теории, деньги являются продуктом всеобщего труда. Они в этом смысле схожи с творческим трудом, который по своему определению априори является общественно-необходимым и имеет всеобщий характер. Но на этом сходство заканчивается, ибо деньги - всего лишь товар, и вне мира купли-продажи они не выступают в качестве всеобщего труда, превращаясь в кусочек металла или малополезную бумажку.

Поэтому деньги снимаются в мире всеобщей творческой деятельности, где ценность созданных благ утверждается в процессе распредмечивания, а не обмена на всеобщий эквивалент.

Марксистская теория товарного производства венчается теорией *товарного и денежного фетишизма*. Ее суть состоит в том, что в условиях, когда жизнедеятельность человека определяется законом стоимости, стихийным распределением труда по отраслям (внешним выражением чего является стихийное движение товаров и признание их общественной необходимости через продажу, обмен на деньги, которые в свою очередь являются мерой стоимости, богатства, успеха) – в этих условиях человек оказывается подчинен вещи, товару и в наибольшей степени - деньгам. Именно они становятся важнейшим мотивом и ценно-

Баккара - я столкнулся на международной конференции в 1995 году (подробнее см.: Альтернативы, 1996, № 2, с. 174 - 177). Не сомневаюсь, что есть и другие авторы, исследующие эту проблему.

стью, которые определяют деятельность и поведение человека. Они являются всеобщим богатством и уникальным исполнителем любых желаний. Деньги могут сделать все – даже больше, чем джинн из сказки.

Так деньги становятся фетишем, подчиняющим себе жизнь человека. Таким же фетишем становится товар, вещь, вступающая в обмен. Создается объективная видимость того, что вещь-товар и вещь-деньги самостоятельны и обладают некими социальными свойствами, обладают ценой, стоимостью, и именно они диктуют человеку, что он будет делать. В действительности это лишь видимость, хотя и объективная, это тот самый феномен, когда “кажется то, что есть на самом деле”. В реальности человеческий труд создает товары, а деньги лишь специфическим образом выражают значимость этого труда, являясь отчужденной, внешней мерой стоимости, мерой абстрактного общественного труда. Но это превращение происходит постоянно, и оно создает особый мир экономических, социальных, даже духовных отношений.

Снятие товарного производства предлагает и *снятие мира, фетишизирующего товары и деньги*, и переход к миру, в котором непосредственные человеческие отношения, взаимодействие людей именно как личностей, обладающих творческими способностями, становится существенной характеристикой и непосредственной мерой общественной значимости человека.

В этом смысле мир культурных ценностей позволяет уйти от фетишизма внешних форм товаров и денег и перейти к миру, в котором высшей ценностью обладает непосредственно человек, его деятельность и неотчужденный результат этой деятельности.

Отвлекаясь от основной темы, отмечу, что это позволяет преодолеть даже границу физической жизни отдельного человека: творец живет в созданных им культурных ценностях, учениках, друзьях столь долго, сколь ценны были он и его деятельность. Правда, в некотором смысле, эти границы человеческой жизни в отчужденной форме преодолеваются и в условиях предыстории. Так, рыночная система, в которой частная собственность, общественное богатство передаются по наследству, тоже как бы “увекочила” внешнее выражение человеческой деятельности.

Все названные выше черты рыночной системы равно как и она сама должны быть сняты в процессе качественного диалектического отрицания по мере перехода к царству свободы.

Существенно так же, что товарные отношения, фетишизм денег и товаров являются лишь высшей формой развития отчужденных механизмов распределения труда и поддержания пропорций. Последовательное их снятие невозможно без предшествующего преодоления более простых и более жестких отчужденных механизмов распределения ресурсов и поддержания пропорций –

таких как традиция, насилие (война), иерархия и др. Эти механизмы преодолевались на протяжении развития буржуазного общества, но они вытеснены отнюдь не окончательно. Поэтому *снятие рынка предполагает и снятие добуржуазных форм распределения ресурсов.*

А теперь самое время рассмотреть давно уже приходящие на ум контрдоводы противников гипотезы нелинейного снятия рынка в современном мире. В конце XX века, в период заката эпохи развитого социального регулирования и теорий, обосновывавших его перспективность, характерным стал возврат к практике и теории либерализма, “ренессанс” как рыночных отношений, так и идеологии, проповедующей их вечность и неизбежность.

Для объяснения этого процесса сформируем следующую гипотезу: *волна неолиберализма стала реакцией на объективную тенденцию генезиса нового мира, лежащего “по ту сторону” царства экономической необходимости, превратной формой этой тенденции.*

Первоначально тенденции появления постиндустриальных технологий в мировом капиталистическом хозяйстве и обострение вызванных этим глобальных проблем (уже в 50-70-е гг. человечество столкнулось с обострением отношений между обществом и природой, угрозами, связанными с распространением оружия массового уничтожения, перенаселением и т.д.), а также социально-политические факторы (относительные успехи СССР, крах фашизма и мн. др.) стали одним из существенных факторов частичной социализации капиталистической экономики и демократизации политики. В этот же период появились теории “человеческой революции”, “нулевого роста” и т.д. При этом и практика, и теория 60-70-х гг. дала определенные позитивные результаты, но столкнулись с внутренними противоречиями (о них подробнее выше).

Результатом этого столкновения на первом этапе стали не кризис и изменение мировой капиталистической системы, а отказ от дальнейшего развития процессов социализации, экологизации, гуманизации и т.д. экономической жизни. Причины этого многообразны, а их анализ – не наш предмет. В данном случае важна фиксация самого процесса.

В результате в конце 70-х – 80-е гг. западный мир столкнулся с жесткой альтернативой: либо изменение коренных основ капиталистической системы, либо “откат” и регрессивное движение в области социализации, экологизации и гуманизации своей экономики, отказ от продвижения к миру, лежащему по “ту сторону” отчуждения.

Выбор был сделан (во многом - объективно) в пользу второго варианта. При этом тенденции генезиса нового общества, естественно, не могли исчезнуть вовсе. Необходимость постоянного технологического прогресса, диктуемая самой сутью современной капиталистической системы, потребовала поиска преврат-

ных форм для этих тенденций. И такие формы (мы их уже рассмотрели выше) были найдены. Параллельно стали развиваться процессы индивидуализации деятельности и искусственных (“перенесенных”) форм обособления производителей.

Позволю себе аналогию между внедрением товарной формы информационного продукта и частной собственности на информацию, как превратных форм культурных ценностей, с одной стороны, и аналогичными в чем-то процессами создания феодальных искусственных границ на пути движения товаров в период генезиса буржуазного общества – с другой.

Обращаясь к последнему периоду, легко заметить, что на всем протяжении генезиса системы рыночных отношений господствовавшая в большинстве стран до середины XIX века система феодальных отношений создавала огромное количество препятствий и внешних превратных форм на пути производства и продвижения товаров, развития денег как всеобщего эквивалента и т.п. Такими формами были феодальная раздробленность, искусственные границы рынков, крепостническая зависимость, привилегии аристократии, зависимость финансов от интриги при дворе и т.п. механизмы, внешне тормозящие прогресс мира товарного производства и обращения, генезис капитала.

По аналогии можно предположить, что такими же внешними “тормозами” для мира культурных ценностей являются рыночные формы, формы буржуазной частной собственности. Рынок навязывает эти формы культурным ценностям, принимающим форму информационного товара. На место свободного всеобщего доступа к культурным ценностям приходит система жесткого контроля перепродажи информации, частная собственность на интеллектуальные продукты и многие другие феномены, создающие огромные препятствия и трудности для свободной жизнедеятельности культуры. Такого рода барьеры “съедают” большое количество ресурсов, требуют создания сложной системы институтов и высоких транзакционных издержек, необходимых для охраны крайне трудно фиксируемых прав частной собственности на информационные продукты. Огромные трудности возникают и при перенесении закономерностей рыночных отношений в такие сферы как наука, культура и т.д.

Ренессанс рынка и неолиберализма в конце XX века поставил и проблему возрождения ценностей homo economicus. Опять же легко зафиксировать, что генезис креатосферы уже в 60-70-е гг. бросил человеческому миру вызов: homo economicus далее неадекватен задачам прогресса, нужна “человеческая революция” (еще ранее чрезвычайную популярность приобрели теории “человеческого капитала”, где в косвенной форме была отражена эта

проблема)¹⁸.

Более того, эпоха 60-х гг. даже в жесткой атмосфере СССР породила новый феномен “шестидесятников” – людей, для которых главным проблемным полем был прогресс науки и искусства, освоение нового пространства (романтика, престиж профессий геологов, летчиков, космонавтов, полярников).

Откат в этих сферах и ренессанс homo economicus, начавшийся в 80-е гг., оказался жестко связан с развитием превратных форм индивидуализации творческого труда и развитием процессов, довольно подробно раскрытых в теории “общества профессионалов”.

Результатом этих тенденций стал прогресс рынка информационных товаров, а не мира сотворчества; рост узкого профессионализма среди элиты мирового совокупного работника, а не развитие личностных качеств человека.

Действительно, возникающее общество информации и профессионалов становится реакцией, с одной стороны, на невозможность имманентного прогресса креатосферы в условиях господства современной корпоративно-капиталистической рыночной экономики; с другой стороны, оно тормозит прогресс креатосферы и развивает широкий круг ее субституты и превратных форм.

Анализ существующих ныне материальных, технологических и социальных предпосылок нового общества позволяет построить некоторые *гипотезы генезиса пострыночной системы отношений*, дополняя сказанное выше. Именно эти *пострыночные отношения* должны стать *первым шагом по пути царства свободы; первым звеном новой социальной системы, обеспечивающей как рост эффективности материального производства, так и ответы на «вызовы», которые бросает социальным творцам генезис креатосферы.*

Как результат развития общественного разделения труда и диалектического отрицания господствующей ныне формы от-

¹⁸ Выше я уже отмечал работы по проблеме “человеческого капитала” и исследование “радикальных гуманистов” (Э.Фромм и др.), подчеркивавших ограниченность и преходящий характер homo economicus. Отход от узко понимаемых экономических критериев в ценностях и мотивах отмечает и ряд авторов, работающих в парадигме “социоэкономики” (См.: Etzioni A, Lawrence P. (ed) Socio-Economics: Towards a New Synthesis. N.Y., 1991, p. 4, 253). Более подробно западные источники по данным проблемам прокомментированы в названных работах О.Антипиной и В.Иноземцева.

Хочу так же подчеркнуть, что в десятках сильных работ советских марксистов 60-х - 70-х годов тезис о движении от “экономического” человека к свободной, гармонично развивающейся личности рассматривался как на философском, так и на прикладном, социологическом уровне (См., напр.: С чего начинается личность. М., 1984).

чуждения в экономике – товарных отношений – может возникнуть *пострыночная (планомерная) форма регулирования социально-экономического развития, поддержания пропорций, распределения и учета ресурсов.*

Это должен быть более сложный и эффективный (нежели рынок) способ регулирования, который невозможно построить “сверху” - в этом случае получится очередная бюрократическая пародия на планомерность общественного производства. Он может вырасти лишь “снизу”, на основе развития процессов обобществления труда и ассоциирования трудящихся, естественно-историческим путем, проходя ряд стадий зрелости.

Характеристика пострыночных отношений не входит в задачу данного эскиза¹⁹. Отмечу лишь, что их генезис – отношение общественного учета и контроля (некоторый опыт которого приобретен уже и в нашей стране в первые годы Советской власти, и массовыми демократическими движениями Запада, включая и рабочее); демократическое регулирование и социально-экологическое ограничение рыночной экономики, нормативный учет качества и количества труда – не фантазия; И новая экономическая политика в СССР, и социал-демократические модели, и внутрихозяйственное планирование в рамках гигантских корпораций – во всех этих явлениях угадываются первые шаги и направление развития таких отношений.

Более зрелыми новые пострыночные механизмы становятся, развиваясь до демократического народнохозяйственного программирования экономики (оно сегодня считается будущим, судить о котором мы можем, лишь пытаясь “очистить” от демократических деформаций мутантную систему планирования “социалистических” стран)²⁰.

Эти механизмы, естественно, долгое время будут противоречиво сосуществовать с ограничиваемыми, регулируемыми (и в этой мере отмирающими, но реальными) товарными отношениями.

Существенно, что рынок не был и не будет нейтральным к этим новым (планомерным) отношениям; планомерность и товарные отношения будут сосуществовать, находясь в со-

¹⁹ Вместе с А.Колгановым мы, развивая традиции наших учителей (Н.Хессин, В.Черковец и др.), написали в свое время серию работ, посвященных проблеме планомерности, в которых постарались показать содержание и форму этого отношения (См.: Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М., 1983; Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М., 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988 и др.).

²⁰ Авторская трактовка понятия “мутантный социализм” дана в работе “Будущее коммунизма” (М., 1996); см. так же раздел 4.2. данной работы.

стояния противоречия, соперничества, борьбы. Планомерное регулирование при этом будет иметь лишь одно основание для вытеснения рынка: более высокую экономическую и социальную результативность.

Базой для этого могут стать процессы реального обобществления труда (вплоть до развития всеобщего труда и распространения описанного выше механизма *распределения издержек*, вытесняющего эквивалентный обмен по мере движения к информационному обществу) и ассоциирования трудящихся.

Вырастая на базе раскрепощения процессов свободного ассоциирования трудящихся, «царство свободы» с самого начала складывается как *система экономического самоуправления*, соединяющая в единое целое такие подсистемы, как производственное самоуправление (в бригаде, цехе, на предприятии); участие представителей трудовых коллективов и иных ассоциаций граждан в управлении отраслевыми и региональными процессами; демократическое планирование (снимающее противоречие «плановой сделки» эпохи «развитого социализма»); функциональное экономическое самоуправление (деятельность полномочных профсоюзных, потребительских и т.п. организаций по нормативно-регулированию экономики) и т.п.²¹

Элементы этих отношений, предпосылки их массового развития существуют уже сегодня, оставаясь в то же время не более, чем переходными, постоянно возникающими и гибнущими (под давлением господствующих механизмов отчуждения, в частности, рынка, гегемонизма корпоративного капитала) ростками будущей системы экономического самоуправления. (Подробнее авторская гипотеза самоуправления и демократического планирования изложена в приложении).

²¹ По проблемам самоуправления вышла серия интересных работ в конце 80-х годов, когда это отношение развивалось (естественно, в достаточно противоречивых первоначальных формах) на практике (См.: Аузан А. Социалистическое самоуправление народа. М., 1987; Белоцерковский В. Самоуправление. М., 1990; Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М., 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988 и др.).

3.2. Преодоление отчуждения работника от средств производства: на пути к освобождению труда

Начнем наши размышления с анализа проблемы в рамках теории факторов производства, господствующей донныне в экономической науке (автор, как несложно догадаться, относится к ней весьма критически, как к теории, описывающей мнимое содержание буржуазного мира, порожденное господством отношений отчуждения, овещения в буржуазном мире; в то же время, даже оставаясь в рамках этой теории можно показать интенции снятия капиталистических отношений).

Если принять эту теорию и не пытаться критиковать ее с марксистских позиций, то даже с подобной точки зрения можно показать, что будущее общество предполагает снятие традиционных схем, в которых земля, капитал и труд создают соответствующие источники дохода.

Начнем с анализа такого фактора как земля и создаваемого ею дохода (ренты). Можно предположить, что при переходе к обществу, лежащему “по ту сторону” материального производства, фактором деятельности становится уже не земля как средство производства, а биогеоценоз, который является культурной ценностью. При таком подходе рентные отношения заменяются иными. Какими именно – автор не готов дать полный ответ, но готов уже сейчас подчеркнуть: это такие отношения, когда всякая деятельность на земле предполагает компенсацию издержек, связанных с воспроизводством биогеоценоза.

При этом, естественно, встает вопрос: возможна ли частная собственность на такие ресурсы, позволяющая их хозяину присваивать ренту? По-видимому, здесь частная собственность может выступать не более, чем превратной формой, которая по своей сути не сможет не тормозить использование биогеоценоза как культурного феномена - общедоступного, открытого для всех субъекта для сотворчества.

Обратимся теперь к доходу от капитала, который функционирует как производственный, товарный или денежный. С переходом к развитию, лежащему “по ту сторону” материального производства, здесь также происходят принципиальные изменения. Важнейшее из них – способность даже индивидуальной творческой деятельности человека создавать (даже в современном мире) общественное богатство, сравнимое по своему масштабу и влиянию на развитие экономики с деятельностью целых фирм, корпораций. Тем самым предметные условия труда становятся второстепенным дополнением и перестают играть доминирующую роль, и это - одно из качественных отличий общества, лежащего “по ту сторону” материального производства, от капиталистическо-

Эти изменения вызвали определенную коррекцию теории “трех факторов”: появилась теория “человеческого капитала”, в число факторов производства, создающих доход, стали включать творческие (чаще - уже - предпринимательские) способности человека. При этом либо в превратной форме отражается тот факт, что общественное богатство создается деятельностью (“человеческий капитал”, создающий доход для своего хозяина), либо простыми методами экстраполяции и редукции на качественно новый объект (творческую деятельность) переносится старая теория. Замечу: теоретического объяснения как творчество создает особый доход в работах, посвященных роли этого нового фактора, не дается; авторы ограничиваются фиксацией эмпирических феноменов: работники творческого труда, предприниматели получают большие доходы, и от их деятельности зависит эффективность бизнеса.

Эта фиксация подобна тезису: если в позднефеодальном обществе Вы хотите занять титул - накопите деньги и купите его. То, что такой путь возможен, подтверждал опыт. Но доказывала ли эта эмпирическая связь то, что деньги по своей сущности есть “фактор” сословного продвижения?

Да, в условиях “позднего” капитализма творческие способности действительно редуцируются (причем не теоретиками *par excellence*, а самой жизнью) до положения фактора накопления капитала и получения дохода, но это лишь “временная” превратная форма более глубинного процесса - рождения нового качества общественной жизни, вытесняющего капитал как таковой.

Что же касается труда как источника заработной платы, то полагаю, что вышесказанное делает очевидным тезис: ценность, создаваемая творческой всеобщей деятельностью, не сводима к заработной плате как рыночной цене труда.

Более того, даже оставаясь в рамках теории факторов производства, можно сформулировать гипотезу: для творческой деятельности характерно своеобразное слияние “труда” и “капитала”, где каждый из феноменов снимается в новом процессе (другое дело, что в *условиях господства капитала и процесс творчества организуется по капиталистически*). Собственник внешних для творчества материальных факторов деятельности и/или таких имманентных факторов творчества, как информационный *товар*, будет выступать в качестве персонифицированного капитала (субъекта присвоения прибыли). Работник, обладающий креативными способностями, либо получит “обычную” зарплату (эффект его новаторства “войдет” в прибыль), либо выступит в качестве одного из сохозяев совокупного капитала (“вложив” в деятельность фирмы свой интеллектуальный, “человеческий” капитал, оцененный неким внешним образом в деньгах или даже акциях). В последнем случае он будет претендовать на соответствующую

долю прибыли.

В любом случае, однако, здесь очевидно возникает попытка перенесения капиталистических форм на явно иной по своей природе процесс, подобно тому, как поздний феодализм “одевал” сословно-иерархические формы (например, покупка титулов или должности при дворе для успешной коммерческой деятельности), формы “внеэкономического” принуждения (капиталист, являющийся крепостным) на возникавший в его недрах процесс капиталистического производства.

Прежде чем, следуя нашей традиционной логике, перейти к марксистской парадигме, позволю себе несколько комментариев к проблеме соединения (отчуждения) работников и средств производства, рассматривая последнюю с точки зрения *экономической теории прав собственности*. Сразу бросается в глаза, что переход к миру, где главную роль играют творческий труд, неповторимая индивидуальность, повышает экстерналии, усложняет спецификацию прав собственности, приводит к росту трансакционного сектора.

В свою очередь, усложнение системы прав собственности приводит к тому, что отчуждение непосредственного работника от ключевых прав собственности развивается и усложняется. В то же время происходит создание переходных форм, когда значительная часть творческих функций, связанных с “обслуживанием” функционирования и прав собственности, оказывается связанна с деятельностью специфического социального слоя – менеджеров, обладающих высшей квалификацией. Эти агенты выполняют функцию соединения определенного блока прав собственности с трудовой деятельностью. Такое усложнение системы прав собственности является реакцией на противоречивые процессы в области снятия материального производства и прогресса современных форм корпоративного капитала и в общем и целом подтверждает сделанные выше выводы.

Однако наибольший интерес для анализа снятия отношений отчуждения работника от средств производства, по мнению автора, представляет использование марксистской теории.

Ее зачастую сводят к проблеме эксплуатации, понимаемой достаточно узко - только как присвоение прибавочной стоимости капиталистом²², но в действительности эта проблема многогранна и включает в себя по меньшей мере следующие пласты²³.

²² Этого акцента, по сути дела, не избежал даже хорошо знающий марксизм В.Иноземцев, проделавший содержательное исследование возможностей снятия эксплуатации (как процесса отчуждения прибавочной стоимости) в связи с развитием творческой деятельности.

²³ Автор, как последовательный ученик политекономов-“шестидесятников” (См. упоминавшиеся работы университетской шко-

Первый пласт. Отчуждение труда в капиталистической форме (а оно развивается на базе снятия предшествующих форм - "внеэкономического" принуждения и т.п.) предполагает наличие формально-правовых предпосылок, а именно - наличие собственности на средства производства в руках не-работника (капиталиста) и их отсутствие у работника. Первым шагом отчуждения становится, следовательно, отчуждение средств производства от работника и (на это реже обращают внимание) отделение качества рабочей силы от других свойств работника, превращение этого качества в товар (отчуждаемую вещь), что позволяет затем продать этот товар собственнику капитала.

За этим вполне логично следует второй шаг по пути отчуждения: работник теряет свою рабочую силу, она переходит в собственность хозяина средств производства. Теперь последний определяет все основные слагаемые трудового процесса: что, как, при помощи каких средств производства и для кого производить. Труд оказывается отчужден по социально-экономической форме.

Третий шаг: в процессе производства работники соединяются в кооперацию: с кем, как, в процессе какой деятельности они будут соединены - все это диктует отныне капитал. Объединение людей, их межличностные отношения в процессе труда (вообще в течение рабочего времени) - все эти человеческие качества от них отчуждены.

Четвертый шаг: созданный работниками продукт и часть его стоимости (а именно - прибавочная стоимость) так же отчуждается капиталом.

Все эти четыре слагаемых (а их структуры и содержание следовало бы дать гораздо подробнее) составляют основу *формального подчинения труда капиталу*.

Второй пласт капиталистического отчуждения работников от средств производства связан с развитием *реального подчинения труда капиталу*.

Суть этого подчинения состоит в том, что самое содержание процесса производства - технология трудовой деятельности, природа средств производства (система машин) - подчинено процессу воспроизводства капитала. Последний обретает адекватную материально-техническую базу в системе машин, где труд человека, во-первых, разделен (человек превращен в частичного работника, не способного самостоятельно создавать полезный продукт) и, во-вторых, подчинен машине (а она является безраздельной собственностью капитала, его непосредственным материальным воплощением). В этих условиях работник технологически

лы политэкономии, а также многих философов - Ю.Давыдова, Р.Косолапова и др.), показал еще в своих работах 80-х - начала 90-х годов эти пласты и возможности их снятия в процессе формального и реального освобождения труда.

подчиняется капиталу. Более того, он теряет свои ключевые человеческие качества: способность творческого самостоятельного преобразования материального мира, становясь придатком вещных факторов труда, утрачивая свойство целеполагания (некоторые элементы гуманизации труда на современных предприятиях в развитых странах несколько корректируют эту связь, но для большинства предприятий второго и третьего миров она по-прежнему актуальна) и т.д.

Итак, мы зафиксировали, что наемный работник оказывается подчинен системе разделения труда, которая диктуется машинным производством, превращает в работника частичного. Его деятельность и его кооперация в условиях реального подчинения труда капиталу диктуется не только общественной формой, не только тем, что его рабочая сила куплена капиталистом, но и технологической природой капитала, в данном случае - как постоянного капитала-оборудования, имеющего форму капитала. Это оборудование, система машин, и является технико-производственной основой реального, содержательного подчинения труда капиталу.

Уже сама по себе характеристика формального и реального подчинения труда капиталу показывает, что *с переходом к творческому по содержанию труду практически все компоненты формального и реального подчинения труда капиталу могут быть сняты.*

В особенности это касается собственно содержательных компонентов, связанных с подчинением труда человека, его деятельности машине, с превращением работника в частичного, и, тем самым, с наличием капитала как той силы, которая соединяет машину и работника, присваивает рабочую силу, прибавочную стоимость, организует трудовой процесс и осуществляет функции "бизнеса" (представительства всей совокупности факторов производства и результатов труда на рынке).

В той мере, в какой труд становится творческим, взаимодействие его субъекта с другими субъектами, их кооперация (как во времени так и в пространстве) не могут быть подчинены внешним силам. Это взаимодействие не подчинено силам материального производства и характерным для них механизмам кооперации, оно не подчинено и собственно силе капитала. Сама суть творческого процесса состоит в том, что поиск субъектов для взаимодействий и диалога осуществляется самостоятельно творцом и не навязывается свыше. Поэтому, собственно, реальное подчинение труда капиталу теряет свою основу, и остается лишь социально-экономическая форма, которая навязывается творческому по содержанию труду, не требующему по своей сути капитала.

Более того, поскольку практически все функции, которые в условиях индустриального производства присваиваются

капиталом, в условиях господства креатосферы могут осуществляться без капитала, поскольку капитал не требуется и как та сила, которая привносит соединение отдельных работников с целью создания крупномасштабных коопераций труда, и как та сила, которая позволяет организовать управление этим кооперативным трудовым процессом, не требуется капитал и как социальная форма, обеспечивающая работникам возможность соединения со средствами производства. Фактически все функции, которые выполняет капитал как производительная система, отпадают по мере развития творческого содержания труда.

Последнее, однако, не означает, что, во-первых, снятие капиталистической формы не может произойти до того, как творческий труд станет господствующим. Социально-экономическая форма капитала может быть снята и до этого, подобно тому как сам капитал может возникнуть на базе доиндустриального общества (другое дело, что такое освобождение труда будет формальным и неустойчивым, равно как формальным и неустойчивым было подчинение труда капиталу на доиндустриальной стадии). Во-вторых, развитие творческого труда не приводит к автоматическому устранению капитала. Он может сохраняться как внешняя и чуждая форма на протяжении длительного исторического периода (наподобие феодальных форм переходного к индустриальному этапу общества).

Этот второй пункт (а мы к нему еще вернемся ниже) может быть дополнен некоторым комментарием. Обеспечение творческого процесса деятельности внешними материальными факторами может быть и зачастую является в современном обществе функцией капитала. Но здесь примечательна именно эта формулировка: “может быть функцией капитала”. Капитал при этом может претендовать в результате лишь на то, что затраты, связанные с созданием материального носителя культурной ценности, будут компенсировать издержки самого капиталиста. Творческий процесс, его результат, состоящий как в развитии самого творца, так и в создаваемой культурной ценности, при этом ни с какой стороны не могут принадлежать собственнику материальных факторов творческой деятельности, ибо последние служат лишь предпосылкой, но не “ресурсом” творчества, о чем специально было сказано выше.

Существенно также, что само *присвоение прибавочной стоимости и эксплуатация, в узком смысле слова, также должны “сняться”*. Напомним, что, с точки зрения марксистской теории, феномен эксплуатации связан с тем, что в результате производительного процесса создается товар, стоимость которого превышает стоимость совокупной рабочей силы, затраченной на его создание, и стоимость перенесенных на данный товар средств производства. Эта разница и является приба-

вочной стоимостью, результатом эксплуатации наемного работника, ибо вся вновь созданная стоимость, с точки зрения марксизма, создается трудом (кроме того, труд, в силу своего двойственного характера, переносит стоимость средств производства на конечный товар).

Если же мы переходим к миру, лежащему “по ту сторону” собственно материального производства, то здесь результатом деятельности, как мы уже многократно отмечали, оказывается не товар, отчуждаемый и продаваемый на рынке, а собственно трудовой процесс и само развитие работника в этом процессе плюс культурная ценность, создаваемая в результате взаимодействия творца с другими культурными ценностями во время его взаимодействия с другими творцами (как в пространстве, так и во времени, как актуального, так и связанного с распределением культурных ценностей). Естественно, что эти результаты принципиально не отчуждаемы от работника, и отчуждение может быть характерно лишь для материального носителя этой культурной ценности.

Впрочем, последний процесс происходил практически и может происходить практически во всех обществах, основанных на отчуждении. В них физически присваивались (и присваиваются) материальные носители культурных ценностей или даже творцы: в добуржуазных формациях поэты и художники, ученые и воспитатели могли быть рабами или крепостными. В результате вся их деятельность присваивалась собственником данной личности, рабовладельцем или феодалом. Такого же рода присвоение может осуществляться в рамках азиатских деспотий или обществ, возникающих на стадии позднего капитализма, где воспроизводятся, как бы восстанавливаются в новых формах, добуржуазные отношения присвоения личности человека собственником факторов производства.

Присвоение же материального носителя культурной ценности капиталистом выступает, с точки зрения законов рынка, как гораздо более проблематичный процесс. Впрочем, это - возможный результат, ибо формальное подчинение труда капиталу, являющееся излишним и неадекватным материальному содержанию творческой деятельности, тем не менее, может остаться (в качестве “перенесенной” формы); оно не исчезает автоматически.

Однако и с точки зрения формального подчинения творческой деятельности капиталу возникают возможности для его преодоления и снятия. Они связаны с тем, что работник, выполняющий творческие функции, по своей природе способен выполнять и функции, характерные для собственника, в частности, функции управления общественным процессом производства.

Более того, для креатосферы адекватными являются сня-

тие отношений собственности как частной собственности, и переход к общественному управлению при осуществлении присвоения в процессе творческого диалога, распределечивания и опредмечивания культурных ценностей.

Такой процесс фактически приводит к снятию отношений собственности в их традиционном понимании, в частности, к снятию проблемы спецификации прав собственности, защиты объектов собственности от “посягательств” других собственников, отказу от сложной системы экономических отношений, позволяющих присваивать богатства одним лицам (точнее, классам или социальным стратам) и отчуждать это богатство от других лиц (классов или социальных страт).

На место этих отношений приходят отношения, уже названные отношениями со-творчества, а функции управления материальными ресурсами, которые являются предпосылкой производственного процесса, в этом случае вполне могут быть переданы ассоциированным работникам.

Продолжая анализ отчуждения работника от средств производства в рамках марксистской парадигмы, мы можем зафиксировать, что *развитие творческого содержания труда*, по сути, усиливает, *делает еще более интенсивным противоречие, лежащее в основе буржуазного общества*. Не просто антагонизм общественного характера производства и частнокапиталистической формы присвоения, но антагонизм творческого по содержанию, всеобщего труда, с одной стороны, и частно капиталистического присвоения этого труда и его результатов - с другой, становится действительным противоречием, требующим своего разрешения.

Причина в том, что прогресс творческого труда в этих условиях возможен лишь как прогресс, имеющий неадекватные превратные формы и потому замедленный, неэффективный с гуманистической и экономической точек зрения.

Достаточно важным становится вопрос: *возможно ли автоматическое снятие противоречий частнокапиталистического присвоения по мере развития творческого содержания труда?* Ряд исследователей, в том числе обильно цитируемые В.Иноземцевым многочисленные западные авторы (да и он сам), как бы автоматически дают положительный ответ на этот вопрос, даже не ставя его. Они подчеркивают, что проблема эксплуатации и частной собственности снимается как бы сама собой по мере развития творческого содержания труда.

В частности, довольно важным компонентом, который взаимосвязан с преодолением реального подчинения труда капиталу, отчуждением работников от средств производства, является развитие информационных, компьютерных технологий и сетей телекоммуникаций. В последнем случае, по видимости,

как бы автоматически происходит преодоление отчуждения работника от средств производства, преодоление границ частной собственности.

В самом деле, каждый из субъектов деятельности в рамках информационного общества потенциально способен быть собственником компьютера и минимальных ресурсов, необходимых для включения в информационные сети, получая тем самым, на первый взгляд, возможность преодолеть отчуждение работника от средств производства. Индивидуализация средств производства, их непосредственная “сращенность” с субъектом творческого труда становятся важными предпосылками для преодоления реального подчинения труда капиталу и границ частной собственности.

В.Иноземцев это снятие связывает со спецификой творческой деятельности, содержанием и результатом которой является саморазвитие ее субъекта, что (по мнению этого автора), делает невозможным эксплуатацию последнего, ибо результат такой деятельности и она сама неотчуждаемы.

Однако такого рода идеи как бы автоматического преодоления противоречий капиталистического общества не учитывает целого ряда проблем, которые, как правило, подчеркиваются в марксистской теории и которые я бы хотел специально выделить.

К числу таких проблем, стоящих на пути “автоматического” решения вопросов эксплуатации по мере развития творческого содержания труда, относится сохранение механизмов формального подчинения труда капиталу, о чем уже было сказано. Капитал, оставаясь господствующей социально-экономической формой, а частная собственность - формой, адекватной для капитала, сохраняют возможность присвоения материальных носителей творческой деятельности плюс воспроизводят превратные формы процессов творческой деятельности и превратные формы культурных ценностей. Все они могут быть присваиваемы и присваиваются капиталом, сохраняя отношения частной собственности в современных формах корпоративного капитала.

Но во всех этих случаях капитал создает искусственные границы для доступа к культурным ценностям, являющимся всеобщими и в этом смысле неограниченными ресурсами, о чем мы уже размышляли, характеризуя искусственные границы, создаваемые рынком в процессе развития творческого труда и взаимодействия творческих личностей. Частная собственность и корпоративный капитал так же создают такие искусственные границы, важнейшей из которых является частная собственность на интеллектуальные ресурсы, на know-how и т.д. Эти границы тормозят развитие процессов, лежащих “по ту сторону” материального производства, в сфере свободного

функционирования творческой деятельности, свободного обмена культурными ценностями. ***Поэтому капитал должен быть снят в процессе качественного диалектического отрицания по мере перехода к «царству свободы».***

Какими же могут быть отношения присвоения, вырастающие из противоречий современной системы, где буржуазное копоративно-капиталистическое отчуждение работников от средств производства вступает в конфликт с развитием креатосферы, с развитием процессов, лежащих “по ту сторону” собственно материального производства?

Мы можем проследить лишь некоторые тенденции генезиса новых отношений присвоения, которые следует, пожалуй, квалифицировать как процесс освобождения труда, где присвоение материальных факторов выступает лишь как предпосылка собственно свободной человеческой деятельности. Естественно, термин “освобождение” является достаточно пустым и требует своего содержательного наполнения.

Базируясь на анализе предпосылок будущего общества, связанных с генезисом “царства свободы”, а также реальных ростков массового социального творчества, существующих в современном мире, мы можем построить гипотезу содержания такого феномена как *освобождение труда. Оно должно стать вторым шагом по к «царству свободы», важнейшим социальным отношением, базирующимся на развитии креатосферы и обеспечивающим ее генезис и развитие.*

Освобождение труда приходит на смену внеэкономическому государственно-корпоративному принуждению и капиталистической эксплуатации. И здесь новому обществу придется пройти длинную дорогу, прежде всего завершив решение буржуазных задач обеспечения каждого “негативной” свободой, свободой от юридического неравноправия, личной зависимости, бюрократического и иного внеэкономического подчинения человека.

Но генезис собственно свободного труда начнется с развития “позитивной” свободы, когда перед трудящимися встает задача не просто “экспроприировать экспроприаторов” и перераспределить доходы, а самим по-новому организовать производство, *на деле стать хозяевами экономической и общественной жизни.* А для этого надо “вырастить” сложную систему отношений, обеспечивающую свободное, совместное, равное распоряжение общим достоянием и его присвоение.

Эта система включает по меньшей мере систему отношений самоуправления (на предприятии, в регионе, государстве), позволяющих гражданам на деле участвовать в принятии важнейших хозяйственных решений; отношения свободного соединения ассоциированных граждан со средствами производства, обеспечивающие гарантированную занятость, труд по способностям, возможности обучения и переобучения и т.п.; социальную спра-

ведливость, достигаемую на основе стимулирования творческого, инициативного труда и развития общественных фондов потребления в таких областях, как образование, здравоохранение, охрана природы, обеспечение достойной жизни нетрудоспособным.

Как именно практически может развиваться эта система отношений, преодолевающая отчуждение труда от его результатов, собственности, управления, может показать только опыт созидания, “выращивания” этих новых отношений объединенными трудящимися. Придумывать сейчас детали этих механизмов бессмысленно, хотя первые шаги уже известны. Их подсказывает опыт отечественных и зарубежных коллективных предприятий, ростки общественного самоуправления в нашей стране в период нэпа и перестройки, коллективизм и энтузиазм строителей новых городов, “физиков и лириков”, покорителей космоса и сибирских рек периода хрущевской “оттепели” и т.п.

Однако все это – не более, чем “*формальное*” (касающееся лишь социально-экономической формы труда – производственных отношений) *освобождение труда*. Оно неизбежно будет сосуществовать с отношениями отчуждения труда, собственности и т.п. в той мере, в какой (абстрагируясь от политических, международных и т.п. условий) над человеком по-прежнему господствует общественное разделение труда, репродуктивный индустриальный (или, тем более, ручной) труд.

Реально (содержательно) свободными человек и его труд становятся лишь в той мере, в какой последний, по сути своей, становится творческим, превращается в созидание мира культуры – новых технологий и хорошего настроения мальчишек и девчонок в детском саду; произведений искусства и доброго здоровья граждан...

И в той мере, в какой *такой* труд станет доминирующим, начнут укрепляться *новые ценности* (не столько накопление вещей, сколько успех в работе и общении, самореализация, достижение уважения коллег и т.п.), *новые стимулы* (более интересная работа, свободное время, товарищеские отношения в коллективе), а значит, и *новые отношения распределения*. Если главной потребностью человека становится творческий труд, то возможно и *распределение по потребностям*, ибо главным, чего не будет хватать людям, станет... интересная работа и свободное время, а доминирование этих новых ценностей само собой ограничит утилитарные потребности человека²⁴.

²⁴ В свое время автор предпринял попытку анализа перспектив формального и реального освобождения труда на основе критического исследования зарождения этих отношений в обществах мутантного социализма. Результаты этого исследования, имеющие, естественно, характер не более чем прогноза, гипотезы, изложены в сборнике “По ту сторону отчуждения” (М., 1990).

После этих размышлений о прекрасном будущем самое время поставить вопросы о том, почему в современном мире сохраняются механизмы частнокапиталистического присвоения (в форме современного корпоративно-капиталистического присвоения) и отчуждения работников. Какие антитезы, позволяющие *канализировать в русло сохранения буржуазных отношений новые общественные феномены, связанные с развитием креатосферы*, существуют в современном мире?

Основным механизмом является сохранение и воспроизводство на новой основе (на основе утилизации информационных технологий и т.д.) ***отношений гегемонии корпоративного капитала***.

Сущность этой гегемонии пока еще до конца не раскрыта, хотя работы А.Грамши и его последователей дают важные методологические и теоретические предпосылки для исследования этого процесса²⁵.

Кроме того, мы можем, естественно, использовать для его характеристики все то, что было развито в классических марксистских работах по проблемам как самого капитала, так и природы новейших стадий развития капитализма, начиная с империализма и ГМК и включая современный глобальный капитализм.

Начнем с того, что *гегемония корпоративного капитала предполагает воспроизведение в снятом виде, как своей основы, всех компонентов системы капиталистической эксплуатации наемного труда* (и это – первый уровень нашего анализа гегемонии). Прежде всего, это - присвоение абсолютной и относительной прибавочной стоимости, которая, применительно к творческой деятельности, приобретает вид иррациональной формы присвоения культурных ценностей, имеющих определенную стоимостную оценку и, соответственно, форму цены.

Следующий компонент - это *воспроизведение формального и реального подчинения труда капиталу*.

О механизмах воспроизведения формального подчинения труда капиталу уже писалось выше. Что же касается новых механизмов реального подчинения труда капиталу, то в современных условиях *корпоративный капитал способен подчинять ключевые материальные факторы творческой деятельности во многих ее сферах* (тем самым сохраняются элементы подчинения даже творческого труда капиталу как общественной форме).

²⁵ См.: Грамши А. Тюремные тетради. Ч.1. М., 1991. с. 15-17 и др.

Кроме того, используя широкое распространение персональных компьютеров и современные информационные технологии, капитал начинает создавать новые формы организации и эксплуатации коллективного труда. Он в новом виде воспроизводит своего рода "рассеянную мануфактуру": корпорация, монополизировав доступ к культурным ценностям и возможность использования культурных ценностей как результата творческого труда, создает систему отношений как бы работы на дому, подчиненной капиталу.

Работник, обладающий компьютером, получает заказ на определенную деятельность, часто содержащую лишь некоторые компоненты творчества (например, введение данных) от корпорации и результат его деятельности практически полностью присваивается данной корпорацией и никем другим присвоен быть не может. В этом случае компьютерные технологии воспроизводят механизмы, характерные для реального подчинения труда капиталу, и корпорация в новом виде подчиняет себе работника, в том числе и реально, по самой технологии производственного процесса, делает его частичным.

Продукт, создаваемый таким работником и в рамках такой организации производства, является не универсальной культурной ценностью, а частичным продуктом, который может быть встроен лишь в процесс корпоративного производства, и лишь корпорация в целом способна в этом случае создать законченный результат, обладающий действительной ценностью, результат, который может быть использован для диалога и распределения.

Тем самым корпоративный капитал создает новые механизмы, позволяющие монополизировать, разделить, превратить в частичный даже труд, имеющий творческие компоненты. Основа этого в том, что *характерные для современного буржуазного общества технологии (в том числе компьютерные, информационные) предполагают господство превратных форм творческой деятельности.* Именно последние позволяют создавать механизмы реального подчинения и разделения труда, в принципе не характерные для творческой деятельности.

Наконец, следует подчеркнуть, что многие противоречия реального подчинения труда капиталу ныне "выносятся" в страны третьего мира. Там в полной мере сохраняется система классического реального подчинения труда капиталу, характерного для раннего и развитого индустриального производства, когда работник полностью подчинен системе машин или даже мануфактуре.

В эти же страны третьего мира сегодня "выносятся" и процесс относительного обнищания работников, зафиксированный Марксом (в последние 10-15 лет и в развитых странах стал

расти разрыв доходов элиты корпоративного капитала и большинства наемных работников). Но даже если наблюдать динамику последних 50 лет, то легко зафиксировать, что лишь золотой миллиард человечества находится в условиях, когда либо растет, либо остается почти на прежнем уровне (если говорить о последних 20-30 годах) жизненный стандарт и качество потребления, в остальном же мире (за исключением некоторых новых индустриальных стран) продолжается процесс, по крайней мере, относительного обнищания наемных работников.

А теперь перейдем на *второй уровень* нашего анализа *гегемонии современного корпоративного капитала*. Кроме классических блоков капиталистической эксплуатации для нее характерно то, что господствующей для ее развития становится сфера “вторичных” и “третичных” производственных отношений: это сферы торговли, финансов, других транзакций, где деятельность, отношения по поводу деятельности, функционирование материальных факторов этой деятельности – все эти слагаемые полностью порождены (не только подчинены, но и порождены!) капиталистической формой. Каждый из компонентов является не материальным продуктом, а социально-экономической формой как таковой. Последнее особенно характерно для финансов – ключевой сферы транзакционного сектора, ключевой сферы гегемонии современного корпоративного капитала.

В самом деле, весь процесс функционирования финансов основан на том, что ресурсами этой деятельности является социально-экономическая форма – деньги, капитал, ценные бумаги; сама деятельность состоит в превращении, изменении этой социальной формы (операции с ценными бумагами, с валютой – классический пример такой деятельности); капиталистические отношения возникают по поводу деятельности, имеющей своим предметом и своим результатом буржуазную социальную форму; соответственно, присваиваемый результат опять-таки связан с функционированием исключительно этой социальной формы, но не непосредственных материальных благ или культурных ценностей.

Этот мир многократно удвоенных, утроенных, мультиплицированных превратных форм во многом укрепляет гегемонию корпоративного капитала, ибо в этой сфере вытеснение капитала другими общественными отношениями невозможно, возможно лишь вытеснение этой сферы в целом, для чего требуется качественное изменение всей системы общественных отношений и замена транзакционного сектора новой общественной системой отношений, предположительно – демократического общественного управления и самоуправления.

Третий уровень, характеризующий систему гегемонии корпоративного капитала: начиная с конца XIX века и особен-

но интенсифицируясь в период первой и второй мировых войн, вплоть до настоящего времени, в буржуазном мире сохраняется и воспроизводится *монополистический капитал*, характеризующийся сохранением как классических монополий, сращенных с государством, так и развитием транснациональных и мультинациональных корпораций. Если первые могут быть определены как корпорации, являющиеся монополиями (корпорациями, которые способны сознательно воздействовать на рынок, отчасти его учитывая и регулируя), сращенными с государством прежде всего в рамках какой-то одной государственной системы, то мультинациональные корпорации выступают как сращенные с государством на наднациональном уровне. В нескольких государствах они выступают как субъекты локального, косвенного регулирования, монополистической конкуренции; в нескольких государствах они сращены с господствующей политической, военной, административной и т.д. элитой.

Итак, господство монополий в тех или других формах является третьим слагаемым системы гегемонии корпоративного капитала, не только не исчезнувшим в конце XX века, но и приобретающим новое качество. Точно так же в новом качестве в конце XX века воспроизводится колониализм, неоколониализм и другие формы доминирования развитых стран по отношению к третьему миру.

С точки зрения процессов генезиса творческой деятельности, здесь происходит очень важный сдвиг (он отчасти повторяет и тем самым подтверждает сделанный выше вывод): *по мере генезиса отношений, лежащих "по ту сторону" материального производства, капитал транснациональных корпораций оказывается способен монополизировать собственно творческую деятельность во многих ее сферах.*

Тем самым наиболее передовые технологии (как в рациональных формах, связанных с научно-техническим прогрессом, развитием культуры и т.д., так и в превратных формах – в рамках транзакционного сектора, в частности, финансов, массовой культуры и т.п.) оказываются монополизированы современными развитыми странами, а в этих странах – “родными” для них транснациональными корпорациями. Для иных субъектов (особенно в странах третьего мира) отсутствует возможность использовать эти достижения, иначе как платя за это огромную цену.

В результате возникает новая форма неэквивалентного обмена: ТНК реализуют новые технологии, знания и т.п. по монопольно высоким ценам, получая в обмен дешевую рабочую силу (в ее зарплату не входят издержки на воспроизводство квалифицированного работника и социальную защиту, без чего *такой* работник не сможет со-творить новые технологии и т.п.) плюс при-

родные ресурсы по цене, которая не компенсирует затраты на воспроизводство биогеоценозов (впрочем, такие затраты и такое воспроизводство как правило и не осуществляются).

Итак, монополизм и неокOLONиализм в новом виде, связанные с монополизацией новых (в частности, информационных) технологий и ключевых компонентов транзакционного сектора, являются важнейшими слагаемыми гегемонии корпоративного капитала.

Сказанное вплотную подводит нас к выделению *четвертого уровня* этой гегемонии, когда все три предыдущих параметра соединяются воедино и превращаются в доминирование транснациональных корпораций, как не только финансового, но и информационного капитала, т.к. информационная сфера становится доминирующей превратной формой креатосферы. Финансовый сектор концентрирует в себе информационные потоки, “обслуживающие” деятельность всего современного мира. Происходит монополизация рыночной (и прежде всего финансовой) информации. А это особо значимая сфера, ибо движение капитала в современных условиях (в условиях развития компьютерных технологий) оказывается по форме движением информации. Эта форма во многом изменяет содержательные процессы: тот, кто контролирует движение информации, тот, тем самым, контролирует движение финансов и оказывается властелином современной рыночной системы, где финансовые транзакции являются доминирующей и наиболее прибыльной сферой, подчиняющей себе движение собственно материального производства.

Тем самым скачек “по ту сторону материального производства” в условиях господства гегемонии корпоративного капитала оказывается скачком к превращению информации в основную форму движения финансов, капитала. Монополизация этой формы позволяет монополизировать контроль за финансовыми процессами, а через контроль за финансовыми процессами монополизировать контроль за движением капитала, и, следовательно, всего материального производства, протекающего в капиталистической форме.

Оборотной (а скорее всего, напротив, “лицевой”) стороной этого процесса является *монополизация инноваций, нововведений и ноу-хау* (как важнейших слагаемых конкурентоспособности товаров-вещей, товаров-услуг) и информации как товара в современном мире.

Во многом таким же образом современный корпоративный капитал подчиняет себе государство (или, точнее, срачивается с ним, ибо здесь трудно сказать, кому принадлежит больше власти – транснациональным корпорациям или национальным государственным институтам).

Национальные *государственные институты* также

претерпевают существенные изменения. Все “стандартные” функции государства (института, отстаивающего, защищающего насильственными, волевыми, в том числе политическими, и идеологическими методами господство буржуазии; обеспечивающего определенный баланс классовых интересов и воспроизводство общества как целого; гарантирующего соблюдение институциональных правил функционирования буржуазной экономики, прав частной собственности и т.д.) во многом подчиняются новой функции, характеризующей *пятый уровень* гегемонии корпоративного капитала. Учитывая, что (1) на протяжении всего XX века, и особенно во второй его половине, государство осуществляло еще и функции регулирования экономики и социума, и (2) то, что крупнейшие корпорации также способны частично регулировать рынок и социальную жизнь, сращивание этих сил приводит к появлению *государственно-корпоративного капитала как субъекта регулирования социальной и экономической жизни*.

Это регулирование является одним из важнейших средств гегемонии капитала и осуществляется через сложную систему каналов. Среди них: создание формальных (“правовое государство”) и неформальных (от сращивания с криминальными структурами и корпоративного насилия - промышленный шпионаж и т.п. - до манипулирование обыденным сознанием, “здравым смыслом”, моралью) “правил игры” на всех уровнях – гражданин государства, работник и клиент корпорации и т.п.; прямое и косвенное государственное и корпоративное воздействие на рынок; формирование государством и корпорациями (не секрет, что ныне растет контроль ТНК над mass media) конформистского образа жизни.

Несколько забегаая вперед подчеркнем, что в этой сфере (как и на других уровнях) *гегемония государственно-корпоративного капитала*, во-первых, *является внутренне противоречивой*, основанной на столкновении и борьбе различных кланово-корпоративных группировок; во-вторых, она не абсолютна, ей *противостоят механизмы народовластия* (обеспечивающие хотя бы частичное влияние на государство граждан, а не только корпораций и бюрократии²⁶) *и ассоциированного социального творчества* (развивающегося от “простейших” форм деятельности профсоюзов, “зеленых” и т.п. до социальных революций).

В условиях генезиса постиндустриального общества названные функции государства по регулированию и контролю

²⁶ Майкл Паренти в своей книге с очень значимым заглавием “*Демократия для немногих*” (М., 1990) на основе тщательного анализа массы фактов делает важный вывод: “...власть в Америке распределена между прочно утвердившимися, крепко организованными и хорошо обеспеченными политико-экономическими конгломератами, которые способны воспроизводить социальные условия, необходимые для сохранения элитарной гегемонии” (с. 403).

жизни общества дополняются функциями *информационного обслуживания и контроля*. Эти функции сращиваются с информационным контролем корпораций, и эта объединенная власть является новым феноменом, характеризующим данный уровень гегемонии корпоративного капитала.

Более того, *государства и корпорации во многом подчиняют себе механизм воспроизводства творческого труда*, ибо они подчиняют себе как жизнедеятельность интеллигенции, ее интересы, цели, так и жизнедеятельность системы образования. Подчинение господству государства и корпоративного капитала этих двух важнейших сегодня (и ключевых для будущего) сфер и нацеливание их главным образом на обслуживание транзакций (прежде всего финансового сектора) становится важнейшим слагаемым гегемонии корпоративного капитала в условиях генезиса креатосферы. Происходит, с одной стороны, подчинение ростков креатосферы гегемонии корпоративного капитала, с другой, - развитие превратных форм креатосферы, вытеснение деятельности по созданию и использованию культурных ценностей, творческого диалога, с третьей – замещение их жизнедеятельностью “специалистов” (преимущественно в транзакционном секторе) – все это характеризует *шестой уровень* гегемонии корпоративного капитала.

К этому следует добавить и то, что современное общество, основанное на высокой квалификации работников, предполагает необходимость их постоянной переподготовки, т.е. образование сегодня - это не только обучение и воспитание подрастающего поколения, но и постоянное повышение квалификации, перекавалификация взрослых. И здесь сказывается гегемония капитала: все названные процессы также становятся объектом его монополизации. Корпоративный капитал осуществляет как переподготовку, так и утилизацию высококвалифицированной рабочей силы.

К этому же уровню гегемонии следует отнести уже упомянутое сращивание транснациональных корпораций со средствами массовой информации, что в значительной мере подчиняет корпоративному капиталу досуг, воспроизводство личности человека в свободное время. Так *корпоративный капитал подчиняет себе не только рабочую силу, но и личность человека*.

Естественно, что к ключевому слою профессионалов, обслуживающему транзакции и материальное производство и связанному с развитием творческого содержания труда, относится *менеджмент*. Более того, именно крупные корпоративные системы порождают объективную необходимость в сложной системе менеджмента, и делают менеджеров одной из важнейших составных частей совокупной рабочей силы современного общества. В то же время именно этот слой твор-

ческих лиц оказывается непосредственно привязан именно к крупным корпорациям, ибо по-другому в условиях гегемонии корпоративного капитала способности менеджеров (в том числе и их творческий потенциал) в большинстве случаев не могут быть использованы. Тем самым *крупные корпорации (и государство в купе с ними) монополизируют и менеджмент*, как творческую деятельность, функцию особо важную и необходимую с учетом перспективы будущего - генезиса нового общества, которое предполагает научное управление своим развитием.

Все это превращает будущее использование труда управленцев-профессионалов в огромную проблему, ибо для этого менеджмент, монополизированный крупными корпорациями и обладающий определенными привилегиями в следствии такой монополизации, должен быть качественно трансформирован в новую общественную структуру, новый социальный слой, отличный от слоя управленцев, подчиненных гегемонии корпоративного капитала.

Понятно, что эта проблема не может быть решена за счет отказа от деятельности менеджмента как части транзакционного сектора. В то же время задача состоит в том, чтобы радикально, качественно изменить модель поведения, ценностные ориентации, статус и практически все остальные социальные параметры деятельности бывших профессиональных управленцев. Как именно это может быть сделано – вопрос, выходящий за рамки данной работы. Наша задача лишь показать, что подчиняя менеджмент гегемонии корпоративного капитала, монополистические структуры создают мощнейшую предпосылку своей долговечности и огромную проблему для будущего развития научного управления обществом.

Наконец, гегемония корпоративного капитала воспроизводит целый ряд как бы *“восстановленных” в новом качестве добуржуазных отношений отчуждения*. Последние не только включаются в систему отношений гегемонии корпоративного капитала, но и воспроизводятся параллельно с ним в странах третьего мира и бывшей мировой социалистической системы.

В развитых странах эти добуржуазные отношения зависимости (в частности, прямого подчинения творческого труда и присвоения человека вместе с его творческими способностями) сохраняются (в снятом виде) через специфическую систему бюрократического контроля, административного подчинения в рамках государства и корпораций, а также в виде различных механизмов внеэкономического принуждения (например, психологического и идеологического давления на работников), систему патерналистской зависимости работников от корпораций и ее босов. Тем самым, возникает сложная система не только экономической, но и психологической, идеологической, социальной власти корпоративного капитала.

Все это создает превратную форму для канализации объективной тенденции преодоления отрыва качества рабочей силы от качества личности человека и формирования человека как целостной личностной системы, обладающей определенным творческим потенциалом. Именно эту целостную личностную систему в превратной форме пытаются создавать и утилизировать современный корпоративный капитал, подчиняя себе не просто рабочую силу, но и личность человека через сложную систему уже обрисованных технологических, идеологических, социальных и других механизмов.

Подводя итог анализу гегемонии капитала, мы можем зафиксировать, что в настоящее время происходит формирование своеобразных *транснациональных кланово-корпоративных группировок, пирамид*, в которых осуществляется мировая интернациональная эксплуатация человека, а не только наемного работника, отчуждение и подчинение капиталу его человеческих качеств.

Эти процессы идут на разных уровнях, начиная с отчасти доиндустриальных форм, использующих внеэкономическое принуждение полуфеодалного свойства в развивающихся странах, а ныне иногда и в странах второго мира (бывшей социалистической системы) и заканчивая всесторонней зависимостью большинства лиц творческого труда от корпоративного капитала в странах “золотого миллиарда”. Каналы этой власти также многогранны, и они были описаны выше: внеэкономическое принуждение, “традиционная” капиталистическая эксплуатация, гегемонизм корпоративного капитала и т.д.

Итак, важнейшим источником создания своего рода “субститутов”, позволяющих использовать в рамках прежней системы прогресс технологий в материальном производстве и, главное, процессы, лежащие “по ту сторону” собственно материального производства, является гегемония корпоративного капитала, но не только она.

Своеобразной реакцией на процессы снятия буржуазных производственных отношений, может быть сохранение в прежнем мире того, что Иштван Месарош называет *метаболизмом капитала*²⁷.

На основе разработок этого автора можно сделать вывод, что снятие буржуазных производственных отношений может не означать одномоментного снятия и всех остальных компонентов социальной жизни, характерных для предыстории, начиная с системы общественного разделения труда, макротехнологии, типов организации хозяйственных звеньев и их взаимодействия, структуры экономики и в целом социальной жизни общества, моделей и традиций поведения и т.п.

²⁷ См.: Meszaros I. Beyond Kapital. N.Y., 1995.

Все эти процессы, противоположные генезису освобождения труда, позволяют как бы реставрировать и поддерживать механизмы отчуждения в отношениях соединения работника со средствами производства.

Именно в силу названных выше механизмов развития гегемонии корпоративного капитала и сохранения его «метаболизма» проблема снятия отчуждения (и, в частности, эксплуатации) не может быть и не будет решена сама собой вне качественного диалектического изменения системы нынешних социальных отношений при помощи вполне определенных социальных сил, объективно заинтересованных в осуществлении таких изменений.

Капитал способен до определенного предела развивать переходные формы, абсорбирующие развитие творческой деятельности, но сам по себе он никогда не изменится так, чтобы утратить свою власть, гегемонию. Такое изменение может быть осуществлено лишь противоположной капиталу общественной силой – этот фундаментальный вывод К.Маркса не устарел в XX веке и не устареет в XXI.

3.3. Преодоление отчуждения. Несколько штрихов к характеристике отношений распределения и воспроизводства

Производственные отношения мира экономической необходимости отнюдь не исчерпываются соединением работника со средствами производства и предшествующими ему отношениями связи производителя с потребителем. Они предполагают сложный комплекс других отношений, в частности, **отношения распределения дохода**, которые являются продуктом сущностных, ключевых отношений присвоения/отчуждения средств производства и труда.

Естественно, что в развитом мире отчуждения отношения распределения выступают как продукт капиталистического отчуждения работников от средств производства. Что именно и какие именно процессы отрицания отчуждения могут развиваться в сфере распределения доходов в результате генезиса креатосферы и снятия отношения материального производства, преодоления противоречий “царства экономической необходимости” - это достаточно сложный, комплексный вопрос, и мне хочется ограничиться лишь двумя, на мой взгляд, достаточно важными ремарками по этому поводу.

Ремарка номер один. То, что человечество оказывается в условиях генезиса креатосферы, а его прогресс основывается на повышении роли и значения творческого труда, обуславливает необходимость решения проблемы *социально гарантированного минимума*, обеспечивающего возможность использования инновационного, творческого потенциала всех индивидов. Для этого необходимо обеспечить доступность для граждан (и особенно для подрастающего поколения) образования, вообще культуры, а также определенный минимум потребления, обеспечивающего человеку жилище, возможность нормально одеваться, питаться, использовать транспортные и информационные системы и т.д.

Необходимость социально-гарантированного минимума (трактуемая, правда, по разному различными школами) достаточно давно была подчеркнута в работах социалистов, начиная с социалистов-утопистов, включая марксистов, затем в работах представителей социал-демократического направления, а также глобалистов. В частности, тезис о необходимости обеспечения социально-гарантированного минимума достаточно подробно обоснован в книге Аурелио Печчеи “Человеческие качества”.

Попробуем коротко напомнить основные тезисы, доказывающие необходимость такого социального обеспечения всех граждан хотя бы на минимальном уровне. Во-первых, к обоснованию могут быть привлечены соображения социальной

справедливости (восходящие к работам социалистов-утопистов); во-вторых, теоретическое обоснование экономической необходимости генезиса нового общества с распределением по труду, а затем по потребностям (марксизм); в-третьих, компромиссно-прогматичные соображения социального партнерства (“надо делиться”), характерные для социал-демократов.

Продолжая линию первого и второго направлений, дополним их соображениями, связанными с генезисом креатосферы и развитием творческого содержания труда. Дело в том, что превращение творческой деятельности в ключевой параметр развития, в основу экономического, социального и духовного прогресса требует обеспечения равных возможностей образования и доступа к культуре для всех граждан человеческого сообщества с тем, чтобы творческий, новаторский потенциал каждого молодого человека, каждого человека, который мог бы подключиться к творчеству в более зрелом возрасте, не был потерян для человечества. В этом оказывается заинтересован даже корпоративный капитал, переходящий к системе всеобщего гарантированного среднего обучения, создающий систему социальной защиты в развитых странах.

Однако для прогресса общества, лежащего “по ту сторону” материального производства, задача утилизации, использования для развития человечества творческого потенциала каждого гражданина превращается в насущную проблему повсеместно. Отсюда - и необходимость всеобщего обеспечения проблемы социально гарантированного минимума.

Как *Alter ego* социально гарантированного минимума в современном сообществе выступает *социальный максимум*, то есть ограничение сверхвысоких, превышающих определенный (а именно такой, за которым рост личного материального дохода, как правило, не является сильным стимулом труда и новаторства) уровень доходов.

Необходимость введения социального максимума (а на этом настаивают далеко не только марксисты, но и многие “радикальные гуманисты”, “зеленые”, теоретики Римского клуба, например, А.Печчеи) диктуется наличием абсолютных ограничений природных и человеческих ресурсов, с чем сегодня сталкивается человечество, а не только соображениями социальной справедливости.

Более того, этот социальный максимум не является тормозом прогресса, понимаемого даже в узко экономическом и отчужденном смысле. За определенной границей бесконечный рост престижного потребления (я бы сказал перепотребления) не является стимулом ни предпринимательской деятельности, ни трудовой деятельности, ни даже накопления капитала.

Приведу лишь один пример, косвенно подтверждаю-

щий этот вывод. Разрыв в оплате труда между работником средней квалификации и высшими менеджерами в японских корпорациях составляет не более 1000 %, в то время как в США этот разрыв может быть на порядок выше (иными словами, доходы высшего менеджера в Японии превышают средние доходы работника в десять раз, в США они могут превышать средние доходы работника в 100 и более раз). Между тем качество менеджмента в Японии считается более высоким или, по крайней мере, ни чуть не меньшим, чем в США. Тем самым за определенной границей дополнительное материальное поощрение (или, точнее, дополнительные личные материальные доходы) предпринимателя, менеджера ни как не сказываются (или мало сказываются) на результатах его предпринимательской активности.

Вторая ремарка, которую я хотел бы сделать в связи с анализом отношений распределения, характеризует возможность развития распределения по потребностям по мере перехода к доминированию творческого труда.

Казалось бы, абсолютно невозможно решить задачу распределения благ по потребностям, если нет каких-либо внешних ограничений, диктуемых отсутствием либо достаточно количества денег (мы, наверное, все хорошо знаем, что денег всегда не хватает), либо других ограничений, диктуемых внешними нормами (такими, например, как в экономике дефицита). Развитие потребления, неограничиваемого такими внешними рамками, кажется невозможным. И оно действительно невозможно, если речь идет об утилитарных потребностях, которые по природе своей безграничны, что мы зафиксировали в первой части.

Если же главными потребностями становятся творческая деятельность, распредмечивание и опредмечивание культурных ценностей, субъект-субъектные отношения, диалог со своими коллегами во времени и пространстве, то в этом случае распределение по потребностям становится вполне реальным, ибо главным объектом, который должен подлежать распределению, становится деятельность, а не утилитарные блага. Формирование таких новых потребностей является прямым следствием развития творческой деятельности, ведь она сама по себе и цель, и мотив, и потребность для человека. Следовательно, *превращение труда в потребность переносит проблему распределения по потребностям в совершенно другую плоскость: в плоскость распределения труда (точнее – творческой деятельности).*

Это кажущееся абсолютно фантастическим предположение, на самом деле, реализуется даже в современном обще-

стве²⁸.

Более того, несложно назвать пример, когда этот феномен реализовывался в обществе, казалось бы крайне далеко от идеалов креатосферы - в Советском Союзе 60-х годов. Именно тогда наиболее престижными и важными потребностями для подрастающего поколения были возможность учебы в ВУЗах, получение образования в области физики, химии, математики или же в области искусства. Причем, как правило, это было связано не столько с более высоким доходом работников в этих областях, сколько с действительной потребностью в интересной, творческой, престижной деятельности, самореализации, уважении.

Проблема распределения деятельности, дающей возможность такой самореализации (ученого в НИИ или в КБ, поэта или артиста), действительно была чрезвычайно остра. Потребности молодых граждан СССР в самореализации превышали возможности общества обеспечить такую деятельность (упомяну лишь всеобщее повальное стремление превратиться в физиков-лириков или космонавтов характерное для молодежи того периода).

В свою очередь, развитие потребности в деятельности, являющееся следствием прогресса его творческого содержания, как бы "автоматически" тормозит утилитарное потребление, ограничивая его уровнем, достаточным для поддержания творческого потенциала и его развития. Человеку, занятому творческим трудом, не нужно чрезмерное потребление материальных благ; оно мешает ему, отнимает его свободное время, заставляет интересоваться проблемами, которые в принципе не связаны с его основной деятельностью, с его основными интересами. Для творческого человека не нужны ни третий автомобиль, ни двадцать пятый костюм, ни чрезмерное количество пищевых продуктов или огромное жилище.

Эта гипотеза отчасти подтверждается даже современной практикой. *Хотя в современном мире, мире отчуждения, любой человек, занятый творческой деятельностью, является не только творцом, но и продуктом этого мира отчуждения, человеком-потребителем, человеком-клиентом корпорации, человеком подчиненным иерархии и денежному фетишизму* - несмотря на все это для лиц творческих профессий уже сегодня не-денежные стимулы становятся доминирующими (при условии достижения определенного - выше "рационального" - уровня утилитарного потребления).

Однако торжество пост-материальных стимулов,

²⁸Примерный паритет "утилитарно-материальных" и "постматериальных" ценностей отмечают многие западные авторы (Подробнее об этом см.: Вопросы философии, 1997, № 10, с.40)

связанных с творческой самореализацией человека, возможно лишь по мере качественного диалектического отрицания мира отчуждения.

Распределение по труду в материальном производстве, по потребностям (в деятельности, освоении культуры и т.п.) в креатосфере – таков третий шаг по дороге к «царству свободы», дороге созидания системы социальных отношений, адекватных «вызовам» креатосферы.

Но мы немного увлеклись. Главным для нас было не сформулировать вновь этот широко известный марксистский тезис, а показать, что распределение по потребностям становится возможным и реальным в той мере, в какой сам труд превращается в потребность и имеет творческое содержание.

* * *

Наиболее важный пласт производственных отношений – это **отношения воспроизводства**, которые соединяют в едином процессе все сущностные производственные отношения, характерные для того или другого способа производства. Именно здесь, пожалуй, надо было бы дать самый глубокий, комплексный анализ процессов снятия отчуждения, но автор вынужден поставить в данном случае многоточие, подчеркнув лишь, что этот процесс воспроизводства выражается (в рамках марксистской традиции) в *законе накопления* (в частности, капиталистическом законе накопления).

Опуская целый ряд опосредующих моментов, можно предположить, что со снятием последнего, соответственно, *закон воспроизводства и прогресса будущего общества* может стать следующая “положительная и устойчивая связь” (взаимодействие двух взаимодополняющих и взаимоотрицающих процессов)²⁹.

Одна сторона этой закономерности – обусловленность возможности прогресса, творческого содержания труда, потенциала человека, свободного всестороннего развития личности ростом материального богатства общества. И в этом случае мы фиксируем зависимость развития креатосферы от прогресса материального производства, повышения его эффективности, особенно в области использования ограниченных природных и человеческих ресурсов. При этом абсолютным ограничением этого прогресса является обеспечение воспроизводства биогеоценозов и человека, как культурных ценностей.

²⁹ В основу предлагаемой ниже формулировки легло определение так называемого “закона социалистического накопления”, автором которого является, если я не ошибаюсь, К.Тронеv (См.: Курс политической экономики. Т.2., М., 1973).

Вторая сторона этой закономерности состоит в том, что прогресс креатосферы, творческих способностей человека оказывается в свою очередь источником развития материального производства, повышения производительной силы совокупного человеческого труда.

В этой двоякой взаимосвязи, по-видимому, скрыта тайна будущего прогресса общества, лежащего “по ту сторону” сферы материального производства, но развивающегося на базе этого материального производства как на своем фундаменте.

В основе этой двусторонней взаимосвязи лежат *внутренние противоречия*, поскольку в каждый данный конкретный момент времени, на каждом данном уровне развития перед человеческим сообществом стоит проблема распределения совокупного фонда времени между развитием человека в креатосфере и развитием человека в сфере собственно материального производства. . (В скобках замечу: это противоречие является актуальным уже сегодня, выступая как противоречие между рабочим и свободным временем, о чем у нас уже шла речь выше.)

Названная диалектическая взаимосвязь двух сторон процесса воспроизводства социальных отношений и материальных основ «царства свободы» показывает, как могут (а это – всего лишь гипотеза) быть соединены два противоположных процесса: с одной стороны, генезис креатосферы, условием чего является преодоление отчуждения, развитие социального творчества (общественных отношений «царства свободы»); с другой – прогресс этих новых общественных отношений, прогресс, который превращается из возможности в необходимость именно по мере развития творческого содержания деятельности.

И все же для того, чтобы разорвать этот замкнутый круг, недостаточно указать на названную двоякую воспроизводственную взаимосвязь. Необходимо выделить *тот процесс, ту общественную силу, которые позволят совершить скачок из мира воспроизводства гегемонии капитала в мир освобождения труда*. Естественно, что именно здесь предстоит наиболее сложная борьба с отношениями отчуждения, с отношениями воспроизводства и самоукрепления гегемонии корпоративного капитала, описанными в предыдущем разделе. Как именно будут протекать эти процессы, какие глобальные проблемы они порождают, к этим вопросам мы еще обратимся в четвертой части.

Завершая характеристику производственных отношений, хотелось бы подчеркнуть, что над сущностными ключевыми производственными отношениями в царстве экономической необходимости “надстраиваются” **“вторичные” и “третичные” производственные отношения**, где взаимодействие экономических лиц строится по поводу деятельности, исполняющей в качестве ресурсов социальные формы продуктов и услуг.

Примеры таких отношений я уже приводил неоднократно: сфера финансов, менеджмента, весь транзакционный сектор. Именно здесь в наибольшей степени проявляются отношения отчуждения, и именно здесь на смену безличным институциональным формам (“хозяйственному механизму”) должны прийти новые отношения общественного управления, непосредственного социального со-творения нового мира в процессе свободного ассоциирования людей³⁰.

Как именно могут строиться эти отношения, в которых “хозяйственный механизм”, как отчужденная форма, снимается прямым взаимодействием людей в процессе общественного учета, контроля, регулирования, самоуправления - это важный и сложный комплекс проблем, которые мы, тем не менее, обсуждать не будем, поставив здесь многооточие и, оставив вопрос пока открытым, лишь еще раз подчеркнем, что на место овещенных, институциональных форм “хозяйственного механизма” должны прийти формы непосредственных субъект-субъектных отношений в области организации социальной жизни (в том числе и в области сохраняющегося материально-производства)³¹.

На этом мы закончим наши эскизные размышления по поводу системы производственных отношений, которые снимаются по мере развития нового мира, “царства свободы”, лежащего “по ту сторону” собственно материального производства. Впереди анализ материи, которую марксизм называл “надстройкой”.

³⁰ Идея трактовки социалистического “хозяйственного механизма” как отчужденной, превратной формы межличностных отношений управления была высказана в кандидатской диссертации Ю.Сейранова еще в 1989 году.

³¹ Автор дал свою трактовку возможных моделей организации самоуправления и демократического регулирования (планирования) в ряде уже упомянутых работ (См.: Бузгалин А., Колганов А. Реализация общественных интересов. М., 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988; На пути к экономической демократии. Ч.1. М., 1993; Бузгалин А. Переходная экономика. М., 1994, разд. 2 и др).

В заключение данного раздела, характеризующего отношения социально-экономического отчуждения и проблемы их преодоления, хотелось бы показать, что сегодня эти отношения носят интернациональный характер. Именно здесь складывается сложнейший комплекс проблем, которые также подлежат снятию.

ЭСКИЗ 4.

СНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Мир отчуждения не может не порождать адекватных ему форм и в социально-политической сфере, и в сфере отношений духовного производства. Анализ этих противоречий и является нашей дальнейшей задачей.

Начнем с некоторой гипотезы, достаточно логично, на мой взгляд, связанной с тезисом о предыстории как мире отчуждения и ассоциированном социальном творчестве, как антитезе этого мира. Если принять, что отчуждение - видимость (в гегелевском смысле этой категории, т.е. видимость как "врата" сущности) "царства необходимости", то можно то можно сформулировать и *гипотезу сущностного противоречия предыстории человеческого сообщества*: человек на протяжении всего существования мира отчуждения является, с одной стороны, функцией, "работом" объективных экономических закономерностей, функцией социально-политических и других внешних, не зависимых от него форм, собственно и порождающих мир отчуждения; с другой стороны, человек и объединенные ассоциированные индивиды являются творцами своей истории, и именно это качество Человека (как родового существа) является основой прогресса и предпосылкой будущего снятия отношений отчуждения¹.

Это противоречие (противоречие человека как творца истории и как функции объективных общественных механизмов) лежит в основе отчуждения и в социально-политической сфере. И именно его разрешение - превращение Человека (ассоциированных индивидов) в действительного, непосред-

¹ Это противоречие в том или ином виде отмечалось практически всеми упомянутыми нами марксистами-шестидесятниками (Ильенков, Батищев и др.). Две "линии" (как их назвал Н.Злобин) исторического процесса - подчинения человека внешним факторам и творения им истории - отображены в одной из последних статей этого замечательного автора (См.: Злобин Н. Коммунизм как культура // Альтернативы, 1995, № 1).

ственного творца истории - является ключевым вопросом, который предстоит решить в процессе снятия социально-политических отношений отчуждения.

Но прежде чем проанализировать тот потенциал, который накоплен человечеством и который позволяет разрешить это противоречие, необходимо взглянуть на социальную структуру современного сообщества, стоящего на пороге отмирания мира отчуждения, и разобраться с тем, какие из компонентов этой структуры действительно позволяют преодолеть отчуждение человека, его подчинение внешним закономерностям объективных социальных процессов и превратиться в творца истории.

4.1. Закат “царства необходимости”. Изменения в социальной структуре.

Для характеристики современной социальной структуры мы предположим, что генезис креатосферы (и ее превратных форм), творческого содержания труда и т.п. процессы существенно корректируют прежнее классическое противоречие между наемным трудом и капиталом.

Последнее фактически признается не только марксистской теорией, но и любой современной экономической теорией, предполагающей наличие в условиях классического капитализма двух противоположных социальных сил: наемного работника и собственника средств производства, капитала. Другое дело, что современная социология, особенно западная, зафиксировала сложность и, так сказать, “многослойность” социальной структуры современного мира, что неслучайно. Социальная структура общества эпохи гегемонии корпоративного капитала (“позднего капитализма”) действительно достаточно существенно усложнила лежащее в ее основе фундаментальное противоречие класса капиталистов и класса наемных работников.

Сказанное позволяет утверждать, что сдвиги в технологических основах и структуре общественного производства, самореформирование постклассического капитализма, противоречия интернационализации значительно изменили *социальную структуру современного мирового сообщества*.

Класс наемных работников в развитых странах – это преимущественно не индустриальный пролетариат, а работники сферы услуг и служащие транзакционного сектора. В то же время в мире в целом индустриальный пролетариат стал как никогда массовым слоем (прежде всего за счет новых индустриальных стран и «второго мира»). Кроме того, во многих развивающихся странах господствует индустриальный и сохраняется массовый ручной труд, не изжито внешнеэкономическое принуждение. Профессиональные и социально-экономические различия между отдельными слоями наемных работников (а ныне это - миллиарды людей – от батраков Мексики до менеджеров транснациональных корпораций) принципиально значимы. Их нельзя не принимать во внимание, если мы хотим понять реальные интересы и социальные действия разных слоев класса наемных работников в разных странах и регионах.

Прежний тезис об индустриальном пролетариате как единственно последовательной революционной силе, заинтересованной в переходе к посткапиталистическому обществу (в социалистических преобразованиях), ныне требует коррекции исходя из названных выше изменений, характеризующих рубеж тысячелетий, начало перехода от “предыстории” к “царству свободы”.

Точно так же *класс капиталистов*, с одной стороны, существенно трансформирован процессом “диффузии” буржуа и высших служащих; с другой стороны, происходит дальнейшая концентрация реальной экономической и политической власти в руках корпоративных капиталистических элит, контролирующих финансы, отношения собственности, производство, государственную власть.

Эти элиты включают узкий круг лиц, объединяемых в постоянно соперничающие “кланы” (частично формализованные, как, например, высшие служащие ТНК и руководящие государственные лица G-7; частично полускрытые, как, например, хозяева крупнейших финансовых групп; частично нелегальные, как “короли мафии”), и именно они являются сегодня хозяевами мировой экономики, политики, идеологии.

Описанные выше фундаментальные сдвиги приводят к тому, что на рубеже XXI века “классическое” противоречие наемного труда и капитала существенно “усложняется” (не устраняясь).

Это усложнение кроме названных выше факторов (усложнение и самореформирование корпоративного капитала, социальная борьба наемных работников и т.п.) связано во многом и с генезисом элементов креатосферы, прогрессом творческой деятельности. Этот прогресс, происходящий в форме роста профессионализма работников, с одной стороны; утилизации творческого потенциала деятельности творцов корпоративным капиталом - с другой, приводит к тому, что существенно усложняется социальная структура внутри различных классов, а также происходит “размывание” пограничного слоя.

Так, часть функций наемных работников, например, деятельность менеджеров (“элиты” наемных работников, принадлежащих к слою интеллигенции и т.д.) становится и средством реализации господства корпоративного капитала, т.к. эти наемные работники приобретают особый статус, становятся внутренней социальной силой корпоративного капитала, формально оставаясь высшим слоем наемных работников.

Кроме того, развивается в широких масштабах слой лиц свободного труда. На место “классической” мелкой буржуазии, привязанной к мелкой частной собственности, приходит слой лиц, занятых свободной творческой деятельностью, в ряде случаев - в адекватных формах (таких как наука, образование, культура), в ряде случаев - в превратных (таких как деятельность адвокатов или консультантов в транзакционном секторе, “звезд” массовой культуры, шоуменов и т.п.). Во всех этих случаях формируется особый слой, опосредующий взаимодействие капитала и наемного труда².

² Эти изменения в структуре современных развитых стран отображены (как всегда в виде описания данных на поверхности превратных форм)

Далее. Выделенное выше сущностное противоречие предыстории, накладываясь на традиционное классовое деление, скорректированное названными выше изменениями, связанными с развитием творческого труда и генезисом элементов креатосферы, обуславливает *новое социальное деление*.

Наряду с традиционным делением (на вершине которого - элита корпоративного капитала, внизу – беднейшие слои наемных работников и пауперы) социальную структуру современного мира как бы “рассекает” черта, разделяющая современное сообщество на тех, кто является “рабом” корпоративного капитала и реализует его гегемонию (вне зависимости от того, свойственен ли им субъективный конформизм), с одной стороны; тех, кто способен к социальному творчеству, к изменению этого мира, кто в социальных отношениях видит проблему и потенциал изменения, а не устойчивый стереотип – с другой.

Это противоречие требует более тщательного анализа. На одном полюсе этого противоречия – персонифицированный международный корпоративно-организованный капитал. Это - элита, реальные хозяева транснациональных корпораций (каждая из них обладает властью, сравнимой с властью иного государства; их деятельность координируется “суперкорпорациями”: национальными государственными и наднациональными корпоративными структурами типа Международного валютного фонда), осуществляющих своеобразный синтез бюрократически-тоталитарного подчинения и капиталистической эксплуатации.

На другом полюсе этого противоречия – те трудящиеся (лица наемного и свободного труда), кто способен практически противостоять этой власти, являясь субъектом социального творчества, способен к самоорганизации, самозащите, целенаправленному созиданию новых общественных отношений в экономической, в политической и культурной жизни.

Речь в данном случае идет не просто об осознании или не осознании классом наемных работников своих сущностных интересов. Дело, иными словами, не только в превращении “класса в себе” в “класс для себя”.

Выше было предложено *объективное* разделение на лиц, которые потенциально и реально (“в себе и для себя”) готовы включиться и включаются в социальное творчество - с одной сто-

в многочисленных западных исследованиях, трактующих эти изменения как отмирание классов и появление в качестве господствующей социальной силы “технократии”, “меритократии” и т.п. (См.: Pakulski J., Waters M. *The Death of Class*. London, 1996; Touraine A. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in Programmed Society*. London., 1974 и др.); подробный обзор источников по данной проблеме дан в сборнике “Социум XXI века”.

роны, и тех, кто ни потенциально, ни реально в это творчество не включится (а это едва ли не большинство наемных работников) – с другой. Кроме того, подчеркну, что к субъектам ассоциированного социального творчества относятся определенные представители не только наемных работников (хотя и по преимуществу - именно они).

Точно так же как буржуазные революции и реформы осуществляли не основные классы феодального общества (ни сеньоры, ни крепостные), а выросшие из их разложения новые общественные силы (по генезису преимущественно представители не господствующего класса, а “третьего сословия”), так же и социалистические преобразования будут осуществлять ни буржуа, ни наемные работники как таковые, а выросшие из их разложения (и по генезису преимущественно наемные работники) **субъекты ассоциированного социального творчества** (данная параллель была предложена А.Колгановым).

Именно этой общественной силе предстоит разорвать (через серию реформ и революционных изменений – см. подробнее мою книгу «Будущее коммунизма») тот порочный круг, о котором я писал во втором и третьем эскизах (для развития творческой деятельности нужны новые социальные отношения, освобождение труда, адекватной базой для генезиса которых является ... творческая деятельность); именно ей предстоит сконцентрировать столь мощную общественную энергию, которая сможет разрушить гегемонию корпоративного капитала и перейти к социальному творчеству, начиная с простейших форм пострыночного регулирования (всенародного учета и контроля и т.п.), формального освобождения труда, базисной демократии и т.п.

Вернемся к постулированному выше новому **социальному делению общества на субъектов (потенциальных и актуальных) ассоциированного социального творчества и тех, кто не способен преодолеть сложившиеся социальные рамки и собственные социальные роли.**

Оно позволяет предположить, что общество не просто разделяется на собственников капитала и наемных работников. Возникает еще одно (как бы по диагонали рассекающее традиционную классовую пирамиду) деление – здесь можно отследить **противоречие социально инертных лиц и тех, кто способен к совместному социальному творчеству** (существенно, что граница между этими “слоями” крайне подвижна).

Первые являются функцией корпоративно-капиталистических структур (от крупного менеджера до “рядового” наемного рабочего, озабоченного лишь проблемой выгодной продажи рабочей силы и соблюдения правил “порядочной жизни” - даже если он всей душой ненавидит эти правила; от рантье-миллиардера до мещанина-пенсионера, послушно соблюдающего

все навязанные ему условности существования в государственной корпорации).

Вторые – субъекты ассоциированного социально-экономического творчества – это те же наемные работники и лица свободных профессий, но пробудившиеся к самостоятельной деятельности по преобразованию общества в самых разнообразных формах.

Подчеркну, речь в обоих случаях идет не столько о социально-психологических установках (они вторичны), сколько об особом объективном социальном делении, обусловленном наличием (или отсутствием) включения индивида в объективный социальный процесс (и систему отношений) – социальное творчество.

Достаточно очевидно, что чем сильнее человек по своему классовому положению привязан к собственности, посту в иерархии и иным институтам господствующего мира отчуждения, тем труднее порвать ему с этой поработавшей связью и включиться в социальное творчество.

Можно предположить, что наиболее соответствующим неконформистской деятельности является статус свободного работника, включенного в коллективный, самими трудящимися организуемый творческий труд. Но такие формы труда пока что остаются исключением, более того, работник кооператива, например, в буржуазном мире приобретает многие черты, характерные для частного собственника, а поэтому *потенциально наиболее массовым субъектом позитивной борьбы с отчуждением* (субъектом социально-гуманистических реформ, а затем и народно-демократических, социалистических революций) *может быть наемный* (т.е. частично зависимый от капитала, но противоположный ему по своему классовому интересу; частично отчужденный от своих товарищей, вследствие конкуренции продавцов рабочей силы, но коллективистский по характеру своего труда) *работник, обладающий способностью к социальному творчеству* (в частности – высоким уровнем культуры и навыками коллективной самоорганизации).

Наиболее далеким от этой роли является собственник капитала и “обслуживающие” гегемонизм корпоративного капитала слои: высшие служащие транзакционного сектора и госаппарата (включая “верхушку” армии и полиции), лица, занятые “производством идеологии” (“встроенная” в мир отчуждения и воспроизводящая его своим трудом – например, в mass media и “массовой культуре” – интеллигенция), а также маргинальные, люмпенизированные и криминальные слои. Существенно также деление внутри этих “сил отчуждения” на субъектов гегемонии – они в значительной степени совпадают с классом эксплуататоров – и “рабов” гегемонии – как правило, это наиболее прижатые слои угнетенных. Последние при определенных условиях способны поддерживать как социалистические преобразования (но могут послужить

и опорой их вырождения), так и крайние формы гегемонизма капитала: фашизм, национализм и т.п.).

Несложно сделать вывод, что деление общества на социально-инертных членов общества и социальных творцов в основе своей обусловлено объективным *противоречием гегемонизма корпоративного капитала* (высшей на сегодняшний день формы отчуждения) и *ассоциированного социального творчества*. Несколькими условно описанное деление может быть проиллюстрировано схемой (естественно, существенно упрощающей реальные отношения), показывающей “наложение” и взаимообусловленность социально-классового (“капиталист – наемный рабочий” - со множественностью “слоев” между этими полюсами) и социально-творческого (деления на социально-инертных членов общества и субъектов социального творчества) делений общества.

В первом случае (вертикальное деление) представлены классы и страты, выделяемые по традиционным марксистским критериям, привязанным к месту человека в системе производительных сил и производственных отношений (с учетом надстроечных факторов) современного общества, где отношения постклассического капитализма соседствуют с пережитками внеэкономического принуждения. В качестве классообразующих (с учетом внутриклассовой стратификации) признаков берутся место в системе общественного разделения труда (в частности, деление на репродуктивный — доиндустриальный, индустриальный и творческий труд и т.п.); отношение к собственности (здесь можно добавить новый критерий — объем прав собственности, концентрируемых данной стратой: от положения реального хозяина через контроль за функцией распоряжения собственностью до отчуждения от собственности); характер освобождения/отчуждения (эксплуатации, подчинения) труда — от реально/формально свободного до наемного или даже личнозависимого труда; объем и способ получения дохода и др.

Во втором случае, представленном на схеме (диагональный разрез), “водораздел” проходит не по традиционным классообразующим признакам, а на основе иного базисного, материального социального критерия: бытия индивида как функции, объекта, “раба” отчуждения или субъекта ассоциированного активнотворческого преобразования общественных отношений (естественно, в соответствии с закономерностями их развития).

В отличие от классового деления, эта граница гораздо более подвижна и носит “мерный” характер (поэтому на схеме она изображена косыми диагональными линиями): каждый человек в определенной мере (а не абсолютно) является и “рабом” отчуждения, и субъектом ассоциированного социального творчества. К тому же эта граница крайне подвижна во времени и пространстве: в периоды революционного подъема, а тем более революций, граница резко смещается влево — широкие массы включаются в

социальное творчество; в периоды кризиса левого движения и усиления гегемонизма капитала растет конформизм, снижается социальнопреобразовательный потенциал. Поэтому так важно изменение этой меры, создание условий для все более массового, активного, умелого участия граждан в самостоятельном созидании своей общественной жизни.

Итак, *социальной базой созидания “царства свободы”* являются лица наемного и свободного труда в той мере, в какой они (1) являются объектом отчуждения и гегемонии капитала (в том числе эксплуатации); (2) осознали этот факт идейно (у них формируется соответствующее самосознание) и практически, начав противодействие этому гегемонизму и эксплуатации на основе самоорганизации; (3) обладают способностями (уровнем культуры) и опытом (“социальными мускулами”) для самостоятельного социального творчества, преобразования отношений отчуждения в отношении нового общества.

В разных странах, в разные периоды времени эта мера была и будет различной, но процесс формирования социальной базы генезиса “царства свободы” (а он, как и прогресс ростков этого нового социума, *нелинеен*) носит интернациональный характер и прямо связан в последние десятилетия с *антагонистическим характером процесса глобализации и интернационализации современного мирового сообщества* (этой проблеме будет посвящена следующая часть работы).

Последнее оказывается расколото не просто на богатых и бедных. Его противоречия ныне многослойны и сложны. В исходном пункте — противоречие трудящегося большинства стран “третьего” и “первого” мира, с одной стороны; транснационального и национального капитала тех же стран — с другой.

Трудящиеся стран “первого”, “второго” и “третьего” мира имеют существенные различия, касающиеся специфических условий отчуждения и эксплуатации (доминирование “цивилизованного” гегемонизма капитала и социального партнерства — в первом; “варварских” форм капитализма вкупе с внеэкономическим принуждением — в третьем случае), уровней культуры, организованности, опыта, т.е. потенциала социального творчества и др. В этих условиях существуют объективные противоречия между трудящимися “бедных” и “богатых” стран. Противоречие “Север” — “Юг” создавало и создает основы для “классового мира” антагонистических классов в обеих группах стран. В “богатых” — для защиты своих “общих” привилегий (отсюда почва для расизма, поддержки милитаризма, “нового мирового порядка” снизу в развитых странах). В “бедных” — для совместной борьбы против гегемонии “Севера” (отсюда основания для национализма, сепаратизма и милитаризма в развивающихся странах).

Пронизывающие весь современный мир противоречия труда и капитала — с одной стороны; конформистов (субъектов и

“рабов” гегемонизма капитала и бюрократии) и субъектов социального творчества — с другой; граждан отстающих и развитых стран — с третьей, создают крайне сложную картину расстановки социальных сил в современном мире.

В результате *борьба против национального угнетения, неоимпериализма приобретает амбивалентный характер*: накладываясь на конформизм, зачастую приобретающий в странах “третьего” и “второго” мира агрессивно-консервативные формы, эта борьба выливается в поддержку авторитарных, патриархальных, полуфеодальных движений; “ностальгию” по “развитому социализму” и т.п. В то же время борьба за национальное освобождение и новый тип международных отношений становится неотъемлемой частью социалистических преобразований, если она опирается на интернационализм, ведется на основе совместного с ассоциациями трудящихся развитых стран (иначе успеха не добиться) созидания новых форм общественной жизни в национальном и интернациональном масштабе — от социально, гуманистически ориентированных реформ до народно-демократических и социалистических революций.

В свою очередь конформистское большинство трудящихся развитых стран способно, проявляя шовинизм, поддерживать гегемонизм “отечественного” корпоративного капитала или, напротив, может сформировать большинство, ориентирующееся на интернациональное решение проблем освобождения трудящихся.

В результате “рабы” отчуждения в странах “Севера” и “Юга”, ориентируясь на национализм или шовинизм, поддерживая свои элиты, фактически консервируют, укрепляют власть корпоративного капитала в развитых странах, бюрократических националистических режимов — в развивающихся, что ведет к увековечиванию нынешних мировых антагонизмов. С другой стороны, поднимаясь до интернационализма, международных форм совместного социального творчества, его субъекты создают *интернациональную социальную базу социалистических преобразований* в борьбе (путем реформ и революций) как против мировой гегемонии корпоративного капитала, так и против национализма и сепаратизма.

Так же и *социальная база борьбы против глобальных угроз человечеству* формируется в конечном итоге из той части общества, которая в силу своих жизненных условий способна воспринять, осознать приоритетность этих общечеловеческих проблем. Прийти же к такому осознанию можно (1) теоретически (это была и будет узкая “интеллектуальная” часть этих движений), (2) практически (что становится участью все большего числа граждан, сталкивающихся с экологическими проблемами, ужасом войн, геноцида и т. п.) и (3) через высшие формы организованной борьбы за социализм (трудящиеся, являющиеся субъектами социального творчества).

Лишь соединение этих трех сил в конечном итоге может дать социальную базу для решения глобальных проблем по мере изменения общественных отношений в международном масштабе. Только в этом диалоге первые две группы смогут на деле (в опыте совместной борьбы за реформы и т.п.) убедиться, что глобальные проблемы неразрешимы без создания новых социальных отношений (отношений “царства свободы”), а третья — в невозможности социальных реформ (а тем более — революций) вне решения глобальных международных проблем; в недопустимости поддержки сил национализма, милитаризма, экспансионизма; курса на тупиковую модель “общества потребления”, угнетающего культуру (и, в частности, природу) Земли.

Акцент на внутренних противоречиях в среде трудящихся и “диффузии” класса буржуазии, на проблемах интернационализации и глобализации, — все это требует критического “снятия” классических марксистских представлений об *исторической миссии рабочего класса*.

Понимая переход к новому обществу как прежде всего глобальную трансформацию всего мира отчуждения (а не только капитализма) в постэкономическое, постиндустриальное общество, мы de facto ставим под сомнение старый тезис об индустриальном пролетариате как главной движущей силе социалистических преобразований. Выдвигается более сложная концепция (многие ее слагаемые давно известны “новой” генерации левых Запада).

Да, в той мере, в какой в современном мире сохраняется индустриальный труд и “обычная” задача борьбы против капиталистической эксплуатации, индустриальный пролетариат будет потенциально наиболее активным субъектом этой борьбы, но опять же не весь, а лишь та его часть, которая “возвысится” до практического понимания своих классовых интересов. Эти задачи были и остаются актуальными для новых индустриальных стран и, в значительной мере, для стран второго мира.

Более же сложные задачи формирования массовых демократических движений, осуществляющих практические реформаторские шаги по хотя бы частичному преодолению отчуждения, будет осуществлять та часть лиц наемного и свободного труда, которая обладает желанием и способностью самим строить по-новому свою жизнь. В большинстве своем в странах с развитым технологическим и культурным потенциалом это будет преимущественно социально активная часть “рядовой” интеллигенции — наемных рабочих, включенных в коллективный и (хотя бы отчасти) творческий труд (инженеров и учителей, программистов и врачей), а также квалифицированных рабочих (в традиционном индустриальном пролетариате такие лица составляют меньшинство).

Именно из этих социальных слоев, накопивших опыт творчески-преобразовательной деятельности, может при определенных

(описанных выше) условиях сформироваться субъект будущих преобразований. В то же время интеллигенция, воспроизводящая культурно-идеологическую гегемонию капитала (работники mass media и т.п.) в большинстве своем по роду своей жизнедеятельности окажется “по другую сторону баррикад” в борьбе за преобразования, направленные на прогресс ростков “царства свободы”. Лишь в период кризиса системы отчуждения эта часть интеллигенции будет генерировать из своей среды (и то как исключение) теоретиков и идеологов левого движения.

В этой связи хочу особо остановиться на проблеме: ***интеллектуалы и ассоциированное социальное творчество (в частности - социалистические преобразования).***

Для начала напомним сформулированный еще во второй части тезис: субъект творческой по содержанию конкретной деятельности (ученый, художник и т.п.; на западе таких людей часто называют “интеллектуалами”³) далеко не всегда становится субъектом ассоциированного социального творчества. Более того, “интеллектуалы” в условиях “позднего” капитализма играют, как правило, двоякую роль (иногда - одновременно).

Первая - роль “агентов” корпоративного капитала, тех, кто реализует его гегемонию: разрабатывает стратегию и тактику такой гегемонии, управляет ее реализацией (слой менеджеров), готовит “кадры”, осуществляет “идеологическое обеспечение” и т.п. Именно эти слои современная западная социология квалифицирует как новую элиту, предпочитая “не замечать” действительных хозяев корпоративного капитала (впрочем процесс диффузии первых и вторых - вполне реальная тенденция).

Вторая - “беглецов” (это, естественно, лишь видимостный уход) от социальных противоречий в мир культуры “в себе и для себя”, в этакую “башню из слоновой кости”. Для этого ухода есть немалые объективные основания, а именно - относительная самостоятельность воспроизводства и жизнедеятельности мира культуры. Но эта самостоятельность именно относительна: в целом в

³ Если исходить из тезиса о творческой компоненте как родовой черте Человека, то можно сформулировать следующий тезис: *все люди потенциально являются интеллектуалами, субъектами творческой деятельности.* Это качество “всего лишь” отчуждено от них в мире предыстории, общественного разделения труда, где эти функции оказываются сращены лишь с узким социальным слоем.

Более того, вполне понятно, что (1) *господствующие классы должны стремиться подчинить себе этот слой (без него они не могли бы воспроизводить свое господство ни духовно, ни - прогресс технологий и т.п. - материально), равно как и то, что (2) это подчинение всегда будет сталкиваться с антитезой - стремлением интеллектуалов к свободной творческой деятельности, что происходит из содержания их труда.*

условиях “царства необходимости” мир культуры (в узком смысле слова - мир сотворчества), креатосфера подчинены отношениям отчуждения.

Проблема включения интеллектуалов (как первого, так и второго “рода”) в ассоциированное социальное творчество крайне сложна (особенно для “агентов” корпоративного капитала) и упирается в некоторое *фундаментальное противоречие*⁴, лежащее в основе жизнедеятельности этого социального слоя. С одной стороны, интеллектуалы, как субъекты креатосферы, внеисторичны и относительно независимы от господствующих социальных отношений, отчуждения; с другой, они же, как агенты духовного производства, подчинены данным, исторически определенным отношениям отчуждения и, более того, являются одним из важнейших звеньев воспроизводства и развития этого отчуждения.

Данное отношение пронизывает практически любого человека, хотя бы отчасти включенного в творческую деятельность.

Акцент на этом противоречии позволяет нащупать ключ к решению проблемы включения интеллектуалов в ассоциированное социальное творчество. Этот ключ - “выведение” человека-творца (художника, ученого, учителя, управленца) из под власти отчуждения тем или иным путем. Это может быть создание адекватных материальных условий для его творчества (гарантированный доход и доступ к культурным ценностям), не связанных с отчуждением его деятельности (зарплата, карьера), продукта его труда (продажа картины или патентование открытия) или его личным подчинением (полурабство ученых на секретных объектах); это может быть включение в борьбу против власти отчуждения (участие в социальных, экологических, политических движениях); это может быть нечто третье (здесь автору и его коллегам следует немало поразмышлять...).

Выходя из под власти отчуждения интеллектуал оказывается потенциально способен включиться в ассоциированное социальное творчество.

Что именно превращает эту возможность в действительность - вопрос для меня открытый. Могу лишь предположить, что решающим обстоятельством здесь может стать лишь то, что гегемония корпоративного капитала подавляет действительно свободную творческую деятельность, а ассоциированное социальное творчество на практике докажет: эта общественная связь дает больший простор для конкретных видов творчества, нежели мир отчуждения⁵.

⁴ О противоречиях интеллигенции в условиях гегемонии см. Грамши А. Тюремные тетради. Ч.1. М., 1991, с. 374-408, 327 - 335.

⁵ В работах Л.Булавка показано, что в первые годы Советской власти многих художников и ученых привлекла к сотрудничеству с ней именно возможность более свободной и полной реализации своих творческих

Решающим препятствием на пути превращения этой возможности в действительность оказывался и окажется статус каждого интеллектуала как не только субъекта творческой деятельности, но еще и агента мира отчуждения (как правило, относительно привилегированного мелкого буржуа или “элитного” наемного работника), агента и “проводника” гегемонии корпоративного капитала. В то же время угнетенный и подавленный в ряде стран (например, современной России) статус лиц творческого труда может немало способствовать снятию этих препятствий.

Не менее сложной является и проблема возвышения до включения в мир культуры тех угнетенных слоев, кого отчуждение (в частности, капиталистическая эксплуатация) непосредственно подталкивает к борьбе за смену этого строя. Для них потребность в культуре возникает только в той мере, в какой они включаются в ассоциированное социальное творчество, ибо последнее требует от них не просто профессиональных знаний, но способностей к распределению, индивидуальному конкретному творчеству⁶.

Но наиболее значимым и сложным оказывается процесс соединения этих двух потоков: “возвышения” интеллектуалов до участия в социальном творчестве, а угнетенных социальных сил - до включения в мировую культуру. Именно здесь скрыта едва ли не главная проблема формирования массового субъекта социального творчества⁷. Но эту проблему в данной работе я не буду обсуждать далее.

В то же время не могу не сделать двух важных замечаний.

замыслов - от грандиозных театральных постановок на площадях до не менее грандиозных планов электрификации.

⁶ Эту связь в полной мере осознавали и практически прочувствовали практически все большевики “ленинской гвардии”. Да и сам В.И. Ленин многократно подчеркивал, что потребность в культуре у рабочих рождается по мере включения в простейшие функции учета, контроля, участия в управлении, которые в свою очередь, не могут реализовываться без культуры (Подробнее см.: Злобин Н. Культура и общественный прогресс. М., 1979; эта мысль также развивается в материале Л Булавка в сборнике “На пути к экономической демократии” (ч.2/).

⁷ Ранее эта проблема ставилась в более узкой и привязанной к практике рубежа XIX- XX веков форме: проблема соединения социалистической теории с рабочим движением. На мой взгляд, проблема принципиально шире и сложнее: соединение социального протеста и интенций социальных преобразований угнетенных слоев с мировой культурой, миром креатосферы и ее агентами.

Особо упомянута в этой связи провокационную и весьма спорную идею А.Грамши о партии как способе “выработки” “органической” интеллигенции пролетариата (См. Грамши А. Цит соч., с. 335 - 336).

Первое. Процесс “ухода” от индустриального общества с характерным для него объединением работников в обобществленные, дисциплинированные, солидарные трудовые коллективы, где названные выше качества диктовались самим содержанием трудового процесса, порождает и проблему отсутствия достаточных материально-технологических оснований у возникающих добровольных ассоциаций.

У индустриальных трудовых коллективов основанием для объединения и совместного социального творчества были и остаются не только единые социально-экономические интересы, но и технология трудового процесса, опыт коллективизма, взаимопомощи, кооперации.

Это порождало и порождает немало преимуществ для совместного социального творчества (среди главных - солидарность, дисциплина, совместная трудовая деятельность). В то же время те же обстоятельства - обобществление производства, индустриальная организация труда - способны порождать мощную интенцию авторитаризма и подавления самоуправления как основы самоорганизации всякой свободной ассоциации⁸.

У свободных ассоциаций, не привязанных к коллективному трудовому процессу (экологических, творческих и т.п. союзов), нет ни этих преимуществ, ни этих недостатков. У них есть плюс - действительно свободное и добровольное (не диктуемое внешней силой - будь то даже единство трудового коллектива) объединение - и минус - слабость основ этого союза, присутствие мощных центробежных сил (они особенно значимы, когда члены таких союзов по своему социальному статусу - мелкие буржуа, “частники”).

Как соединить преимущества первых и вторых союзов, избавившись от их недостатков и “возвысив” их до действительно свободного, добровольного, но в то же время дисциплинированного и солидарного ассоциированного социального творчества - проблема для меня открытая.

Социальная структура современного постклассического капитализма

«КОНФОРМИСТЫ»
(Субъекты гегемонизма)

⁸ Отсюда и широко известная (но не прямая и не обязательно реализуемая исторически) связь: индустриальный труд - обобществление - дисциплина - авторитаризм (вплоть до сталинизма). Кстати, индустриальный базис на капиталистическом предприятии - от фабрики до фордовских комбинатов - порождает жесткую диктатуру капитала и поставленных им управленцев.

корпоративно-капиталистическая элита
(субъект гегемонизма корпоративного капитала)

средняя буржуазия, высшие менеджеры,
“элитная” интеллигенция и др. лица,
непосредственно “осуществляющие”
гегемонизм корпоративного капитала

мелкая буржуазия, фермеры,

служащие транзакционного сектора

субъекты свободного творческого труда

ассоциированные работники-
схозяева

СУБЪЕКТЫ
АССОЦИИРОВАННОГО
СОЦИАЛЬНОГО
ТВОРЧЕСТВА

наемные работники, занятые
творческим трудом (в том числе
“рядовая интеллигенция”)

наемные работники,
занятые репродуктивным
индустриальным или ручным трудом

работники, порабощенные не только экономическим, но и
внеэкономическим принуждением, патриархальными традициями и
т.п.

пауперы, люмпены и т.п.

«КОНФОРМИСТЫ»
(«ресурсы» гегемонизма)

Второе замечание. В условиях перехода к эпохе, где материальное производство вытесняется “производством” культуры, а индустриальный коллективный репродуктивный труд — всеобщим творческим, особое значение приобретает приобщение к реформаторским и революционным социальным действиям отдельных личностей, обладающих особым, уникальным творческим потенциалом. Подобно тому, как в сфере общественного производства такой человек способен один созидать общественное богатство, по ценности превосходящее результаты труда тысяч “обычных” тружеников, так и в общественной жизни эти субъекты

творческой деятельности способны на действия, эквивалентные по своим результатам усилиям массовых движений.

Таковы некоторые черты *социальных сил современного (“позднего”) глобального капитализма, потенциально способных к “снятию” отношений отчуждения.*

Гораздо более сложным оказывается вопрос о социальных предпосылках снятия “царства необходимости”, рассматривая последнее как целостную историческую эпоху. Здесь уже анализ социальной структуры и соответствующих сил “позднего” капитализма оказывается недостаточен.

4.2. Снятие предыстории: предпосылки развития социального творчества

Проведённый анализ позволяет предположить, что к настоящему моменту человечеством накоплены достаточные средства для разрешения того фундаментального противоречия предыстории, о котором речь шла в начале третьего раздела - противоречия человека как функции объективных технологических, экономических и социально-политических процессов и как творца истории. Сформулированная выше гипотеза позволяет предположить, что это противоречие может быть разрешено за счёт преодоления отношений отчуждения и развития социального творчества. Каковы же лежащие в социально-политической сфере предпосылки, позволяющие осуществить этот шаг?

Прежде всего, напомним, что *вне* этой сферы определенные предпосылки генезиса социального творчества создаются самим прогрессом творческого содержания труда. Прежде всего это процесс превращения человека в творца, то есть личность, занятую преимущественно творческой деятельностью⁹.

Последнее само по себе означает, что качественно повышается культурный уровень такого человека, он превращается из потенциального конформиста в *потенциального* неконформиста (NB! *эта потенция становится реальностью только при условии включения субъекта особенной творческой деятельности - писателя, ученого - в непосредственное, актуальное социальное творчество!*) - человека, который в окружающем его материальном мире видит не устойчивые, раз и навсегда данные формы, подлежащие фиксации и воспроизведению, а *проблемы*. Он видит проблемное поле там, где остальные видят традиции, он видит необходимость поиска там, где остальные видят лишь необходимость воспроизведения, повторения стереотипов. Он видит *открытость этого мира*. Он видит культурные ценности в этом мире там, где остальные видят материальные предметы. Как таковой человек-творец оказывается потенциально способен к изменению не только материальных или культурных феноменов, лежащих вне социальной плоскости, но и к изменению социальных отношений, в частности, институтов.

Итак, *развитие творческого потенциала человека и накопление его культурного потенциала есть важнейшая предпосылка* (но, повторю, именно и только предпосылка, которая

⁹ Здесь есть и определенные “помехи”. Важнейшей из них является отмеченная выше “утилизация” творческих личностей корпоративным капиталом и превращение их, как уже было отмечено выше, в орудие гегемонии корпоративного капитала.

останется бесплодной или даже опасной, если не соединится с социальным творчеством) *прогресса социального творчества*.

Продолжим анализ возможностей разрешения названного противоречия предыстории и превращения человека в действительного творца истории.

Во-первых, к настоящему моменту человечеством накоплен огромный опыт преобразования всех предшествующих антагонистических обществ. Опираясь ли на цивилизационный подход или же на подход формационный - в любом случае, достаточно очевидно, что практически все предшествующие общественные формации и/или цивилизации так или иначе были подвергнуты сознательному отрицанию на протяжении многотысячелетней истории человечества. Люди сумели объединиться и через ряд успехов и потерь придти к отрицанию общества, основанного на подчинении природным закономерностям и традициям; диалектическому отрицанию обществ, основанных на азиатской деспотии, рабстве, феодализме; отрицанию первоначального капитала, предполагавшего жестокую эксплуатацию наёмного работника, включавшую 12-14 часовую рабочую неделю, чрезвычайно тяжёлые условия жизни большинства населения при роскоши и использовании индустриального потенциала для класса капиталистов. Человечество сумело пройти через сложную историю борьбы с колониальным рабством, которое обрекало три четверти человечества на условия жизни, близкие к добуржуазным формациям, а иногда и более жестокие, поскольку буржуазный гнёт соединялся с гнётом колониальным. Все эти отношения оказались изменены в результате революционных и реформационных действий различных общественных сил.

В последнее время эти отношения изменяются как бы в обратную сторону, и мощный поток социально-реформаторских и революционных движений начала, середины и второй половины двадцатого века сейчас как бы пошёл на убыль. Но давайте ещё раз вспомним о том, что на протяжении 40 - 50-ти лет XX столетия, начиная с 1917 года, человечество прошло через опыт многих социальных революций - от Октябрьской революции в России до победоносной борьбы на Кубе; а уже в 70-е гг. мы были свидетелями начала социалистических преобразований (хотя и неудачно закончившихся) в Чили и Португалии.

Человечество выстрадало систему социал-демократических реформ во многих странах Западной Европы, Канаде и многих других странах мира; попытки таких реформ осуществлялись и осуществляются в развивающихся странах.

Человечество прошло через опыт **“мутантного социализма”**, который тем не менее доказал, что изменения социальной

материи под воздействием сознательных действий организованных масс возможны¹⁰.

¹⁰ Категория “мутантный социализм” используется нами для квалификации общественной системы стран т.н. “мировой социалистической системы” по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе - новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков - “депо мутаций”, которые в большей или меньшей степени адекватны “чистому” виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для “естественного отбора”, выживания особей с определенным “депо мутаций”, для выделения нового вида. В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков (“депо мутаций”), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям (в том числе - существенно отклоняющимся от пути трансформации “царства необходимости” в “царство свободы”). Особенности “среды” - уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка - привели к тому, что из имевшихся в “депо мутаций” элементов возникшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы *бюрократизации*, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*. В результате возник мутант процесса генезиса “царства свободы” (коммунизма).

Это был организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к “среде” России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) - далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями мира отчуждения (мы их коротко обобщили в разделе 1.1.).

В результате в России сложился “мутантный социализм”, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Но *в силу тех же самых причин* (мутации “генеральных”, стратегических социалистических тенденций) этот “вид” не был адекватен для новых условий генезиса информационного постиндустриального общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, вызов новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века.

У сложившегося в рамках “социалистической системы” строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узок набор признаков (“депо мутаций”), позволявших приспособляться к дальнейшим изменениям “внешней среды”. Особенно слабыми и задавлен-

ными оказались именно собственно социалистические элементы (ростки “живого творчества народа”), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Поэтому именно в этих, *более благоприятных для генезиса ростков “царства свободы”*, условиях наш мутант развиваться не смог. Он захирел (“застой”) и вполз в кризис.

Когда “мягкая” модель социально-ориентированного капитализма 60-х - 70-х сменилась “жесткой” и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида - тогда, в середине 80-х, встал выбор: либо новая мутация старой системы в направлении к “царству свободы”, либо крах. Первое оказалось невозможно в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью (ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом).

Итак, мутантный социализм - тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму; это была общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Охарактеризовать эту систему как “мутантную” можно в сравнении не с абстрактным теоретическим идеалом, а с реальной тенденцией социализации и гуманизации общественной жизни.

Причины мутантной природы “социализма” (а вместе с тем причины возникновения и исторически скорого поражения этой системы) - не только традиционно отмечаемый исследователями низкий уровень индустриального развития России, малочисленность пролетариата и т.п. Проблема глубже - в том, что можно назвать *“ловушкой XX века”*: мир в целом был готов (в силу глубины противоречий) к разрушению существовавшей системы (особенно там, где она действительно прогнила), но он не был готов к сознательному созиданию качественно нового общества.

Как результат этой исторической “ловушки XX века” появились паллиативные формы разрешения противоречия между необходимостью изменений мировой империалистической системы и недостаточным потенциалом социалистических сил. Одной из таких форм стал мутантный социализм. Общемировые тенденции социализации (сознательное регулирование общественного развития, его ориентация на свободное развитие личности, коллективизм и массовый подъем трудящихся к созиданию нового общества - “энтузиазм”, социальная справедливость) в этом мире впервые возникли в массовых масштабах, но приобрели вид бюрократических мутантов (командной экономики, подавления личных прав и свобод, всеобщего огосударствления, уравниловки и т.п.).

Другое дело, что опыт социальных преобразований на протяжении всего XX века часто приводил к появлению *мутантных результатов социального прогресса*, к появлению уродливых форм.

Но чудовища порождались отнюдь не только социалистическими экспериментами. Фашизм, ставший бичом двадцатого века, был порождён отнюдь не социализмом - это плод развития государственно-монополистического капитализма. Впрочем, первая и вторая мировые войны, гибель десятков миллионов человек, чудовищный милитаризм практически во всех развитых странах - это тоже продукты не социалистических экспериментов, а противоречий государственно-монополистического капитализма. Наконец, постоянные локальные войны, ведущиеся в современном мире, - это тоже плод гегемонии глобального капитала, ибо противоречия между первым и третьим мирами (а сейчас втянутыми в эти противоречия оказываются и страны второго мира) являются внутренними противоречиями современного корпоративного капитализма, достигшего глобального характера.

Но мы не будем увлекаться перечнем всех этих противоречий, лишь зафиксируем, что человечество накопило богатый опыт (как отрицательный, так и положительный) социально-преобразовательной деятельности. И, в конечном итоге, сравнивая столетия жизни добуржуазных обществ с современными социал-демократическими структурами развитых западных стран, мы можем зафиксировать значительный прогресс в области содержания и организации труда, системы экономических отношений, отношений социальной защиты, образования, доступа человека к культуре, соблюдения нравственных норм и т.д. хотя бы в отдельных анклавах человеческого сообщества.

Естественно, что эти изменения всякий раз сопровождались противоречиями, но иначе и быть не может в условиях господства отношений отчуждения.

Во-вторых, человечеством накоплен достаточно большой опыт действия сил, которые могут быть отнесены к понятию "*свободные ассоциации*", *осуществляющие социально-творческую деятельность* - "творение" истории руками свободных объединённых индивидов.

Основой генезиса и упрочения таких союзов является *процесс ассоциирования трудящихся*. Важнейшие слагаемые этого процесса - возрастание социальной, профессиональной, территориальной подвижности населения; объединение населения в классовые, профессиональные и иные союзы для самостоятельной и совместной защиты своих интересов; достижение "негативной" (от внеэкономического принуждения, личной зависимости)

свободы и “свободы” от частной собственности на средства производства¹¹.

Свое адекватное содержание процесс ассоциирования обретает тогда, когда главной социальной связью трудящихся, граждан становятся *добровольные, свободные, работающие ассоциации*. В них людей объединяет не внешняя сила (бюрократия, капитал), а их собственная личная инициатива, интересы, деятельность. Этот союз “по определению” является открытым, добровольным свободным; в него может вступить каждый, кто хочет добровольно и бесплатно *работать*, участвуя в деятельности профсоюза, экологического объединения и т.п. для совместной реализации или защиты своего (и своих товарищей) интереса; формы и методы действий ассоциаций подвижны и гибки, подчинены содержанию решаемой проблемы, а не интересам управляющей подсистемы (бюрократии).

Свободное ассоциирование *личностей* отрицает, “снимает” власть денег, капитала, бюрократии как механизмов объединения и взаимодействия людей. Примерами генезиса (естественно, в *переходных* формах, включающих элементы бюрократизма, рынка, власти капитала) таких ассоциаций являются профсоюзы, экологические, женские, молодежные движения, ассоциации, осуществляющие функции производственного и территориального самоуправления, народные фронты и т.п.

В условиях “царства необходимости” процесс ассоциирования никогда не может достигнуть всеобщности (общественное самоуправление), поскольку развивается преимущественно в двух видах: (1) превратных переходных формах корпораций и других бюрократических структур (“мнимая коллективность”), широко используемых капиталом и использовавшихся “реально существовавшим социализмом” и (2) рождающихся, реформистских и так же переходных, но “чистых”, адекватных природе будущего общества формах массовых демократических движений. Действительное массовое свободное ассоциирование трудящихся предполагает переход к новому обществу, в котором экономическая и политическая власть будут принадлежать трудящимся.

После этих предварительных замечаний мы можем сказать, что эти ассоциации развивались и развиваются в относительно чистых, хотя и переходных формах (включающих элементы как мира отчуждения, так и мира социального творчества), таких как социальные (профсоюзы и т.п.) и глобальные движения, широкий круг неправительственных общественных организаций и другие компоненты так называемого “третьего” сектора. Этот сектор не

¹¹ Теоретическая разработка проблем свободного ассоциирования содержится в наших с А.Колгановым работах (Реализация общенародных интересов и др.) и упомянутой в предыдущем разделе книге А.Аузана.

является ни государственным, ни частным или коммерческим, занимая изрядное место и играя всё большую роль¹².

Здесь требуется оговорка: что касается так называемых неправительственных организаций, то далеко не все из них могут быть отнесены к формам свободных ассоциаций. Часто это - лишь превратная форма коммерческих структур, прячущих свои деньги через деятельность общественных движений.

Особенно следует отметить, что среди примеров таких свободных ассоциаций существовало и существует много творческих организаций. Сегодня научная, художественная и т.п. деятельность очень часто строится как деятельность небольших творческих коллективов, получающих гранты или другие гарантированные источники доходов и обеспечения своей деятельности от государства или общественных организаций. В этой форме в качестве ростка (естественно, включающего и отчужденные, институциональные формы, отношения экономической необходимости, рынка, частной собственности, но, всё-таки, и элементы их снятия, генезиса креатосферы) “царства свободы” появляются новые социальные формы организации свободного творческого труда, несущие элементы адекватных для него форм добровольных свободных ассоциаций.

В-третьих, на протяжении XX века мир стал свидетелем появления огромного набора *превратных, мутантных форм социального творчества, попыток создания свободных ассоциаций в странах так называемого “социализма”*. Здесь возникло немало псевдоассоциаций, где власть бюрократии, номенклатуры подавила ростки свободного добровольного ассоциирования, идущего снизу. Но первые шаги этих ассоциаций (равно как и постоянные всплески идущей снизу инициативы) были не просто исключением. Они были одним из тех важнейших элементов обществ “реального социализма”, без которых эти системы не могли бы существовать. Энтузиазм, коллективизм, социалистическое соревнование, самоуправление, самоорганизация и добровольное объединение граждан в различные общественные организации, различного рода “общественная работа” - все эти ростки, безусловно, имели уродливую форму и сопровождалась бюрократическим принуждением, но они включали не только это принуждение. “Общественная работа” и деятельность всех этих структур во многом порождалась и действительной потребностью в новой деятельности, была рождением новых форм в странах социалистической системы.

¹² Тенденции развития этого сектора отражены во многих работах, упомянутых во второй части (я уже указывал, например, книгу Рыфкина “Конец работы”, где достаточно подробно описаны рост и усиление влияния третьего сектора).

Видимо, в дальнейшем придётся специально изучить все эти ростки, и автор отчасти проделал такую работу в книге *“Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности”* (М., 1988), а также в работе *“Анатомия бюрократизма”* (М., 1988), написанной совместно с А.Колгановым, и в ряде других (хочу обратить внимание также на очень содержательную книгу А.Колганова *“Путь к социализму: трагедия и подвиг”* /М., 1989/).

Сейчас лишь упомянем, что такое исследование необходимо, и для него целесообразно использовать методологический приём очищения содержания социализма от тех превратных, мутантных форм социализма (социализации, свободного ассоциирования), которые существовали в условиях “реального социализма”. Необходим поиск в них крупиц действительного социального творчества граждан - это методологическая установка, которую необходимо реализовать в будущем.

Наконец, фиксируя предпосылки превращения человека в свободного творца истории, следует также подчеркнуть ещё раз, что *огромный запас культурных богатств, накопленный человечеством, общедоступность культуры, возможность быстрого массового образования и постоянной переквалификации граждан* - все эти предпосылки сегодня уже достигнуты.

Другое дело, что, как правило, они остаются именно предпосылками, именно абстрактными возможностями. Эти возможности сегодня реализуется, главным образом, в развитых странах, а для большей части человечества, живущей в развивающихся государствах, они остаются во многом лишь потенциальными. Более того, даже в развитых странах эта общедоступность, как правило, реализуется не в форме развития креатосферы и не для ее прогресса, а в превратных формах прогресса “информационного общества”, “общества профессионалов”, с целью укрепления гегемонии капитала.

Последнее было прокомментировано выше, поэтому можно сделать вывод: *человечество накопило достаточный потенциал для того, чтобы снять социальные противоречия предыстории и перейти от господства отчуждённых институциональных форм, закрепляющих гегемонию корпоративного капитала и утверждающих превратные формы процесса рождения креатосферы, к формам, адекватным для такого процесса: базисной демократии, самоуправления, свободного ассоциирования.*

Более того, можно считать отчасти обоснованной гипотезу, что сегодня в мире нелинейно, но последовательно формируется *интернациональный субъект свободного социального творчества*, без которого материально-технические и материально-социальные предпосылки перехода к обществу, лежащему “по ту сторону” царства экономической необходимости, не могут быть реализованы. Для генезиса этого субъекта накоплен достаточный

опыт, для этого созданы достаточные культурные предпосылки, для этого существует необходимый потенциал в области социально-политических преобразований старого мира.

Но сегодня мы сталкиваемся с обратной тенденцией - тенденцией возрастания роли и укрепления институционально-политических форм гегемонии корпоративного капитала.

К причинам этого процесса мы вернёмся чуть позже. А сейчас хотелось бы подчеркнуть, что снятие мира отчуждения предполагает и ещё один пласт изменений: снятие отношений духовного производства и идеологии при прогрессе культуры как мира креатосферы, мира сотворчества и диалога, субъект-субъектных отношений.

4.3. Снятие духовного производства

Выше автор так или иначе многократно обращался к сфере духовного производства, идеологии (там же были даны и определения этих понятий), и сейчас нам предстоит лишь подытожить все те логические и теоретические “выходы” на эту сферу, которые были зафиксированы выше.

Это, прежде всего, вывод о качественном изменении своего рода “материально-технической базы” и технологии духовного производства.

Среди таких изменений, характерных уже для сегодняшнего мира, хотелось бы подчеркнуть, во-первых, компьютерную революцию и создание информационных сетей, что *потенциально* позволяет сделать информацию и “спрятанную” в информационном продукте культурную ценность общедоступной и всеобще распространяемой (без каких-либо существенных материальных ограничений и практически одновременно, без потерь времени).

В принципе, этой же цели могли бы служить и средства массовой информации во всём их многообразии и прежде всего электронные средства массовой информации.

Наконец, даже “традиционные” материальные основы духовного производства (такие как кино, книгоиздательство и т.д.) сегодня находятся на таком уровне производительности и качества, что фактически не создают материальных, технических границ для распространения культурных ценностей.

Тоже самое касается и революции в области образования. И хотя эта *образовательная революция* сводится ныне как правило к формированию человека-профессионала, частичного работника и частичного человека, тем не менее даже потребности в высоко профессиональной деятельности во многих сферах требуют определенного минимума общекультурной подготовки, что сегодня осуществляется в системе среднего и, отчасти, высшего образования.

Да, сегодня даже среднее образование далеко не везде и всегда общедоступно, а высшее вообще отнюдь не стало ещё таковым. Но существенно, что возросшая производительная сила человеческого сообщества и достаточно большой опыт деятельности образовательной сферы к концу XX века привёл к тому, что человечеством уже накоплен потенциал для всеобщего не только образования, но и формирования творческой культурной личности. Для этого есть достаточно высоко квалифицированные работники, прежде всего учителя; для этого есть определённая материальная база и другие предпосылки.

Другое дело, что мировое распространение этого процесса пока затруднительно и при данном уровне производительности не может быть осуществлено, если ... не произойдут качественные изменения, перераспределяющие высококвалифицированную

рабочую силу из “превратного сектора” в сферы образования, развития и распространения подлинной культуры. Но это материя, о которой уже не раз упоминалось, поэтому я ограничился лишь напоминанием, что такие возможности и такая необходимость для снятия ограниченных форм духовного производства существуют.

В качестве небольшой ремарки замечу: *сформулированные в этой работе теоретические тезисы эмпирически почти не обоснованы* (хотя в ряде цитированных работ по проблемам “революции знаний”, равно как и в не упоминавшихся выше работах представителей советской школы экономики и социологии образования, можно найти немало аргументов в пользу этой позиции). Но автор их опускает - в силу специфики данной работы, жанр которой - метафизические эскизы к теме, но не фундаментальная научная монография.

Итак, налицо необходимость и возможность снятия духовного производства. С одной стороны, развитие творческого содержания труда и необходимость преодоления социально-экономического и социально-политического отчуждения требует перехода от духовного производства, починающего человека обществу отчуждения в сфере общественного сознания, к торжеству мира культуры, креатосферы. С другой стороны, такие процессы, как развитие телекоммуникаций, компьютерная революция, революция знаний, широкое распространение образовательных технологий – все эти процессы, даже в тех превратных формах, которые характерны для них сегодня, создают возможность, необходимые предпосылки для превращения истории материальных отчуждённых общественных отношений в историю культуры, для своего рода “оживления”, актуализации мировой культуры и перехода человечества к эре господства креатосферы.

Но все это пока остается лишь потенцией. Вопрос в том, как она реализуется, и прочему мы сегодня сталкиваемся со многими антитезами этому процессу. Это и есть та тема, которой нам предстоит заняться ниже.

4.4. Генезис креатосферы: социально-экономические и духовные препятствия

Характеризуя своеобразные попятные движения в социально-политической области, которые сегодня приводят не к подрыву, а к укреплению гегемонии корпоративного капитала, создавая изрядные препятствия на пути движения к креатосфере, хотелось бы сделать прежде всего следующий акцент. Эта гегемония в ее современных формах, базируясь на повысившейся производительности труда и развитии общества потребления, создает новые предпосылки для *конформизма в среде наёмных работников* (а они, напомним, потенциально могли и должны были бы быть основным субъектом изменения существующего общества). Это касается в том числе и *наёмных работников, труд которых включает существенный творческий элемент*. Для последних особенно характерно то, что они, как уже было сказано выше, не только непосредственно подчинены гегемонии корпоративного капитала, но и *воспроизводят своим трудом эту гегемонию*, порождают её, являясь творцами и созидателями ее механизмов, форм, институтов и действий.

Так, системы управления, характерные для господства корпоративного капитала и стабилизирующие эту систему господства (это касается и управления внутри корпораций, и государственного управления), воспроизводят все необходимые компоненты этой гегемонии. Воспроизводятся, во-первых, институциональные, правовые условия этой гегемонии; во-вторых, система образования, формирующая человека, отчуждённого от функции социального творца, человека-мещанина, конформиста; в-третьих, адекватная этой гегемонии система культурных ценностей (что осуществляется, прежде всего, через массовую культуру и идеологию современного корпоративного капитала); в-четвертых, ... перечень легко продолжить. Все это – мощные социально-политические механизмы торможения процессов качественных (революционных) преобразований нынешнего мира отчуждения.

Другое дело, что существуют и контртенденции, о которых мы говорили выше – это формирование потенциального субъекта социального творчества и т.д., но предмет данного заключительного раздела четвертой части - это контртенденции, и именно их мы сейчас рассматриваем.

Продолжим их анализ. В третьем разделе мы подвели анализ вплотную к тому, чтобы сделать вывод: сегодня в мире сложилась достаточно *устойчивая и самовоспроизводимая структура корпоративного капитала*, которая сверху донизу *пронизывает социальные отношения современного человеческого сообщества*.

Вершина этой структуры – элита корпоративного капитала, в которой соединены представители высших слоёв как частных

корпоративно-капиталистических образований, так национальных и интернациональных государственных образований. И это - не просто высшие менеджеры, “вышедшие из народа” (хотя кто-то из представителей этой элиты, подобно советским членам политбюро в прошлом, может быть сыном рабочего или рядового интеллигента). В современном глобальном мире существует не просто класс капиталистов. *Сложилась новая “номенклатура”*, которая достаточно устойчиво воспроизводится. В ее среде сложились традиции определённых отношений, в том числе и отношений между поколениями, когда дети высших чиновников и боссов государственного аппарата, менеджеров и частных собственников оказываются студентами привилегированных колледжей и университетов, позже попадают на высокие престижные должности и затем, подобно номенклатуре советского времени, могут перемещаться из государственного аппарата управления в офисы корпораций и обратно, из руководства армией в сферу патронажа деятельности образовательных структур или науки и т.п.

Так формируется корпоративно-капиталистическая номенклатура, как система полузамкнутых элитарных социальных структур. Она по ряду качеств отлична от традиционного класса капиталистов, включая не только частных собственников капитала, но и сращенных с ними лиц, формально являющихся наемными работниками или “лицами свободных профессий”, но на деле спаянных с “классическими” капиталистами в единую господствующую силу, опирающуюся на систему сложных, связанных не только с экономическим господством, но и со сложной совокупностью внеэкономических социально-политических, духовных, технологических механизмов подчинения человека корпоративному капиталу.

Существование и власть этой номенклатуры является важнейшей антитезой для развития социального творчества, ибо она монополизирует все основные функции контроля над обществом, управления обществом, причем не обществом как единым целым, а обществом как совокупностью разделённых властных пирамид – пирамид-государств, пирамид-корпораций, пирамид-интернациональных институтов и т.д. На эту систему власти работает и современная политическая структура: парламенты и партии, которые мало чем отличаются друг от друга, но обслуживают борьбу этих пирамид; сложнейший и высоко эффективный репрессивный аппарат, включающий и разнообразную тайную полицию, и армию, и специальные войска; формируемая государством и корпорациями идеология и многое другое.

На это же нацелены и другие функции государства, которые на данном этапе развития социума во многом являются объективно необходимыми и выполняют позитивную роль, но оказываются подчинены господству корпоративного капитала. Это крайне важный момент, ибо и функции защиты национальных государственных интересов в условиях современных геополитиче-

ских противоречий, и функции регулирования социально-экономической жизни, и функции обеспечения социальной защиты, и многие другие позитивные функции государства оказываются монополизированы номенклатурой корпоративного капитала, что способствует усилению господства корпоративной элиты.

Подводя итог сказанному, зафиксировав важную *противоречие, характеризующее политическую форму гегемонии корпоративного капитала*: демократия (в форме современной буржуазной демократии) оказывается, с одной стороны, важнейшим достижением и предпосылкой перехода к миру, лежащему “по ту сторону” отчуждения; с другой стороны - наиболее эффективным механизмом косвенного, но всестороннего и мощного подчинения человека институтам отчуждения в современном мире, что позволяет в рамках относительно мирного, минимально конфликтного процесса социально-политически подчинить большую часть общества номенклатуре корпораций.

Оборотной стороной господства этой элиты и предпосылкой её воспроизводства является *конформизм и подавленность масс*. Существенно, что в развитых странах люди как бы “куплены” и *подчинены обществу потребления*, обеспечивающему двум третям представителей “золотого миллиарда”, с одной стороны, высокий стандарт удовлетворения утилитарных потребностей; с другой, - необходимость постоянной борьбы за их удовлетворение.

Эта двойная игра, постоянная погоня за удовлетворением утилитарных потребностей воспроизводится всеми компонентами гегемонии корпоративного капитала: технологией репродуктивного труда (который вызывает у человека желание лишь утилитарно потреблять); экономическими отношениями (работу за зарплату); формальной демократией; господствующими формами духовного производства, где доминирует массовая культура, воспроизводящая утилитарные потребности и ценности. Через всю эту пирамиду социальных отчуждений у человека формируется потребительский стереотип, и он воспроизводит конформизм и подчинение данного человека корпоративному капиталу, в свою очередь создавая основы для власти этого капитала.

Оборотной стороной этого потребительского общества, этой “сытости” двух третей населения развитых стран является *нищета и обострение национальных конфликтов в странах третьего мира* (об амбивалентности национально-освободительных движений мы уже размышляли выше) *и среди угнетенных “низов” развитых стран*.

Результатом противоречия между первым и третьим мирами равно как и внутренних противоречий между различными структурами корпоративного капитала, становится перманентно воспроизводящаяся и усложняющаяся *система отношений насилия*.

Наиболее опасный и разрушительный их компонент уже был упомянут: это две мировых и постоянные “локальные” войны. После разрушения “мировой социалистической системы” мир, пронизанный отношениями корпоративной власти, обладающей мощными военными структурами, оказался в положении, когда массовое прямое сопротивление власти капитала ведущих развитых государств становится практически невозможно. Только эти государства обладают ядерным оружием, репрессивной мощью уникальных по своей силе армий и других репрессивных структур (включая тайную полицию, разведку, специальные войска и т.д.), которые подавляют мир и делают практически невозможным или затруднительным сколько-нибудь масштабные военные или другие прямые действия против власти этих структур.

Однако обратной стороной, реакцией на попытку монополизации права на насилие и самого насилия является *рост терроризма*. Эта специфическая для современного мира функция - функция иррациональной реакции на монополизацию насилия корпоративными структурами - становится действительной угрозой для человечества (сразу отметим, что корпоративный капитал и его структуры, например, секретные службы, сами систематически используют террор).

Терроризм (например, в таких формах как захват заложников) стал несчастливым феноменом конца XX века, ибо это эпоха, когда (вследствие всех выше названных процессов, начиная господством институтов буржуазной демократии и заканчивая возрастанием роли “человеческого фактора”) мир пришёл к осознанию ценности человеческой жизни и человеческой личности. Ещё столетие назад угроза уничтожения нескольких десятков или даже сотни “рядовых” граждан вряд ли послужила бы сколько-нибудь серьёзной. Сегодня, когда эти лица являются как правило гражданами развитых государств, в которых господствуют отношения демократии, и всё-таки развито до определённого уровня почитание гуманизма и ценности человеческой личности, захват заложников становится орудием для террористических действий.

Эти рассуждения являются отнюдь не оправданием терроризма, но объяснением, почему именно террористические действия становятся особенно важными в условиях повышения значимости человеческой личности.

В принципе можно прогнозировать, что в ближайшей перспективе *отношения терроризма могут распространиться на наиболее значимых граждан человеческого сообщества*. Причем, это будут скорее всего лица, значимые не столько в силу их положения в политической структуре или близости к номенклатуре корпоративных образований (эти личности вряд ли могут стать объектом терроризма, они слишком хорошо охраняются господствующими структурами), сколько творческие богатые личности: учёные, инженеры, новаторы, деятели культуры. Уникальность последних,

их высокая значимость для человеческого сообщества становится предпосылкой для такого рода террористических акций.

То же самое касается и уникальных природных объектов или объектов с крайне опасными технологическими процессами, оружия массового уничтожения и многих других потенциальных и актуальных объектов террористической деятельности.

Итак, не только организованное массовое насилие, связанное с мировыми и локальными войнами, наличием оружия массового уничтожения, но и обратная сторона монополизации насилия корпоративными структурами в лице терроризма – все это характеризует как бы *“попятный” процесс возрастания отчуждения в самых жестких его формах – насилия - в конце XX века.*

Характеризуя развитие как бы “попятных” процессов, торозящих процесс развития креатосферы в области духовного производства, подчеркнём особо заметную в конце XX века тенденцию *“декультуризации” общественной духовной жизни* (понимая под культурой интенсивный и открытый для всех, не только элиты, процесс сотворчества).

На смену своеобразию относительного культурного ренессанса середины XX века с его шедеврами кино и литературы, преклонением перед наукой и образованием, идет процесс восстановления господства именно духовного производства. Это господство вообще является отличительной чертой предьстории и, в частности, эпохи гегемонии корпоративного капитала (относительные всплески культуры в периоды, неслучайно корреспондирующие с ростом социального творчества и элементов освобождения человека, его деятельности, не отрицают этой закономерности).

Ныне, повторю, идет волна нового наступления духовного производства эпохи mass media и информационных технологий. Это мир, где идеи и ценности не рождаются, но тиражируются; где, более того, на культурные ценности как бы “надевается” превратная форма (“информационный продукт” и т.п.), характерная для общества отчуждения; где новые знания превращаются в средство для извлечения дополнительной прибыли; где рост культурного потенциала становится средством для профессионального роста и повышения заработной платы, в свою очередь служащей средством повышения утилитарного потребления; где культурные, художественные ценности превращаются в объект для массовой культуры, а из “Анны Карениной” делают боевик, главная интрига которого состоит в том, чтобы понять, убийство или самоубийство произошло, когда женщина погибла под колесами поезда (последнее не шутка, а аннотация с кратким изложением содержания романа Л.Толстого в одной из книг небольшого объема, изданной в своё время в США).

Вновь подчеркну: *основная тенденция духовного производства - подчинение и “переворачивание”, превращение культурных ценностей в объекты отчуждённого мира за счёт “вы-*

давления” их культурной сущности и развития лишь формы отчуждённого сознания. Кроме того, в мире духовного производства происходит отражение отчуждённых форм, характерных для экономических и социально-политических отношений. Этот мир увековечивает в идеологических и нравственных нормах, в произведениях культуры, в общественной науке, образовании (увековечивает, одевая на них свои превратные формы, подчиняющие себе их содержание) господство частной собственности и капитала, статус человека как наёмного работника, утилитарные ценности, государство как аппарат насилия и т.д. и т.п.¹³

Итак, тиражирование культурных ценностей, при наведении на них превратных форм, убивающих культурную ценность, - во-первых; отражение системы отношений экономического, социального и политического отчуждения - во-вторых; создание духовных предпосылок и интенций для воспроизводства этого отчуждения - в-третьих, – таковы важнейшие сферы “ренессанса” современного духовного производства. (Последний - третий - тезис требует некоторого пояснения: человек - это существо не только материальное, но и духовное, и без воспроизводства духовных форм отчуждения, материальное отчуждение существовать никогда бы не могло.)

В результате этих характерных для конца XX века процессов “декультуризации” и “ренессанса” духовного производства в мире утверждается *идеология корпоративного капитала*. Она сводит духовные ценности, идеалы и цели к тем ценностям, идеалам и целям, которые продуцируются, воспроизводятся корпоративным капиталом и позволяют ему воспроизводиться. Наиболее типичными оказываются два типа такой идеологии.

Первый - прямое подчинение человека господствующим нормам, своего рода *империалистический патриотизм*. В этом случае духовное производство доказывает через все доступные средства - науку и искусство, образование и воспитание, повседневную жизнь - и во всех проявлениях - от научных трудов до

¹³ В этой связи не могу не упомянуть увиденный мной в момент написания этой работы нашумевший американский фильм “День независимости”, в котором прямая идеологическая пропаганда мощи американской армии и будущего всеобщего господства американской нации, утверждение Дня независимости США как дня независимости человечества от неких мифических инопланетных завоевателей - все это превращается в высшую цель и ценность фильма. Мало того, что этот фильм обладает малой культурной ценностью как произведение искусства (главным образом в нем акцентируется внимание на формальных технологических актах разрушения и спецэффектах); он воспроизводит к тому же чисто идеологически, пропагандистки отчуждённые формы господства американского военного аппарата, политической структуры не только в данной стране, но и в мире в целом.

рекламы, от боевика до армейского устава, - что такие феномены экономического отчуждения как рынок с характерным для него денежным фетишизмом, утилитарными потребностями и т.д.; такие институты как капитал и частная собственность; такие механизмы как господство государственного аппарата, сращенного с элитой корпораций - все эти нормы, все эти институты, все эти отношения благодаря идеологии корпоративного капитала утверждаются как вечные, незыблемые, естественные и единственно возможные.

Второй вариант развития идеологии корпоративного капитала (на самом деле, эти две формы соединены и являются двумя сторонами одного процесса) - это увековечивание мещанской, конформистской идеологии и соответствующих форм общественного сознания. Прежде всего, это увековечивание общества потребления, в котором высшей ценностью является обладание и потребление предметов, вещей, причём сами люди, личности превращаются в данном случае в функции социализированных вещей. Человеку внушается, что его ценность сводится к тому, сколько денег лежит у него на счёте, какой у него дом, какая у него машина и т.д. и т.п.

Аналогичным образом трансформируется *семья*, которая воспроизводится на основе не столько человеческих чувств, сколько на основе сохранения и воспроизведения частной собственности.

Дружба превращается в отношения партнёрства с обязательным заключением коммерческих соглашений, с оценкой издержек оппортунистического поведения и т.д. и т.п.

Любовь замещается сексом.

Культура - шоу-бизнесом.

Все это - не критика западного общества, а лишь констатация господства отчуждённых институтов духовного производства.

В завершение ещё раз подчеркну: важнейшими каналами, по которым поступает "потребителю" идеология корпоративного капитала в обоих её видах, являются монополизация СМИ, системы воспитания, обучения, образования и переобразования, коммерционализация и государственный контроль в сфере науки и искусства.

* * *

Выше, в виде нескольких эскизных набросков, я постарался показать некоторые закономерности снятия мира отчуждения на уровне технико-производственных, социально-экономических, социо-политических и социо-культурных отношений. Всякий раз при этом автор пытался указывать и на ростки

“царства свободы”, объективно возникающие в современных условиях.

Эти первые шаги с самого своего начала оказываются сопряжены с необходимостью преодоления глобальных угроз и глобальных противоречий. Человечество стоит сегодня перед вызовом: либо оно сможет решить эти глобальные противоречия и перейти к обществу, лежащему “по ту сторону” материального производства, “по ту сторону отчуждения”, либо эти глобальные противоречия будут законсервированы и (в лучшем случае) не разрешены, оставив человечество на грани катастрофы, а то и (в худшем случае) приведут к необратимым глобальным последствиям. Но этому будет посвящена последняя часть книги, где мы поразмышляем специально над проблемами глобальных катастроф и возможностей разрешения этих проблем в связи с генезисом мира, лежащего “по ту сторону” материального производства.

Но начну я анализ в следующей части с проблем интернационализации и глобализации.

ЭСКИЗ 5.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ СНЯТИЯ

5.1. Глобальная гегемония корпоративного капитала и предпосылки нового интернационализма

Двадцатое столетие сделало мир как никогда единым, взаимозависимым и одновременно уязвимым. Это единство обусловлено, прежде всего, наличием глобальных проблем (экологической, угрозы применения оружия массового уничтожения, перенаселения и др.), единых для всего человечества, разрешимых только при помощи международных усилий.

Эта характерная для рубежа столетий конкретная интернациональная всеобщность человечества, имеющая к тому же не умозрительный, а сугубо практический, донельзя актуальный характер, - важнейший императив для перехода к новому обществу - единой свободной наднациональной ассоциации людей. И в то же время едва ли не все человечество ныне оказалось в полной зависимости от борьбы крупнейших транснациональных корпораций и нескольких ведущих государств, прежде всего США. От этих же государств, по сути дела, зависит решение проблем мира и войны, выживания природы, преодоления или углубления массовой нищеты и т.п.

Но на пути решения глобальных проблем стоит не только власть корпоративного капитала развитых стран. Обреченные в большинстве своем на отставание (а в меньшинстве, в лучшем случае - на "догоняющее развитие", перспектива которого - подобие западного "общества потребления") страны "третьего", а ныне все более и бывшего "второго" мира оказываются "больны" не менее глубокими проблемами. Формирование в этих государствах корпоративно-клановых структур, монополистических объединений (часто зависимых от ТНК); нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания; гегемония мирового корпоративного капитала, давящего их экономику, разрушающего природу, развращающего местную элиту, - все это вкупе с культурным

и информационным империализмом создает основы для формирования новой угрозы мировому сообществу. Это – корпоративно-бюрократические режимы, ориентированные на сепаратизм, национализм и милитаризм как иррациональные средства решения проблем их отсталости и зависимого типа капитализма.

Являющаяся на первый взгляд исключением попытка строительства рыночного социализма в Китае и Вьетнаме мало изменяет общей баланс сил, ибо реальная власть в этих странах принадлежит корпоративно-бюрократической элите (эта элита и характер ее власти существенно отличны от гегемонии корпоративного капитала и бюрократических структур в других странах), ориентированной в большинстве своем на “мирное вращение в капитализм” при сохранении в своих руках главной экономической и политической власти. Перспективой для этих стран являются: либо траектория догоняющего развития, патерналистски-государственный капитализм (с социалистическими вывесками) и превращение через 5-10 лет в одну из сил, участвующих в борьбе за передел сфер мировой гегемонии, либо (в случае углубления уже наметившегося саморазложения пока единой корпоративно-государственной элиты) дорога кризиса, повторяющего процессы, протекавшие в СССР в конце 80-х гг.

Как бы не сложились в ближайшем будущем обстоятельства в Китае и других странах бывшей “мировой социалистической системы”, конец нынешнего тысячелетия ставит мир перед *фундаментальным противоречием нынешнего этапа развития глобального и интернационального мира отчуждения*. Глобальные проблемы создали возможность и необходимость единого развития человечества с целью реализации всеобщих и предельно конкретных, неотложных интересов, присущих каждому человеку на Земле (необходимость сохранения природы, мира и т.п.). В то же время реализация этих задач ныне зависит от узкого круга враждующих между собой корпоративно-капиталистических и бюрократических элит.

Нынешняя модель мировых отношений не может разрешить это противоречие. “Свободная конкуренция” и открытые границы становятся идеальным механизмом для того, чтобы страны, монополизирующие капитал, высокие технологии, военную мощь и контроль над международными организациями, могли “свободно” конкурировать с “третьим”, а также и со “вторым” миром. Иррационально (милитаризм, паразитический транзакционный сектор, вестизм и т.п.) растрачивая большую часть пока еще крайне ограниченного потенциала высокой производительности труда, корпоративный капитал неизбежно сохраняет “периферию”, где консервируются существующие в современном мире до-индустриальные и “грязные” индустриальные технологии, где при нынешнем типе международных отношений будут сохраняться нищета и жестокие внутренние конфликты.

Такой путь “интеграции” и глобализации мирового сообщества закономерно сопровождается ростом международного сепаратизма, внутренних и межнациональных конфликтов в “третьем” мире. Интегрирующийся “первый” мир не только “экспортирует” в развивающиеся страны наиболее жестокие из своих внутренних противоречий (создавая за этот счет большие возможности для самореформирования, обеспечивая большую устойчивость “общества двух третей”, “дозволяя” в ограниченных масштабах генезис различных форм социального творчества), но и провоцирует конфликты в “третьем” мире, действуя по принципу “разделяй и властвуй”.

Такова картина процессов глобализации с точки зрения современных левых.

Но это - скорее научная публицистика. Если же посмотреть на процесс глобализации как на научную проблему, то сказанное выше потребует несколько более строгой систематизации. Поэтому ниже я постараюсь выделить ряд “пластов” процесса глобализации, те черты “нового мирового порядка” (или, как любят говорить левые Запада, “нового мирового беспорядка”), которые этим процессом глобализации обусловлены и возможные альтернативы этим процессам. При этом я постараюсь показать, что собственно процесс глобализации есть феномен, порожаемый генезисом элементов нового качества социального развития в рамках “перезрелого” (“позднего”) капитализма, даже шире – всего мира отчуждения. Если уточнить эту абстрактную посылку, то можно сказать, что *глобализация есть форма противоречий всемирной гегемонии корпоративного капитала*.

Учитывая, что последнее понятие (гегемония корпоративного капитала) я худо-бедно раскрыл выше, мы можем воспользоваться им при анализе сути мировых процессов на рубеже тысячелетий, на рубеже эпох (“царство необходимости” – “царство свободы”).

В качестве первого “пласта”¹ процесса глобализации мы можем выделить новую глобальную макротехнологию человечества, характеризующуюся следующими чертами (они не просто постулируются – я их прямо вывожу, “вытаскиваю” из сути предыдущих размышлений).

Во-первых, *производительные силы достигли состояния глобальных*. Не только оружие массового уничтожения, но и современная энергетика, транспорт, химические и микробиологические технологии делают мир единым и целостным как с позитивной, так и с негативной точки зрения (возможности его уничтожения). В свою очередь проблема использования природных ресурсов обернулась своей противоположной

¹ Здесь и выше автор решил последовать марксовской традиции использования геологической терминологии.

стороной: сохранения, восстановления и развития природы как культурной ценности, т.е. оказалась глобальной проблемой, соединяющей различные государства (в пространстве) и различные поколения (во времени). Отныне использование в сколько-нибудь значительных (а именно - влияющих на состояние биогеоценоза) масштабах любого природного ресурса в любой стране становится глобальной во времени и в пространстве) проблемой, наличие которой необходимо учитывать при определении технологии производства, издержек, полезного эффекта этой деятельности.

Во-вторых, в мировом социуме складывается мощная система крайне противоречивых и далеко не всегда эффективных, но жестких зависимостей, которые я бы назвал в духе старых марксистских традиций *всемирным обобществлением*. Оно затрагивает не только международное разделение труда и крайне интенсивные потоки как сырья и материалов, так и готовых изделий, а также услуг².

Не менее важно то, что в мире в целом складывается и воспроизводится жесткая (и по сути своей крайне опасная и неэффективная) взаимозависимость. "Север", наследуя достижения столетий буржуазного развития и имея ограниченное, устойчиво воспроизводимое население с мощными традициями жизни в условиях рынка, создает (и монополизирует) высокие технологии, квалифицированную рабочую силу и возможности прорыва в постиндустриальные сферы, а также качественно более сильную армию, обладающую к тому же абсолютной монополией на это превосходство (запрет на распространение оружия массового уничтожения), поглощая при этом большую часть (до 80%) природных ресурсов и вывозя в третий мир грязные технологии, требующие массового использования низкоквалифицированной рабочей силы. "Юг", соответственно, поставляет развитым экономикам природные ресурсы, концентрирует доиндустриальные и грязные индустриальные технологии, в силу этого (а также господства добуржуазных традиций в образе жизни) оказывается обременен мощными демографическими проблемами и т.п.

Так складывается фундаментальное технико-производственное противоречие (о его социальных и политических аспектах – ниже) и в то же время технико-производственная, лежащая на уровне производительных сил, взаимозависимость двух полюсов современного глобального мира.

В-третьих, важнейшей чертой глобального характера производительных сил является распространение

² Воспользуюсь нестрогим примером: компьютер, на котором я пишу эти строки - не что иное как соединение американских технологий, азиатских комплектующих и российской сборки.

интернациональных информационных технологий и телекоммуникаций (простейшая иллюстрация – всем известная сеть Интернет, которая с момента своего рождения имеет всемирный характер). Впрочем, креатосфера по определению является всемирной, будучи миром всеобщих (а значит, принадлежащих в потенции всем – и во времени, и в пространстве) ценностей.

В “перезрелом” мире отчуждения эта черта глобализации приобретает особый аспект. Вспомним, что превратной формой прогресса креатосферы в этом мире является рост “превратного” сектора. В силу этого возможности прогресса креатосферы поглощаются этими превратными формами; процесс проглобализации начинает “питаться” высвобождающимися из материального производства ресурсами и сосредотачивается преимущественно в таких сферах как транзакционный сектор (особенно – финансы и торговля), милитаризм, бюрократия и т.п. Иными словами, в человеческом сообществе возникает возможность вырастить на месте, освоившемся в следствие сокращения материального производства, некую новую сферу. Господство корпоративного капитала незамедлительно реализует эту возможность для обеспечения роста своей гегемонии. Наиболее эффективно это можно сделать, развивая контролируемый ТНК и их межгосударственных ставленников (МВФ, Мировой банк и т.п.), мировой финансовый рынок и военные блоки, контролируемые ведущими государствами “Севера”.

Так, процесс глобализации оказывается направлен (даже на уровне производительных сил) в русло закрепления гегемонии транснационального корпоративного капитала, сращенного с верхушкой ряда государств (прежде всего – США и других стран “большой семерки”).

Рассматривая *второй* пласт процесса глобализации, исследуя его на уровне социально-экономических отношений, я хотел бы выделить ряд широко известных форм, обеспечивающих мировую гегемонию корпоративного капитала и “закрепляющих” предпосылки такой гегемонии, выделенные на предшествующем уровне.

Капитал, как производственное отношение, в условиях глобализации обретает ряд качественно новых признаков.

Во-первых, господствующей формой институциональной организации капитала становится *транснациональная корпорация* (понятие корпорация в данном тексте используется в марксистском смысле: институциональное оформление монополистического капитала, организованного как иерархическая закрытая структура, подчиненное капиталу объединение работников и их хозяев, противоположность свободной ассоциации; ТНК есть институциональная форма, содержание

которой вбирает в себя, снимает качество монополии, сращенной с банковским капиталом и государством). Транснациональной эта корпорация является уже потому, что (в отличие от “обычной” национальной корпорации-монополии) представляет из себя субъект гегемонии (в частности, монопольного локального регулирования, контроля, влияния на рынок и т.п.) в ряде государств. Более того, ТНК представляет собой меж- и над-государственную институциональную форму международного капитала. Как таковая ТНК способна оказывать локальное регулирующее воздействие на:

- ряд государств, срачиваясь с их верхушками, имея лобби в правительствах, парламентах, муниципальных структурах;
- мелкий бизнес (создавая международную, пронизывающую ряд государств зависимость мелких предпринимателей от данной ТНК; типичные примеры – мелкие предприниматели, связанные с деятельностью нефтяных компаний или ТНК, производящих какую-нибудь кока-колу, пиво или т.п.);
- потребителей, превращая их в стандартизованных в международном масштабе “клиентов”, создавая международную “клиентуру” или даже целые сообщества (“поколение, выбирающее пепси”);
- рынок рабочей силы (на котором складывается интернациональная, живущая по правилам единой власти – власти корпорации, армия работников, охватывающая десятки и сотни тысяч человек – от элиты менеджеров и разработчиков технологий в развитых странах до полунищих сборщиков в третьем мире);
- образ жизни в ряде стран (я уже упоминал о срачивании ТНК со средствами массовой информации, их влиянии на образ жизни внутри компании и вокруг нее; типичный пример: едва проникнув на российский рынок ТНК прямо и через своих агентов влияния, которые подчас и не подозревают об этой своей роли, качественно изменили образ жизни молодежи и средних слоев в крупнейших городах СНГ).

В результате “обычная” олигополистическая конкуренция снимается борьбой между корпоративными образованиями. В этой борьбе ТНК используют систему методов и средств, далеко выходящих за пределы “традиционного” арсенала конкуренции монопольных структур (я частично указал на эти средства, характеризуя механизмы гегемонии корпоративного капитала). Именно эта борьба является важнейшим фактором, определяющим состояние современного мирового хозяйства.

Во-вторых, глобальный капитал, базируясь на международном обобществлении производства и росте транзакционного сектора, превращает мировой финансовый рынок, мировые рынки капитала и товаров в господствующие в мировом масштабе сферы экономической жизнедеятельности. Те, кто властвует на этих рынках (особенно - мировом финансовом рынке), становятся хозяевами мировой экономики. Кто является такими хозяевами в принципе ясно – ТНК. Но конкретный ответ на этот вопрос, а также на вопрос о том, как осуществляется это господство, требует специального исследования, которое я не премину осуществить в недалеком будущем, опираясь на многочисленные разработки моих российских и иностранных коллег.

В-третьих, господствующие в мировом масштабе ТНК срращиваются не только с национальными государствами, но и международными органами межгосударственного регулирования мировой экономики. Создание последних является выражением, с одной стороны, международного обобществления экономики и социально-политических процессов, с другой – новым (по сравнению с первой половиной XX века) механизмом господства капитала и его институтов на макроуровне. Эти наднациональные межгосударственные институты оказываются важным слагаемым международной гегемонии капитала. Причем речь в данном случае идет не только об экономических, но и геополитических, идеологических и т.п. образованиях: от МВФ до НАТО.

При этом мир довольно жестко делится на субъектов гегемонии (ТНК и государства, являющиеся их “родиной”, прежде всего, США, затем Япония, Европейский союз и лидирующие в нем страны – ФРГ и т.д.) и ее объектов (преимущественно второй и третий мир). Впрочем, реальный расклад сил гегемонии сложнее, ибо существуют и мощные тенденции к противостоянию власти сверхдержав и контролируемых ими международных структур (типа НАТО); субъектами этого противостояния, однако, зачастую могут выступать реакционные союзы с добуржуазными интенциями анти-гегемонизма (фундаментализм и т.п.).

При взаимодействии ТНК с некоторыми национальными государствами при таком раскладе сил складываются весьма своеобразные отношения, когда первые могут манипулировать своими капиталами, как бы выбирая себе подходящее государство. Широко известен перелив капитала, особенно финансового (но не только) “под крыло” государств с льготным налогообложением в зоны, защищенные от международных социально-политических потрясений (Швейцария) и т.п. В ряде случаев (например, для стран второго мира - России и др.) эта свобода движения капитала создает огромные проблемы, приводя к бегству капитала и интенсифицируя внутренний кризис. Впрочем, на последнюю тему написано великое множество работ, что

позволяет нам оставить ее тему без дополнительных комментариев.

Интереснее акцентировать противоположный феномен: своего рода “помощь” со стороны ТНК своим “родным” государствам, чья внешнеполитическая активность (во всех ее формах - от проталкивания принципов свободы торговли для одних и блокады для других до прямой агрессии, да, плюс к тому, массовое использование “гуманитарных” каналов и “помощи”, создающих своего рода плацдармы для разворачивающих свою активность ТНК) помогает развертыванию их гегемонии и которые создают предпосылки гегемонии ТНК по отношению к наемному труду (от “подкормки” своих до запрета иммиграции и консервации бедности “чужих”).

Не меньшие изменения характерны и для *противоречий труда в условиях глобализации*.

Прежде всего для этого этапа характерно развитие мирового рынка рабочей силы. Этот рынок (в отличие от рынка товаров, например) даже формально является несвободным. Он пронизан глубочайшими *противоречиями*, порождаемыми мировой гегемонией капитала. С одной стороны, этот рынок уже стал единым и мировым, ибо единый транснациональный глобальный капитал использует (эксплуатирует) наемных работников в любой стране и регионе в рамках ТНК или иных капиталистических образований; труд соединен использующим его капиталом в единый мировой воспроизводственный процесс. С другой стороны, наемные работники, как социально-экономическая сила, противостоящая капиталу (на рынке труда, в социально-экономической и политической борьбе) разделены последним, мировой рынок рабочей силы разделен почти абсолютными барьерами и характеризуется глубочайшими диспропорциями.

Последнее означает не просто различия в оплате труда, но жесткую и стабильно воспроизводящуюся диспропорцию между качеством труда, его условиями и оплатой (а значит, и всем образом жизни трудящихся) в развитых и развивающихся странах. Эта диспропорция включает:

- разрыв в оплате и условиях труда работников одной и той же квалификации в несколько раз (а подчас – для массовых специальностей типа водителя или учителя – в десятки раз);
- стабильное воспроизводство преимущественно низквалифицированного до- и ранне-индустриального труда в третьем, квалифицированного индустриального и постиндустриального труда – первом мире, приводящее не только к принципиальному различию структур совокупного работника в одной и другой группах стран, но и закреплению этого разрыва;

- устойчивые институциональные барьеры разделяющие мировой рынок рабочей силы на жестко фиксированные сегменты (границы между государствами, затруднее эмиграции в развитые страны и т.п.).

Важным дополнительным компонентом названных противоречий является качественный разрыв систем социального страхования и обеспечения между названными группами стран, что закрепляет качественные различия в содержании и характере воспроизводства труда и рабочей силы в разных частях глобального мира.

Если же мы теперь взглянем на процесс взаимодействия труда и капитала, то легко сможем зафиксировать ряд важных следствий проделанного выше анализа.

Единый мировой капитал (особенно финансовый), имеющий примерно одну и ту же ценность в любой точке земного шара (в ряде случаев, в третьем мире, капитал может приносить даже большую прибыль, чем в развитых странах) взаимодействует с разделенным на сегменты и пронизанным диспропорциями мировым рынком рабочей силы. В этих условиях у капитала, являющегося субъектом гегемонии в мировой экономике, появляется возможность почти абсолютно свободного маневрирования в мировом масштабе, противостоя наемному труду и используя его там и так, где это обеспечивает ему наибольшую выгоду.

Глобальная гегемония корпоративного капитала означает, следовательно, что единый мировой капитал (1) организован в рамках высокоэффективных транснациональных институтов (ТНК), контролирующих в определенных пределах рынки и мелкий бизнес, наемных работников и “клиентов”; (2) обладает почти неограниченной свободой выбора сфер своего приложения (эта свобода предполагает возможность перемещения по сферам деятельности, в пространстве и даже во времени), что дает ему неоспоримые преимущества по отношению к наемному труду, а в ряде случаев - и по отношению к некоторым “слабым” государствам; (3) использует преимущества своей транснациональной кооперации и мобильности для формирования мирового господства и укрепления диспропорций, противоречий между регионами и странами, социальными и национальными группами.

Так складывается ***противоречие труда и капитала эпохи глобализации***.

На одном его полюсе – капитал: интегрированный, организованный, свободно движущийся в мировом масштабе транснациональный капитал, сращенный с национальными и международными государственными институтами и обладающий

не только экономической, но и духовной властью в мировом масштабе.

На другом полюсе – труд: дифференцированный (чего стоят хотя бы 10-ти, а то и 100-кратные различия в заработной плате в 1-м и 3-м мирах), раздробленный, локализованный в масштабах национальных государств (до сих пор интересы и права трудящихся если и отстаиваются, то преимущественно в национальном масштабе, что касается и профсоюзов, и государственных систем социальной защиты), слабо организованный и не являющийся в настоящее время силой, сопоставимой по своему влиянию с капиталом.

При этом *глобальный капитал не только противопоставляет наемному труду и другим антигегемонистским силам, но и внутренне противоречив*, строится как экономическая, силовая, идеологическая и т.п. борьба (а не только конкуренция) различных группировок (корпоративных союзов). Арены борьбы этих группировок крайне многообразны - от мировых рынков и геополитических столкновений держав до внутригосударственных структур (столкновение в борьбе за влияние на правительство, парламент и т.п. сил, лоббирующих интересы разных корпоративных группировок) или даже человеческих душ.

Третий пласт процесса глобализации затрагивает “надэкономический” уровень - *политику и духовное производство* (идеологию и т.п.). Складывающиеся здесь механизмы глобальной гегемонии внимательный и эрудированный читатель без труда назовет сам: геополитическое доминирование, информационный и культурный империализм, насаждение идеологии либерализма при очевидном “двойном стандарте” - все это многократно описано представителями “гуманистического” левого направления, да, и я уже выше комментировал данные проблемы... Поэтому, поставив многозначительное многоточие, пойдем дальше.

Четвертый пласт анализируемого нами процесса глобализации оказывается неслучайно совпадающим по имени с *глобальными проблемами*: как на технико-производственном уровне (глобальные производительные силы), так и на уровне других “пластов” глобальные проблемы оказываются предпосылкой процесса глобализации, воспроизводимой и интенсифицируемой мировой гегемонией корпоративного капитала.

Так, появление и устойчивое воспроизводство таких проблем как экологические, перенаселения, нищеты, угрозы глобальных войн и т.п. оказывается достаточно очевидно порождено названной гегемонией. В самом деле, если мы признаем глобальные проблемы человечества имманентными современной стадии развития мирового сообщества, а корпоративный капитал - господствующей силой этого сообщества, то у нас налицо дилемма: либо этот капитал

ответственен за эти проблемы и для их решения необходимо преодолеть его гегемонию, либо они вообще неизбежны на данной стадии человеческого развития. В разделе 5.2. я постараюсь систематизировать эти проблемы и аргументировать правомочность первого подхода, а сейчас ограничимся лишь указанием на очевидную взаимосвязь глобальной гегемонии капитала и глобальных проблем как двух неразрывно взаимосвязанных сторон современного состояния человечества.

Соединение воедино названных “пластов” глобализации позволяет сделать выводы (они так же хорошо известны в современном мире из работ *С.Амина*, *И. Валлештейна* и др.) о природе современного “нового мирового порядка”, сложившегося после распада социалистической системы и приведшего к глобальному торжеству неолиберализма.

Этот “новый порядок” характеризуется тем, что *в мировом, глобальном масштабе ныне подрываются даже чисто буржуазные принципы социально-экономической и политической организации и нарушаются императивы, выдвигаемые глобальными проблемами и процессом генезиса постиндустриальных тенденций, ростков “царства свободы”*.

Во-первых, на экономическом уровне складывается система отношений, характеризующаяся стабильно воспроизводимыми монопольными преимуществами и, следовательно, отсутствием даже основ свободной конкуренции в отношениях между крупнейшими ТНК и их сателитами - с одной стороны, “периферией” экономической жизни (экономикой третьего и, в значительной части, второго миров) - с другой. *Современный мировой рынок - это система, где нет свободной конкуренции и даже рыночного “равноправия” контрагентов*.

Причины прямо обусловлены сказанным выше. Первая: ТНК монополизируют прежде всего наиболее передовые и конкурентноспособные ресурсы (высоквалифицированную рабочую силу, работников-творцов, новаторов, которые могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе только в развитых странах; know how, патенты на высокие технологии и многие другие информационные продукты). Существенно, что монополия на ряд из них является почти абсолютной: патент или иная интеллектуальная частная собственность дает владаельцу право не допускать к пользованию данной информацией или иным благом третьих лиц. При этом, в отличие от “обычного” материального блага, информационный продукт не может быть создан заново или воспроизведен: он по определению единственен, тиражировать можно лишь материальные носители.

Поясню: были, есть и будут только одна теорема Пифагора или закон Ома. Обладай кто-либо на них частной собственностью и мы не могли бы ими пользоваться, не платя кадый раз “дань” их хозяину. И если по отношению к названным

фундаментальным ценностям это звучит смешно, то по отношению к программе Windows наличие монополии на этот информационный продукт в руках компании Microsoft ни у кого не вызывает удивления.

В результате при переходе к информационному обществу складывается ситуация абсолютного монополизма: тот, кто первым вышел на этот рубеж и закрепил частную собственность на важнейшие информационные продукты, получает почти абсолютные преимущества - догнать его нельзя. Даже разработав самостоятельно те же информационные блага, вы не сможете (если соблюдать законы рынка и право частной собственности) ими воспользоваться - они уже находятся в собственности других лиц; создать заново тот же информационный продукт, что уже находится в чьей-то собственности, в мире рынка значит украсть этот продукт. У тех кто "опоздал" остается один шанс - перегнать, не догоняя. Но для этого нужна супер квалифицированная рабочая сила, работники-новаторы, а они, как уже было отмечено, могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе почти исключительно в развитых странах.

Тем самым ТНК и, отчасти, их "родные" страны получают монополию не только на наиболее эффективные ресурсы, но и на их воспроизводство. Особенно важны здесь монополизация научно-технического прогресса и образования.

Кроме монополизации наиболее эффективных (информационных и т.п.) ресурсов, научно-технического прогресса и образования (воспроизводства квалифицированной рабочей силы), для власти ТНК характерен названный выше контроль за мировым движением финансов и, шире, большей частью международных транзакций, а также телекоммуникаций. Эти "нервная" и "кровеносная" системы мирового сообщества просто развиваются в недрах, внутри ТНК и потому ими контролируются.

Наконец, как уже было сказано, на мировом рынке рабочей силы создаются мощные барьеры для свободного движения труда между странами и секторами экономической жизни. Эти барьеры крайне многообразны: от запретов на иммиграцию в развитые страны до "номенклатурного" принципа подбора студентов в элитные вузы, из которых выходит элита информационного общества, которая опять же обладает близкими к монопольным возможностями для продвижения своих детей в лучшие школы, колледжи и т.д.

Тем самым наиболее сильные агенты мировой экономики, провозглашая "свободу торговли" и открытость конкуренции, заведомо ставят в неравные условия их участников, ибо одни из них обладают монополией на ряд преимуществ, которые другим принципиально недоступны.

Впрочем, и сами правила "свободной торговли" достаточно произвольно нарушаются теми же, кто их устанавливает - элитой

мирового корпоративного капитала. Для агентов, которые не устраивают этих “хозяев”, они заменяют фритредерство на жесткий протекционизм, а то и просто вводят санкции, объявляют блокаду и т.п.

Во-вторых, складывающийся мировой порядок неравноправен и не демократичен даже по буржуазным меркам.

Прежде всего бросается в глаза, что “правила игры” (институциональные рамки, структуры и “дороги” жизнедеятельности мировой экономики, политики, духовного производства) устанавливаются все теми же субъектами гегемонии. Правила финансовых транзакций и торговли устанавливают МВФ, МБ и им подобные организации, стандарты мировой геополитики и правила взаимодействия государств регулируют саммиты “большой семерки”, НАТО и Совет безопасности ООН (причем за последними двумя структурами стоит по сути первая) - примеры легко продолжить. Ничего похожего на принципы даже формальной демократии, где большинство оказывает решающее влияние на принятие решений, в мировой экономике и политике нет.

Но названная элита не только устанавливает эти правила, но и обладает почти монопольной властью на их проведение в жизнь, на контроль за их соблюдением. Финансовый контроль (чего стоят хотя бы невозвратимые по определению долги третьего мира, а теперь уже и стран бывшей социалистической системы) в экономике, монополия на ядерные вооружения и контроль за силами безопасности (а то и прямое стремление превратить НАТО в мирового гаранта безопасности) - в геополитике... Здесь особые комментарии не требуются.

Если этих мер оказывается недостаточно, названные хозяева могут использовать и используют прямое насилие по отношению к третьим лицам: от блокад до прямых интервенций или организации государственных переворотов, когда ревнители демократии из “большой семерки” смело насаждают фашистские режимы для защиты своих интересов.

Наконец, экономико-политические аспекты мирового неравенства дополняются уже описанным выше информационным, идеологическим и культурным империализмом, закрепляя гегемонию элит мирового капитала и выгодные для них “правила игры”, образ жизни, систему ценностей и мотивов в сфере сознания, в духовном производстве.

В-третьих, для “нового мирового порядка” характерны подрыв даже буржуазных принципов эквивалентности и равенства возможностей и пренебрежение императивами обостряющихся глобальных проблем.

Катастрофический разрыв в качестве жизни (и, соответственно, лежащем в его основе экономическом потенциале) между “золотым миллиардом” и большей частью

человечества, находящегося в “гетто отсталости”, является прямым результатом описанных выше механизмом гегемонии мирового корпоративного капитала и не менее жестких механизмов доминирования эпохи колониализма (а она завершилась всего-то 30 - 40 лет назад). Этот разрыв ныне закрепляется и увековечивается названными выше “правилами” нового мирового порядка.

Во второй половине XX века эта диспропорция оказывается постоянно усугубляема неравенством и несправедливостью (опять же повторю - речь пока идет о буржуазных мерках) в социальной сфере и сфере использования природных ресурсов.

В первом случае для всех, кроме граждан “золотого миллиарда” (да, и в этих странах - не для всех, а для 2/3 населения - высших и средних классов), оказываются недоступны системы социальной защиты, обеспечивающие хотя бы частичное равенство стартовых возможностей и хотя бы в некоторой степени снимающие социальную напряженность. Не допуская к конкуренции с гражданами развитых стран работников из других государств (борьба с иммиграцией) и используя (конечно же меньшую) часть богатств, получаемых от названных выше монопольных преимуществ, для “подкормки” своего населения “золотой миллиард” раскалывает трудящихся планеты, создавая для части из них искусственные привилегии.

Оборотной стороной этого процесса является консервация нищеты в “гетто отсталости”. Так возникает одна из наиболее опасных глобальных проблем человечества, а гегемония капитала сталкивается с социокультурным императивом, рождаемым этой проблемой: или преодоление мировой нищеты и деградации большинства населения или глобальная социальная катастрофа (обоснование этого утверждения и анализ названной глобальной проблемы - предмет последней части).

Во втором случае в условиях “нового мирового порядка” осуществляется экспорт экологических проблем в старны третьего мира. В последних не обеспечивается не только восстановление биогеоценозов (а издержки на эту деятельность должны входить в стоимость сырья в условиях обострения глобальных проблем), но даже и тот минимум природоохранных мероприятий, которые осуществляются в развитых странах. Третий мир оказывается пространством растущих экологических угроз, а “новый мировой порядок” встает на пути реализации ноосферного императива: или обеспечение решения проблем взаимодействия природы и общества в общемировом масштабе, или глобальная экологическая катастрофа (об этом подробнее так же в последнем эскизе данной работы).

Тем самым в мире складывается неэквивалентность и неравенство во взаимодействии “золотого миллиарда” и “гетто отсталости”: цена на продукцию второго (1) не включает затрат на

восстановление биогеоценозов или хотя бы минимальную охрану среды, а так же на социальную защиту работников и другие компоненты, учитываемые в ценах на продукцию высокоразвитых стран, а так же (2) формируется в условиях монопольно регулируемой экономики.

Подчеркну - процесс глобализации, базирующийся на международном обобществлении и генезисе информационного общества в рамках “царства необходимости”, включает не только описанные выше отношения гегемонии, но и определенную совокупность *контртенденций* α (в том числ и реакционных) *развивающейся власти мирового корпоративного капитала*.

К числу последних следует отнести следующие процессы:

- своеобразный ренессанс национальных государственных образований и проводимого ими протекционизма, курса на независимость и защиту внутригосударственной экономики, культуры и т.п. от влияния глобальной гегемонии;

- развитие амбивалентной (во многом реакционной) борьбы за независимость и особый путь развития (в ряде случаев - через фундаментализм) в третьем мире; в ряде случаев этот путь можнт приводить к созданию крупных блоков, противостоящих гегемонии мирового капитала с реакционных (добурдуазных) позиций;

- реализация рядом сообществ (стран, регионов, иногда - отдельных секторов экономики) третьего мира стратегии догоняющего развития с попыткой прорыва во “второй” (или третий - считая среднеразвитые страны Европы и т.д.) эшелон корпоративного капитала с ускоренным созданием при поддержке государства “своих” корпоративных структур, включающихся на вторых ролях в борьбу за передел пирога мировой гегемонии;

- процессы локализации производства (вплоть до сворачивания искусственно переразвитого мирового разделения труда), экономической и социо-культурной жизни (напомню известный лозунг “зеленых”: мыслить глобально, действовать локально);

- нелинейный прогресс антигегемонистских сил, связанных с рождением элементов “царства свободы” (от массовых “альтернативных” движений и других структур третьего сектора до общественно-политических организаций, призванных эволюционно и революционно содействовать снятию мира отчуждения и генезиса ассоциированного социального творчества).

* * *

Указав на наличие некоторых контртенденций гегемонии мирового корпоративного капитала как одну из слагаемых процесса глобализации, я невольно поставил и проблему принципиальной, сущностной альтернативы этой гегемонии. Иными словами я поставил вопрос о *модели мирового*

сообщества, адекватной “вызову”возникающего “царства свободы”, о новом интернационализме.

К характеристике этой модели (а это и модель решения глобальных проблем человечества) я собираюсь обратиться в следующей работе, а пока лишь анносирую основные блоки.

Материальной основой для реализации этой модели может быть постепенное вытеснение “превратного сектора” (иррациональной части транзакционного сектора, ВПК, паразитического перепотребления, затрат на массовую культуру и т.п.) и использование высвобождающихся трудовых и материальных ресурсов для компенсации затрат на решение глобальных проблем нищеты, экологии и т.д.

В социально-политической сфере важнейшим шагом в принципе могло бы стать развертывание контроля за решением глобальных проблем человечества действительно демократическими полновластными организациями, складывающимся в сфере добровольного международного сотрудничества и защищающим наиболее фундаментальные интересы жителей нашей планеты, вызванные обострением глобальных проблем, - таков императив рождающегося “царства свободы”.

Для его реализации есть предпосылки. Среди важнейших – объективные (но далеко не всегда осознанные) единые глобальные интересы жителей планеты Земля, присущие каждому ее жителю. Однако их осознание и претворение в жизнь потребуют десятилетий тяжелой работы по развитию мощных международных движений (трудящихся, защитников мира, “зеленых” и т.п.), способных противостоять силе ТНК, бюрократии национальных государств и международных институтов. Уже сейчас ясно, что такую мощь эти движения не приобретут вне общности с силами, решающими задачи социальных реформ и социалистических преобразований в отдельных странах.

Кроме того, к числу таких предпосылок относится позитивная *экономическая, социальная, культурная интеграция стран и регионов*, превращение их в единый социально-экономический организм. Эта интеграция развивается контрапунктом к углубляющимся противоречиям современного взаимосвязанного мира. В нем все больше прорисовывается конфликт между странами, являющимися “родиной” ТНК и монополизирующими высокие технологии, квалифицированный труд и контроль за движением капиталов - на одном полюсе; странами и целыми регионами, являющимися источниками сырья, дешевой рабочей силы, объектами вывоза грязных технологий, субъектами экспорта капитала в развитые государства, - на другом.

Преодоление этого противоречия предполагает использование, во-первых, тех потенциальных возможностей новых мирохозяйственных отношений, геополитики, диалога культур и цивилизаций, что созданы благодаря прогрессу материального производ-

ства: достигнутый ныне уровень его эффективности недостаточен для обеспечения базисных потребностей граждан всех стран (при условии рационального использования общественного богатства); во-вторых, опыта ускоренного опережающего развития ряда бывших отсталых стран; в-третьих, энергии и опыта деятельности международных и национальных организаций трудящихся, экологических, пацифистских и т.п. движений; в-четвертых, современных средств транспорта и телекоммуникаций, позволяющих легко обеспечить диалог народов и культур и др.

Тем не менее использование этих предпосылок, разрешение названных противоречий невозможно при сохранении нынешней практики “решения” (а точнее – экспансии) глобальных проблем и осуществления интеграционных процессов – практики, подчиненной интересам ТНК и элиты сверхдержав, упирающейся в барьеры национализма и сепаратизма в “третьем” мире.

Преодоление этих ограничений может быть связано лишь с переходом к новому качеству общественного развития. Его исходным пунктом может стать радикальное интернациональное изменение баланса сил в мире: качественные изменения социально-экономических отношений, политики и культуры – первоначально хотя бы в ряде ведущих стран мира; усиление интернациональной солидарности массовых демократических организаций; рост антибюрократических, антиимпериалистических, пацифистских тенденций на основе качественного увеличения влияния левых движений; радикальное возрастание роли международных демократических организаций.

В этих условиях станет возможно развитие принципиально новой модели международной интеграции: открытый доступ любых стран и народов к высоким технологиям и информации, образованию, культуре; опережающее социальное и технологическое развитие отстающих регионов на основе равной оплаты труда, высокой (обеспечивающей сохранение или реставрацию биогеоценозов) цены природных ресурсов; использование для реализации новой модели интеграции ресурсов, высвобождающихся в результате свертывания иррациональных расходов в развитых странах и т.п.

* * *

Ни описанная выше (в виде краткого эскизного наброска) новая модель интеграции, ни процессы снятия рынка, прогресса освобождения труда и т.п. ныне не могут быть реализованы прежде всего потому, что современный мировой корпоративный капитализм нашел превратные социально-экономические формы, позволяющие утилизировать первые ростки “царства свободы” и “придавить” внутренние противоречия “царства необходимости” (и, в частности, позднего капитализма).

Насколько велик найденный этим миром в конце XX века потенциал самосохранения – нам пока судить сложно. Но несложно зафиксировать, что эти паллиативные решения, во-первых, не снимают, а распространяют до мировых масштабов (в новых формах) “классические” противоречия отчуждения (и его высшей формы – гегемонии корпоративного капитала). Во-вторых, превратные формы (“информационное общество” и т.п.) возникающей креатосферы активно подрывают содержательные ростки этого нового мира, грозя породить чудовищный мир мутантов “царства свободы”.

Так мы вплотную подходим к выделению системы глобальных проблем - итоговому разделу данных набросков.

5.2. Система глобальных проблем человечества и перспективы их преодоления

То, что мир столкнулся с системой глобальных проблем во второй половине двадцатого века, стало очевидно большинству исследователей, а затем общественных и политических деятелей и даже обывателей. Но до сих пор перечень глобальных проблем остается (даже в работах специалистов) относительно хаотичным и бессистемным. До сих пор, как правило, исследователи делают акцент на одной из глобальных проблем человечества, занимаясь её изучением или изучением одного из её аспектов. Тем не менее перечень этих проблем уже сейчас известен (в частности, его легко почерпнуть из названных в предисловии докладов Римскому клубу).

На первом месте до недавнего времени стояли экологические проблемы: истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, нарушение баланса между природой и обществом.

В последнее время среди доминирующих глобальных проблем обычно называют обострившиеся противоречия между Севером и Югом, когда постоянное отставание значительной части стран третьего мира от развитых государств грозит обострением геополитических противоречий, противоречий социального развития развитых стран (в частности, связанных с неконтролируемой миграцией из бедных стран в страны с достаточно высоким уровнем социальных гарантий).

Наряду с этим традиционно выделяемой является проблема войны и мира, особенно обостренная в связи с развитием оружия массового уничтожения, угрозой его использования или неконтролируемого хранения.

Наконец, к этому комплексу обычно добавляются проблемы перенаселения, связанные с невозможностью обеспечения этого роста при господстве существующей модели удовлетворения потребностей.

Этот перечень можно продолжить, но, на мой взгляд, принципиально важным является понимание *системы* этих глобальных проблем, понимание того, как именно, по какому критерию они могут быть структурированы, и, главное, какие противоречия современного мира, уходящего “царства экономической необходимости”, порождают этот комплекс глобальных проблем.

В качестве *первого шага к выделению глобальных проблем* можно предложить следующую гипотезу: мы будем их рассматривать *как целостную, обладающую одним системным качеством совокупность проблем, охватывающих всё человечество и являющихся проявлениями сущностного противоречия пере-*

ходной эпохи, эпохи снятия царства экономической необходимости и рождения "царства свободы".

Именно в этот момент обостряются до предела противоречия между человеком и природой, и противоречия внутри самого социума, противоречия последней стадии эпохи отчуждения (корпоративного капитала).

Приняв эту гипотезу, можно сформулировать простейшее определение глобальной проблемы (что, конечно же, является лишь первым приближением к сущностному исследованию этой категории): глобальные проблемы касаются всего человеческого сообщества в его взаимодействии с природой и порождаются процессом превращения человеческого сообщества в силу являющуюся, во-первых, *всеобщей* (единой, противоречивой, интегрирующей) и, второе, *способной к осуществлению качественных трансформаций всего человеческого сообщества в единстве с природой*. Эта трансформация может носить положительный характер - переход к "царству свободы", ноосферному типу развития и доминированию креатосферы. Но возможен и обратный процесс - эволюция к планетарной катастрофе.

Для того, чтобы это определение из набора неких абстрактных, методологических соображений превратилось в сколько-нибудь конкретную характеристику, необходимо (ни много, ни мало!) проделать сущностное исследование переходной эпохи на уровне технико-производственных, социально-экономических, а также социально-политических, геополитических и идеальных (культурных) социооснований такого конкретного всеобщего единства человечества. Автору остается лишь надеяться, что в качестве эскизных набросков такого исследования может служить весь выше приведённый текст: именно там предпринята попытка показать, что снятие материального производства, мира отчуждения в социально-экономической сфере и отчужденных форм духовного производства порождают такое единство и противоречивую взаимозависимость человеческого сообщества.

Данный подход позволяет показать, что *глобализм* в развитии человечества означает не что иное, как уже отмеченное конкретное, всеобщее единство человеческого сообщества в социальном пространстве (и это единство может измеряться с качественной и количественной стороны прогресса, интеграции и взаимозависимости различных слагаемых этого человеческого сообщества) и во времени.

При этом, подчеркнем вновь, *всеобщее конкретное единство человеческого сообщества во времени* измеряется способностью всего человечества (либо его отдельных групп, но таких, деятельность которых вызывает последствия для всего человеческого сообщества) осуществлять некоторые качественные изменения, изменения системного свойства. Последнее означает: изменять сущностные характеристики производства как материаль-

ного производства, социальных отношений как отношений отчуждения, отношений в сфере идеологии или духовного производства. Эти качественные отношения, как уже говорилось, могут быть позитивными или негативными (в последнем случае - порождать уничтожение биосферы или отдельных биогеоценозов).

Такие изменения, такое единство в пространстве и во времени мы в дальнейшем можем называть глобальными.

Эти абстрактные, аморфные гипотезы - первое приближение к определению глобализма, глобальных проблем, единства человечества в пространстве и во времени. Но эти гипотезы позволяют нащупать и *некий принцип систематизации того, что принято называть глобальными проблемами*. На основе сказанного в предшествующих частях *исходным принципом такой систематизации может стать структура "царства необходимости" на этапе его перерождения*, позволяющая выделить *три уровня глобальных проблем*, связанных с трансформацией материального производства и изменениями во взаимодействиях человека и природы: как бы "материально-технический" уровень; уровень материальных, социально-экономических отношений, связанных с преодолением отчуждения; уровень качественных изменений в духовной жизни.

На первом уровне процесс перехода от "царства необходимости" к "царству свободы" порождает как минимум три ключевых угрозы трём ключевым материально-вещественным объектам, которые составляют глобальное единство человеческого сообщества.

Это, во-первых, угроза, связанная с обострением уже отмеченных выше проблем *исчерпаемости в ограниченные сроки естественных невозобновляемых природных ресурсов при параллельном росте народонаселения и одновременной угрозе исчерпания "человеческих ресурсов"* (интенсификация человеческого труда имеет абсолютные ограничения в условиях развития творческой деятельности, необходимости роста свободного времени). Соответственно, без качественного изменения природы материального производства, макротехнологий, всего человеческого сообщества и социальных отношений, регулирующих эту систему, данные проблемы не могут быть решены.

Таково первое приближение к формулировке глобальных проблем на уровне снятия материального производства: проблемы, связанные с исчерпанием ресурсов, в частности, предметов труда и человека как важнейшей производительной силы.

Во-вторых, обостряется угроза, порождаемая *развитием планетарного характера производительных сил*. Ныне средства труда и технологии привели к возникновению производительных сил, позволяющих либо разрушить, либо наоборот спасти био-эко-социо культурное единство человечества: его биосферу, его экономико-социальную сферу и сферу культуры.

В-третьих, вследствие названных выше двух тенденций, а также совершенствования оружия массового уничтожения, опасных технологий и иных отмеченных выше процессов, мир переходит в состояние, в котором *материальное производство развивается по антиприродной, антигуманной и антисоциальной траектории*. В этом - ключ к пониманию глобальных проблем на “материально-техническом” уровне снятия материального производства. Последние три параметра - антиприродность, антигуманность и антисоциальность - требуют пояснения.

Пояснить, что означает *антиприродность* современного материального производства достаточно просто, ибо во многом ответ на этот вопрос был уже дан выше: господство таких технологий, которые по своему генезису и содержанию ориентированы не на диалог с природой, а на ее утилитарное использование, для них природа - не более чем источник сырья (помните старую шутку: берегите природу, источник ценного химического сырья). Такие технологии угрожают разрушением или прямо разрушают биогеоценозы (а именно такими ныне являются господствующие технологии, затрагивающие процессы на ядерном уровне, биологические, микробиологические технологии, химические технологии). Наконец, гигантское переразвитие индустриальных технологий приводит как минимум к загрязнению окружающей среды, а также и к уничтожению некоторых биогеоценозов и ландшафтов, вызывает другие необратимые эколого-технологические изменения.

Это важнейшая характеристика антиприродности нынешнего типа развития материального производства. Любой специалист в области глобальных экологических проблем легко уточнит и детализует эти характеристики, наша задача - лишь отметить этот пласт.

Антигуманность нынешнего типа материального производства состоит в том, что господствующие технологии как внутри материального производства, так и превратные формы развития тенденций, лежащих “по ту сторону” материального производства (мы говорили о них выше многократно, поэтому не будем повторять), порождают иррациональные формы развития человека. Материальное производство развивается по траекториям, которые не только повышают объем производимых вещей и услуг, удовлетворяющих утилитарные потребности, но и неизбежно углубляют подчинение человека системе машин и сохраняют огромное количество доиндустриальных технологий, впрочем, ряд из них консервируется (особенно в развивающихся странах, а в последнее время и в странах второго мира, бывшей социалистической системы). Более того, даже в постиндустриальных сферах (в сфере услуг, например) развиваются названные выше превратные формы, создающие потенциал регресса человека как общественного существа, антикультурные по своей сути.

Что касается информационных технологий, то, напомним, что в данном случае мир начинает рождать своеобразного человека как придатка компьютера - "homo computera", "homo Interneta" (я здесь использую аналогии с понятием "homo faber", который пожалуй лучше всего был описан в романах Фриша; впрочем, и этот человек-машина, человек придаток машины - "homo faber" - не исчезает).

Антигуманность является именно одной из тенденцией, а не абсолютной доминантой в развитии материального производства. Но мы в данном разделе выделяем глобальные проблемы и глобальные угрозы и тенденция к антигуманному развитию нынешних технологий (в том числе - индустриальных и информационных) является крайне важной.

Антисоциальность господствующих ныне технологий: они приводят к разобщению людей, как правило, порождают тенденции, гасящие возможности и необходимость социального творчества, свободного человеческого общения. Среда общения вытесняется, с одной стороны, разъединяющими человека индустриальными технологиями, с другой стороны - превратными формами постиндустриальных технологических систем. Так строится не только производство, но и среда обитания, и сама технология жизни.

В частности, таким образом, построены города и их архитектура, таким стал господствующий тип жилища, таким образом построена и "автомобильная цивилизация", где жизнь человека привязана к взаимодействию трех столпов - автомобиля, катедра, супермаркета.

Таким образом построена и нынешняя деятельность средств массовой информации, которые снижают возможности человеческого общения. Таким образом организована и так называемая "виртуальная реальность", выросшая из компьютерных игр.

Наконец, ещё одной стороной антисоциальной модели развития материального производства является стандартизация потребления при фиктивном разнообразии товаров и массовое "съедание" свободного времени вследствие бесконечной погони за дополнительным удовлетворением утилитарных потребностей.

Подводя некоторый итог анализу первого уровня глобальных проблем, мы можем зафиксировать, что на ряду с прогрессивными тенденциями, о которых речь шла в первой части, в период возникновения возможности снятия материального производства, развития этого материального производства до качественно-го предела, за которым доминирующей должна стать креатосфера, но за которым может лежать и глобальный кризис - в этих условиях рождаются *три угрозы* - *исчерпания ресурсов и перенаселения; угроза планетарных катастроф; угроза деградации челове-*

ческого сообщества. Это угроза трём основным объектам - природе, человеку и обществу.

Второй уровень глобальных проблем, порождаемых с постепенным снятием, самоотрицанием системы материальных социальных отношений, основанных на отчуждении, может быть выделен, исходя из сформулированной (и, как я надеюсь, обоснованной) выше гипотезы: во второй половине XX века сложилась всемирная гегемония корпоративного капитала. Она является продуктом глобальных производительных сил, выражает в антагонистической социально-экономической форме материальную, объективную необходимость действительного единства и интеграции, конкретной всеобщности человечества. Таким образом, **ключевая глобальная проблема на уровне социальных отношений - это всемирная гегемония корпоративного капитала как тормоз перехода к ноо- и креатосфере, к "царству свободы"**.

В простейшем виде порожденные этим глобальные, материальные и социальные проблемы были довольно-таки давно сформулированы, причем не столько современными западными мыслителями, сколько отечественными марксистами. Они показали, основываясь на разработках самого Маркса, что *капитал не может решить "всего лишь" проблем гармоничного развития природы и культуры* (это любимые тезисы Н.Злобина и В.Межуева), а, значит (эту неочевидную связь мы раскрыли выше) *он не может решить и проблемы благосостояния для всех* (в качестве аналогии использую уже приводившийся пример: феодалное общество не могло решить "всего лишь" проблему индустриализации, а значит, - преодоления угрозы голода, зависимости человека от природной среды, от стихии).

Исходя из этого тезиса можно выделить несколько "пластов" глобальных проблем на уровне материальных-социальных отношений.

Во-первых, гегемония корпоративного капитала, как я уже подчеркнул, порождает соперничество обособленных корпоративных структур (в качестве которых выступают национальные, транснациональные и мультинациональные корпорации, национальные государства, в ряде случаев - наднациональные, институциональные структуры - такие как Мировой банк, МВФ и некоторые другие).

Оборотной стороной этого процесса является омещанивание, нарастание конформизма, неспособности граждан нынешнего мирового сообщества к ассоциированному социальному творчеству, торможение потенции этого ассоциированного социального творчества в результате развития денежного, товарного фетишизма и консюмеризма. Эти процессы достигают высшей стадии, когда человек превращается не просто в потребителя, но в клиента корпорации, становится зависим от корпоративных структур по

всем параметрам: как работник, как потребитель, как житель. Корпорация навязывает ему определённый стиль потребления, жизни, организации жилища и т.д. (о чём уже говорилось выше).

Складывается парадоксальная ситуация, когда *ни корпоративный капитал и его элита, ни противостоящие ему граждане - работники, потребители, клиенты - не могут решить задачи преодоления той сложной системы отчуждения*, которая порождена самими этими силами.

Следовательно, *глобальной угрозой человечеству становится отсутствие единой планетарной силы, способной противостоять нарастанию отчуждения*. Более того, в конце XX века началось размывание даже реального (а не потенциального, если угодно, виртуального) конкретно-всеобщего интереса к развитию социального творчества, к свободному ассоциированию. *Отсутствует та единая планетарная сила, которая способна решить глобальные проблемы первого уровня* (трёх угроз трём объектам, только что сформулированных выше).

Другое дело, что сейчас я формулирую именно угрозы, глобальные проблемы, и это - односторонняя характеристика современной действительности, ведь в ней кроме этих угроз существуют и потенциальная возможность их преодоления, о чём шла речь выше.

Во-вторых, гегемония корпоративного капитала порождает сложное противоречие *воспроизводства* описанных выше проблем

Одна сторона этого глобального противоречия, лежащего на уровне материальных, социальных отношений, состоит в следующем. В XX веке сложились социально-временные анклавов, развивающиеся по специфическим законам, являющиеся “родиной” национальных и транснациональных корпораций, “родиной” корпоративного капитала.

Эти сферы социального пространства-времени порождают и развивают высокие технологии, обеспечивают рост производительности труда, стабильность доходов, формирование “общества двух третей”.

Именно эти анклавов (а к ним относятся не все институты, не все жители развитых страны) потребляют непропорционально большое количество природных и интеллектуально-творческих ресурсов.

Именно они монополизируют достижения научно-технического прогресса (опять же, вследствие того, что именно они являются родиной национальных, транснациональных корпораций и обеспечивают утилизацию, как уже говорилось выше, наиболее высококвалифицированной рабочей силы, особенно в таких сферах как финансы, менеджмент, образование), причем концентрация культуры и творческих достижений является след-

ствием того, что именно эти анклавные концентрируют и монополизируют достижения научно-технического прогресса.

Эти же страны оказываются родиной наиболее мощных институтов насилия, что касается как оружия массового уничтожения, так и других средств и институтов насилия, включая современные сложные системы разведки, контрразведки, войска быстрого реагирования и многое - многое другое (о чем уже говорилось выше).

Наконец, эти же анклавные, являющиеся родиной национальных и транснациональных корпораций, концентрируют в своих руках и монополизируют информацию и массовую культуру, становясь центрами информационного империализма, а также устойчивого идеолого-политического контроля и воздействия на человечество.

Именно эти анклавные социального пространства и времени создают и наиболее мощные интернациональные институты, которые в принципе призваны осуществлять контроль за развитием человечества как единого целого и обеспечивать решение глобальных проблем.

Но, что называется, "щучку бросили в реку": *именно те и только те, кто порождает глобальные проблемы, обладают интернациональным контролем за возможностью решения этих глобальных проблем.* (Подчеркну: иррациональный характер корпоративного капитала и государственных аппаратов стран "первого" мира как псевдогаранта решения глобальных порожден именно и, прежде всего, названными выше чертами гегемонии корпоративного капитала).

Все это к тому же подкрепляется слабостью современных классовых движений, реформизмом неправительственных организаций и т.п.

Итак, "первый" мир и его корпорации становятся своего рода "псевдогарантом" спасения человечества от глобальных катастроф. Но для того, чтобы решить эти проблемы на самом деле, должен появиться другой - *реальный* (а не иррациональный и превратный) *субъект решения глобальных проблем.* "Выращивание" этой общественной силы - *глобальная задача*, которую должно решить человечество.

Такова одна из сторон противоречия воспроизводства глобальных материальных социальных проблем.

Вторая сторона описываемого выше противоречия: на "периферии" корпоративного капитала, в тех анклавах социального пространства и времени, которые сосредоточены сейчас главным образом в развивающихся странах и, отчасти, в странах бывшей "социалистической системы", концентрируются прямо противоположные экономические и социальные качества.

Это - грязные, экологически и гуманитарно-опасные технологии, в которых человек воспроизводится как примитивная рабо-

чая сила, приданок машин и частично как человек, занятый ещё доиндустриальным ручным трудом.

На базе этих примитивных технологий развиваются социально предельно жёсткие формы капитала и угнетения, являющиеся порождением

- старых (“классических”) форм капитала;

- того, что этот капитал зависим от бюрократического (в ряде случаев - авторитарного или криминально-кланового) государства;

- того, что капитал срощен, как правило, со сложными механизмами добуржуазных, внеэкономических форм принуждения.

Впрочем, есть и обратная сторона у этой медали: во многих странах третьего мира именно вследствие жёсткости и прозрачности социальных классовых конфликтов и экономических противоречий развиваются достаточно мощные антитезы угнетению в лице индустриального пролетариата и его политических организаций: укажу, например, на Партию трудящихся Бразилии и другие).

Для этих стран характерным является низкий уровень производительности труда, культуры и доходов. Эти страны становятся источником производства и экспорта сырья при импорте продуктов потребления (а за одно и худших сторон “общества потребления”) и грязных технологий.

С некоторой долей условности можно сказать, что эти страны, образующие “это нищеты”, становятся импортёрами различной социально-экономической и технологической “грязи”, порождаемой корпоративным капиталом: грязных технологий, “грязного” (низкокачественного, подчас вредного и опасно) ширпотреба, примитивной культуры и т.д.

Политическая система этих стран также зачастую становится “грязной” и крайне опасной, ибо она соединяет в себе, с одной стороны, слабость государства как института, поддерживающего “правила игры”, обеспечивающего разрешение социально-классовых противоречий и создание институциональных рамок для пусть буржуазного, но всё-таки стабильного сообщества. С другой стороны, как продукт этой слабости очень часто развиваются авторитарные тенденции и криминальность, терроризм, склонность к военным авантюрам и т.п.

Неустойчивость таких политических систем вкупе с информационной и культурной зависимостью от “первого” мира порождают мощные идеолого-политические противоречия, противоречия в области духовного производства. Отсюда, в свою очередь, - неизбежный рост национализма, угроз реставрации добуржуазных отношений.

Так складывается сложное, глобальное противоречие между “родиной” и “периферией” гегемонии корпоративного капитала, наследующее противоречия колониализма и неоколониа-

лизма и поднимающее их на новую ступень – антагонизма мира, утилизирующего в превратных формах генезис постиндустриального общества, и мира, обреченного быть своего рода “гетто” технологической, социально-экономической и т.п. “грязи” капитализма.

Существенно при этом, что оба эти мира *не совпадают с географическими границами развитых и развивающихся стран*: в первых, есть анклавы “грязи”, во вторых – второсортная “номенклатура” корпоративного капитала.

Это противоречие воспроизводства корпоративного капитала порождает вторую *глобальную социальную проблему*, с которой сталкивается человечество в конце XX века: *большая часть человечества и большая часть биосферы оказываются заперты в “гетто” социальной “грязи”*.

Как следствие названного выше противоречия, *в третьих*, появляются *глобальные социальные проблемы динамики “первого”, “второго” и “третьего” миров и взаимодействия между ними*.

Эта динамика характеризуется крайней противоречивостью, поскольку, с одной стороны, “первый” мир фактически консервирует своё господствующее положение, но вместе с тем консервирует и своё экономическое развитие. Экономический рост, серт благосостояния в этих странах идут медленно (так, например, качество жизни поколения 60-70-х и 80-90-х гг. в США и Западной Европе почти не изменилось).

Во “втором” мире наблюдается крайнее обострение социально-экономических проблем. Лишь ряд стран преодолевает экономический кризис, для многих же из них (прежде всего для государств, образовавшихся на территории бывшего Советского союза) нарастает угроза скатывания к отсталым государствам “третьего” мира. Такая тенденция в странах, обладающих мощными и сложными технологическими и экономическими системами, оружием массового уничтожения, достаточно высоким культурным потенциалом создает новый импульс для развития описанных в первом подразделе данной части угроз человечеству.

Кроме того, динамика современного мирового сообщества характеризуется активным ускоренным развитием ряда стран третьего мира, догоняющих развитие государства и приносящих новый набор противоречий, связанных с ускоренным, но достаточно однобоким развитием как правило “периферийных форм” современного капитализма в этих государствах.

Если же эти “периферийные формы” (сборка, создание комплектующих изделий для продуктов, производимых развитыми странами; использование дешёвой рабочей силы для производства продуктов, реализуемых в развитых странах по демпинговым ценам и т.п.) будут преодолены, то выход этих “третьих” стран на уровень развитых государств, включенных “на равных” в мировое

соперничество, может привести к новой волне межимпериалистических столкновений, чреватых непредсказуемыми последствиями. Принимая во внимание наличие в них низкокачественных, но больших численно армий (а у ряда из них – возможностей создания ядерного и химического оружия), а также огромные людские ресурсы, можно ожидать, что эти противоречия и способы их разрешения могут в чём-то напоминать конфликты, характерные для государственно-монополистического капитализма начала XX века. Тогда они породили первую мировую войну. Угроза такого же конфликта может возникнуть и сегодня.

Наконец, не меньшую угрозу таит в себе *отставание большинства стран “третьего” мира*. Это отставание не только консервирует, но и возрождает добуржуазные отношения с огромными импульсами насилия и терроризма, порождает новые волны фундаментализма.

Все эти аспекты были названы выше, и теперь мы лишь фиксируем разнонаправленность тенденций, а также *противоречие между углубляющейся интеграцией и взаимозависимостью мира*, с одной стороны, и *ростом сепаратизма, конфликтов, разногласий, объективно разнонаправленных тенденций, способных породить глобальные мировые коллизии* – с другой.

Подводя некоторый итог этому разделу можно сформулировать *три глобальных материальных социальных проблемы*.

Первая. Гегемония корпоративного капитала порождает господство конформизма, подавленность человека миром этого корпоративного капитала, порождённого этим миром консюмеризма, индивидуализма. Происходит своего рода приватизация, “очастнивание” (термин *Л.Булавки*) всех сфер общественной жизни при параллельном росте (как alter ego этого процесса) власти корпоративных структур. В результате *нарастает разобщённость людей перед лицом глобальных проблем, разрешимых лишь ассоциированным, объединённым человечеством*. Ни конформистское большинство населения, ни элиты жёстко соперничающих кланов не способны решить названных выше проблем.

Вторая глобальная социальная проблема. В современном человеческом сообществе сформировались непреодолимые на данный момент качественная противоположность и количественный разрыв в динамике двух миров. Как следствие этого в *человеческом сообществе сформировалось экологическое, социально-экономическое и гуманитарное “гетто”*, не имеющее перспектив выхода в постиндустриальный мир, в мир креатосферы.

Для трёх четвертей человечества реальной глобальной угрозой становится замыкание в этом “инфернальном гетто”, или, если угодно, в “гетто отсталости”. На противоположной стороне – “золотой миллиард” (одна четверть человечества), которая тяготеет к самовырождению и замыканию в рамках “общества потребления”. При этом *консервация “общества потребления” сама по*

себе становится глобальной угрозой человечеству, даже если это общество и сможет каким-то образом не довести до катаклизма другие глобальные проблемы.

И, наконец, третья глобальная проблема человечества: в нём нарастает, с одной стороны, *сепаратизм, дезинтеграция, межцивилизационная разобщённость*, разнонаправленность динамики различных стран; с другой стороны, - объективная необходимость интеграции и единого скоординированного решения глобальных проблем первого уровня (уровня материального производства). Особенно эти процессы дезинтеграции, распада, сепаратизма, нарастание угрозы конфликтов между группами стран и отдельными странами усилились вследствие распада так называемого “второго” мира - мира бывшей “социалистической системы”, что привело к *однополюсной модели геополитики* с абсолютным доминированием и экономических, и политических, и идеологических структур развитых стран.

В завершение несколько слов **о глобальных угрозах человечеству в социально - культурной сфере.**

К сожалению, этот раздел останется лишь заявкой на будущий текст, ибо здесь автор ещё не может дать в достаточно систематизированном виде ответ на вопрос - какие именно социально-культурные проблемы превращаются ныне в глобальные. Но, по-видимому, в качестве намёка на будущие теоретические разработки можно выделить следующие пункты, проанализированные в четвертой части нашей работы.

Во-первых, это *глобальная проблема, связанная с развитием (и даже ренессансом) превратных форм креатосферы*. Расширенное воспроизводство прогресса или даже консервация этих превратных форм ведет к торможению творчества, генезиса креатосферы, мира, лежащего “по ту сторону” материального производства.

Во-вторых, это уже отмеченная глобальная монополизация культурно-духовной жизни со стороны mass media, идеологических структур и т.п. стран, являющихся “родиной” транснациональных корпораций, что и порождает информационный, культурный и идеологический империализм. Причём в данном случае духовное производство оказывается не просто подчинено интересам элит развитых стран. Оно оказывается прямым порождением гегемонии корпоративного капитала (со всеми последствиями, которые были выше сформулированы), отчуждая тем самым большую часть человечества от возможностей использования даже превратных форм развития креатосферы.

Это *отчуждение человечества от возможности использования даже превратных форм креатосферы* (прогресс “информационного общества”, “общества профессионалов”) является *второй глобальной проблемой* в социально-культурной сфере.

Наконец, *третьей глобальной проблемой* в этой сфере становится развивающиеся *подавление личности человека* как социо-культурного феномена вследствие названных первых двух тенденций. Личность (в потенциале - личность человека-творца, ориентированного на развитие культурных ценностей) превращают в функцию: специалиста, потребителя, клиента, подчинённого стандартам “общества потребления”, массовой культуры и корпоративной идеологии. Такой человек теряет свой творческий потенциал даже в том случае, когда он обладает высоким образовательным уровнем.

В странах же “третьего” мира, т.е. странах, где проживает большая часть человечества, происходят ещё более опасные процессы: эти страны поглощают отбросы массовой культуры, окончательно замыкаясь в культурном “гетто”.

Но это, повторяю, лишь намеки на характеристику трёх глобальных социо-культурных проблем, которые человечество должно, но не может пока решить вследствие гегемонии корпоративного капитала.